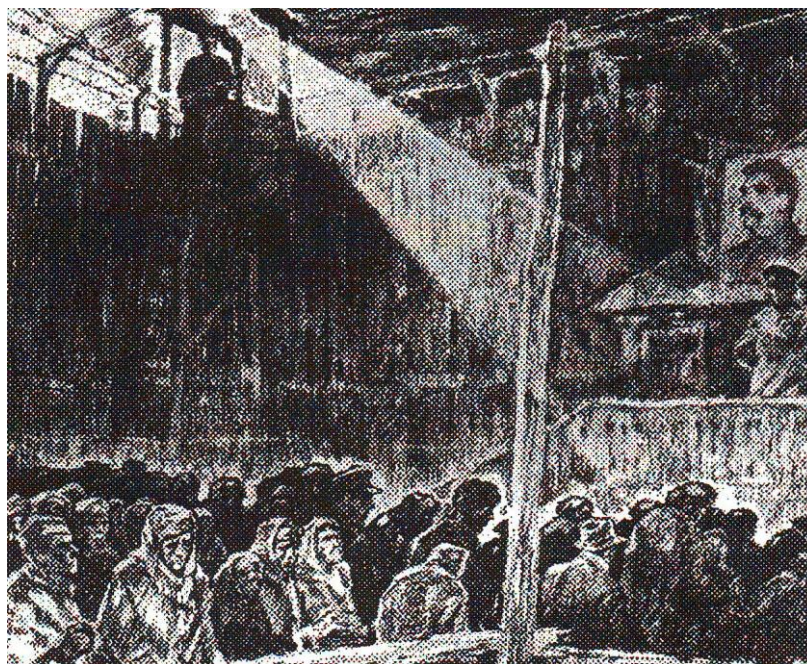

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный педагогический университет
Нижнетагильский государственный педагогический институт

В. М. Кириллов

**История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала.
1920-е – начало 1950-х гг.**

**Часть I
Репрессии 1920-1930-х гг.**

Нижний Тагил
1996

История репрессий на Урале

Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. В 2-х ч. Ч. 1. Нижний Тагил: Урал. гос. пед. ун-т, Нижнетагильский гос. пед. ин-т, 1996.

В научной монографии рассмотрена история репрессий в Нижнетагильском регионе Урала с середины 1920-х по начало 1950-х гг. Исследование охватывает важнейшие виды репрессий: лишение избирательных прав, раскулачивание, репрессии по контрреволюционным делам и функционирование лагерей.

На обширном источниковом материале, с использованием новейших междисциплинарных и традиционных методов исследования, в результате активной работы с репрессированными в рамках общества «Мемориал» рассматривается идеология, политика и практика репрессий. Приоритетными являются: механизм осуществления репрессий, массовое сопротивление жестокой государственной политике, особенности деятельности системы Тагиллага.

В приложении, наряду с архивными документами, представлены результаты разработки базы данных «Карта ГУЛАГа» - картографическое описание спецссылки и лагерей в масштабах СССР, Свердловской области и Нижнего Тагила.

Ответственный редактор:
профессор, доктор исторических наук Т. И. Славко

Рецензент:
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
отечественной истории Уральского государственного педагогического
университета В. М. Попов

Спонсор издания:
Нижнетагильское общество «Мемориал»

На суперобложке – рисунок худ. М. В. Дистергефта
«Спецконтингент» из серии «В те годы»

ISBN 5-7186-0246-8

© Кириллов В. М.

Оглавление

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	3
<u>ГЛАВА 1. ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ПРОБЛЕМЫ</u>	
1. Общая характеристика массовых источников.....	28
2. Методика обработки информации.....	39
<u>ГЛАВА 2. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА</u>	
1. Складывание основ советской правовой системы в борьбе с контрреволюцией (1917 – конец 1920-х гг.).....	56
2. «Великий перелом» и ужесточение репрессивных законов (конец 1920-х – 1930-е гг.).....	62
3. Военно-мобилизационные мероприятия и репрессивное законодательство СССР в 1940-е гг.....	67
4. Репрессивные акты «позднего сталинизма». Переход к законодательной реформе 1950-х гг.....	74
<u>ГЛАВА 3. ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ</u>	
1. Механизм ограничения прав граждан в ходе избирательных кампаний 1920-х гг.....	88
2. Построение «основ социализма» и лишенцы. 1929-1936 г.....	94
<u>ГЛАВА 4. РАСКУЛАЧЕННЫЕ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ТАГИЛЬСКОМ ОКРУГЕ</u>	
1. Этапы раскулачивания, численность спецпереселенцев и места расселения.....	112
2. Условия жизни и труд спецпереселенцев.....	132
3. Соппротивление крестьян-спецпереселенцев и методы борьбы с ними советской власти.....	153
<u>ГЛАВА 5. РЕПРЕССИИ ПО КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМ ДЕЛАМ. 1928-1940 ГГ.</u>	
1. Борьба за новую генеральную линию партии. 1928-1934 гг.....	178
2. Подготовка и осуществление «Большого террора». 1935-1938 гг.....	195
3. «Восстановление законности» в деятельности репрессивных органов. 1938-1940 гг.....	210

Памяти тагильчан –
жертв репрессий посвящается

Введение

История репрессий на Урале в советский период – проблема актуальная как в научном, так и в общественном отношении. На рубеже 1920-1930-х гг. активизировалась политика колонизации северо-восточных районов Советского Союза. В результате Урал стал местом интенсивного промышленного строительства и военным арсеналом страны. Сюда было направлено более трети раскулаченных – спецпереселенцев – СССР, а в конце 1930-х – 1940-х гг. созданы многочисленные лагерные системы, пропустившие через себя сотни тысяч заключенных. Кроме того, история репрессий преимущественно изучается в масштабах всей страны, и настала пора перейти от общего к региональному. Как известно, глобальные социально-экономические процессы оставляют свой след в историческом сознании людей лишь после их фиксации на локальном и индивидуальном уровне. Общая объективная картина репрессий советского периода по всей России может быть представлена только из мозаики локально-региональных проблем.

Историография истории репрессий прошла ряд этапов в своем развитии. Первые отклики на деяния большевиков появились в ходе революции, гражданской войны и через несколько лет после ее завершения. Как известно, события в России раскололи массовое сознание во многих странах и, несмотря на ужасные последствия красного и белого террора, одни восхищались большевиками, других их ненавидели. В такой ситуации не могло быть нарисовано объективной картины причин, масштабов и последствий террора. Впрочем, большая часть социал-демократии, не говоря уже о сторонниках других политических движений, восприняла действия большевиков негативно. Противники коммунизма на Западе и русские эмигранты однозначно осудили красный террор и положили начало его исследованию, обобщая материал как в масштабах

всей России, так и Урала, в частности. Однако в работах этого направления оказалось больше пристрастности, чем объективности¹.

В 1920-х – начале 1930-х гг. научное исследование террора и репрессий практически не велось. Это был период благодушной веры в усилия большевиков и определенного восхищения их достижениями. Лишь немногие историки, в основном представители российской эмиграции, продолжили линию осуждения красного террора и без особого успеха проклинали узурпаторов власти в России².

Следующий этап развития историографии по истории и практике репрессий в СССР совпадает с эпохой массового террора 1930-х – начала 1950-х гг. Официальная советская пропаганда с размахом обосновала необходимость борьбы с «врагами народа», «шпионами и предателями». Однако с середины 1930-х гг. формируется оппозиционная точка зрения Л. Троцкого, Н. Бухарина, Ф. Раскольникова, согласно которой репрессии второй половины 1930-х гг. объяснялись личной непорядочностью, коварством Сталина и его попытка расправиться с верными ленинцами. При этом совершенно не подвергалась сомнению необходимость террора в ходе революции, гражданской войны, практика лишения гражданства и избирательных прав в 1920-е гг. В западной историографии избавление от иллюзий началось только в конце 1930-х гг. в среде эмигрантов, в том числе – нелегальных³. Как отмечал Ж. Росси, «вопреки множеству уличающих показаний, мировое общественное мнение долго не хотело заметить советскую концентрационную действительность. После чистки 1937 г. не видеть ее мог лишь тот, кто не хотел»⁴. За рубежом растет поток литературы о репрессиях, постепенно расширяется проблематика исследований, начинаются первые научные дискуссии⁵. Для этого периода весьма символично название книги Херлинга – «Советская империя рабов» (Нью-Йорк, 1951). Изучаются такие проблемы, как труд и производительность в советских концлагерях, основы пенитенциарной политики, полицейские методы управления государством, со-

¹ См.: Мельгунов С. П. Красный террор в России: 1918-1923. Берлин, 1924. С. 47-84 – материал по Нижнему Тагилу; Давыдова Н. Полгода в заключении: Дневник 1920-1921. Берлин, 1923; Оржиховский В. Страницка «Красного террора» // На чужой стороне. 1924. № 8. С. 99-108; и др.

² Аронсон Д. Из записок тюремного старосты // На чужой стороне. 1925. № 9. С. 57-89; Malsagoff S. A. An island Hell: a Soviet prison in the Far North. London, 1926; Schirvindt E. Russian prisons. London, 1928; Atholl D. The Conscripton of a people. London, 1931 и др.

³ См.: Киселев-Громов Н. И. Лагеря смерти в СССР. Шанхай, 1936; Tchernavin V. I speak for the Silent Prisoners of the Soviets. London, 1939; Солоневич И. Россия в концлагере. Вып. 1-6. Буэнос-Айрес, 1958 (впервые изд. в 1936 г.).

⁴ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. Ч. 2. С. 518.

⁵ Borkenau F. Socialism National or International. London, 1942; Cranshow E. Russia by Daylight. London, 1951; Dallin D. and Nicolaevsky B. Forsed Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947; Марченко В. Тренд численности населения 1926-1939 // Программа изучения СССР. Нью-Йорк, 1953. № 35; и др.

ветский суд и карательная политика. На основе десятков свидетельств бежавших узников сделана первая попытка картографирования ИТЛ СССР⁶.

В ноябре 1947 г. Американская Федерация труда публично обвинила СССР в использовании принудительного труда. Международная конфедерация свободных профсоюзов (МКСП) с 1949 г. начала расследование этого факта. Позднее к ней подключилась ООН. В результате МКСП, базируясь на мемуарах узников советских лагерей и ряде эмигрантских исследований на эту тему, опубликовала в 1954 г. брошюру «Сталинские лагеря для порабощенных». В данной работе анализировались декреты СНК от 24 сентября и 9 октября 1930 г. и указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 августа 1940 г., ряд других законодательных актов по регулированию трудовых отношений, свидетельствующих о репрессивном характере законодательства. Была сделана попытка оценить численность заключенных в СССР и описать условия жизни в ИТЛ. Факты, изложенные в данной книге, оказались весьма близкими к действительности, и она попала в научно-методический кабинет научно-исследовательского отдела Главного Управления ИТК МВД СССР⁷.

Новый этап в развитии историографии репрессий – начало 1950-х – середина 1980-х гг. После XX съезда партии официальная советская историография, сообразуясь с партийными установками, связала репрессии с борьбой против оппортунистов, в ходе которой пострадали и невинные. Хотя специальных работ по теме репрессий в нашем отечестве не вышло, эта версия имела хождение в авторских коллективах М. П. Кима, Н. Н. Маслова, Б. Н. Пономарева, Ю. А. Полякова, Н. Н. Федосеева и др. Смерть «вождя всех народов» активизировала самиздатскую литературу в СССР и западную историографию. В литературе, вышедшей за рубежом, комплексными исследованиями этого периода стали труда А. Авторханова, П. Бартона, Р. Конквеста, М. Геллера, Б. Вольфа, С. Волина и Р. Слассера, А. Некрича, Б. Яковлева⁸.

⁶ Семенов Н. Советский суд и карательная политика. Мюнхен, 1952; Jashy N. Labor and Output in Soviet Camps // *Journal of Political Economy* 1951/59. Oct. P. 405-519; Rousset D. (under the direction of) *Police-State methods in the Soviet Union*. Boston, 1953; GULAG. *The Documentary Map of Forced Labour Camps in Soviet Russia*. New York, 1951.

⁷ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1801.

⁸ См.: Авторханов А. *Технология власти*. Франкфурт-на-Майне, 1976; Яковлев Б. *Концентрационные лагеря СССР*. Мюнхен, 1955; Barton P. *L'institution concentrationnaire in Russia (1930-1957)*. Paris, 1969; Conquest R. *The Great Terror*. London, 1965; Conquest R. *The Nation Killers: The World of Concentration Camps and Soviet Literature*. London, 1979; Nekrich A. *The Punished Peoples*. New York, 1978; Wolfe B. *Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System*. Boston, 1961; Wolin S. and Slusser R. *The Soviet Secret Police*. New York, 1957; Подробную биографию см.: Zorin L. *Soviet Prisons and Concentration Camps // An Annotated Bibliography 1917-1980*. Newtonville, Mass., 1980.

Исследователи затронули фактически весь круг проблем истории и практики репрессий в СССР от концептуального понимания сущности советского строя до описания этапов карательной политики. Одним из наиболее показательных и результативных стало исследование Б. Яковлева, где описаны карательные органы СССР, представлены этапы возникновения и развития лагерей с 1918 по 1954 гг., проанализированы основы структуры управления ИТЛ, составлен алфавитный список концлагерей, создана их карта, дано описание отдельных лагерей. В третьем разделе книги подробно анализировалось репрессивное законодательство. Понятно, что источниками для автора стали, прежде всего, устные свидетельства, но тем не менее, именно отсюда можно было почерпнуть первые сведения о лагерях Урала.

Принципиально важным для отечественной историографии было появление нового подхода к теме, выражением которого стала логика построения публицистического исследования – «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына⁹. Здесь осуждена государственная политика советской власти, начиная с 1917 г., обличен во лжи и насилии как Ленин, так и его последователи.

Однако массовое советское сознание 1950-х – конца 1980-х гг. в лучшем случае осуждало «перегибы» времен культа личности Сталина, чему способствовал поворот к официальному неосталинизму на рубеже 1960-1970-х гг.

В уральской исторической литературе в этот период появились биографические очерки деятелей большевистской партии, пострадавших от сталинщины: участников революции 1917 г. И. А. Наговицына, М. Н. Уфимцева; гражданской войны – В. К. Блюхера; руководителя Уральского и Свердловского обкома партии И. Д. Кабакова и др.¹⁰ В монографии А. В. Бакунина упоминалось о массовых репрессиях 1936-1937 гг. на Урале, перечислялись многие репрессированные. А. В. Бакунин оценил удельный вес «бывших эксплуататорских элементов» в составе рабочего класса Свердловской области на середину 1930-х гг. в 17 %. В эту цифру им были внесены и заключенные лагерей, тюрем, колоний¹¹.

⁹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1-7. Париж, 1973-1975.

¹⁰ См.: Романов В. Иван Кабаков. Свердловск, 1965; Плотников И. Ф. Десять тысяч героев: Легендарный рейд уральских партизан во главе с Блюхером В. К. М., 1976; и др.

¹¹ Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933-1937). Свердловск, 1968. С. 147.

О включении в состав трудящихся Урала «нетрудовых элементов» (спецпереселенцев, иностранных специалистов) говорилось в работах Н. М. Щербаковой¹². Непременным атрибутом историографии той поры было выборочное оправдание лидеров партийно-хозяйственной номенклатуры и неременное осуждение «раскулаченных» и «буржуазных спецов».

Реставрация идеологии сталинизма незамедлительно отозвалась в исторической науке. В работах ряда авторов той поры упоминались многие деятели партии, репрессированные в 1930-е гг., но без каких-либо подробностей их жизненного пути.

Во второй половине 1980-х гг. в работах И. В. Бестужева-Лады, Ю. С. Борисова, Г. Бордюгова, В. Козлова, А. П. Бутенко оформилась концепция, сходная с оппозиционной точкой зрения 1930-х гг. Репрессии сталинизма были в основном описаны, и установлена прямая связь между раскулачиванием, «спецееством» и политическими процессами 1930-х гг.

Следующий этап развития отечественной историографии репрессий был открыт дискуссией, возникшей после 1989 г. вокруг двух основных точек зрения. Согласно одной из них, репрессии – это отступление от ленинизма, деформация социализма под воздействием И. Сталина (А. П. Бутенко, Д. Волкогонов, Р. Медведев и др.). Другой взгляд заключался в том, что репрессии – итог построения социализма в соответствии с доктриной марксизма-ленинизма (А. С. Ципко, И. Л. Бунич и др.). Сегодня массовое историческое сознание под воздействием разоблачений эпохи гласности склонилось к осуждению опыта построения социализма. Однако при этом следует учесть, что такая оценка политизирована и слабо связано с базой конкретных исторических фактов. С изучением же реалий репрессивной политики отечественная историография справляется весьма замедленно. Это объясняется сохранившимся укладом нашего архивного дела и медленным преодолением стереотипов советского прошлого как на уровне государственных чиновников, так и на уровне исследователей.

Современная историография по истории репрессий в СССР сделала лишь первые шаги и прежде всего нацелена на выяв-

¹² См. напр.: Щербакова Н. М. Рабочий класс Урала в годы первой пятилетки // Рабочий класс Урала в период строительства социализма. Свердловск, 1982. С. 60.

ление и публикацию исторического материала. Освоение темы началось после январского Пленума ЦК КПСС 1989 г., который позволил обнародовать материалы ранее засекреченных архивов. Первые публикации источников появились в журнале «Известия ЦК КПСС» и затронули, в основном, «громкие» процессы 1930-х гг. Так, в одном из официальных сборников обобщены материалы по 11 процессам¹³. Благодаря работе В. Н. Земскова и Н. Ф. Бугая стали широко известны многочисленные факты о деятельности ГУЛАГа, численности его контингентов, спецсылке, раскулачивании и депортации народов СССР¹⁴. В 1991-1992 гг. спецхран ГУЛАГа стал доступным для более широкого круга исследователей.

В своих работах В. Н. Земсков анализировал уникальные материалы о «кулацкой ссылке» с 1930 г. по конец 1950-х гг., раскрыл документальную основу развития спецсылки в СССР, показал географию спецпоселений (в том числе и на Урале); описал историю ГУЛАГа, впервые привел официальные данные о численности заключенных различных категорий, раскрыл вопрос о репатриации советских граждан и рождении «второй эмиграции». Н. Ф. Бугай занимался изучением истории репрессий против народов СССР.

Масса новейших данных, приведенных вышеуказанными исследователями, вначале ошеломляет, однако вскоре становятся очевидными и некоторые упущенные возможности: отсутствует источниковедческая критика использованных источников; точность статистических данных при проверке их на местном материале вызывает сомнение. Совершенно очевидно, что на рубеже 1920-1930-х гг. в связи с процессами раскулачивания, голода, идеологического и политического диктата система сбора статистических сведений в стране была нарушена, и верить до конца отчетам ГУЛАГа не приходится. На расхождения в подсчетах В. Н. Земскова с данными региональной статистики указывает в своих работах Т. И. Славко¹⁵, зафиксированы они и на материале Нижнего

¹³ Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов / Под ред. А. Н. Яковлева. М., 1991.

¹⁴ Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан: 1944-1951 годы // История СССР. 1990. № 4. С. 26-41; Он же. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954-1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5-26; Он же. Об учете спецконтингента НКВД во всесоюзных переписях населения 1937 и 1939 гг. // Социологические исследования. 1991. № 2. С. 79-81; Он же. Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы и высланные: Статистико-географические аспекты // История СССР. 1991. № 5. С. 151-155; Он же. ГУЛАГ: Историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10-27; 1991. № 7. С. 3-17; Он же. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3-21; Он же. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1991. № 11. С. 5-27; Он же. ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. 1991. № 6-7. С. 69-70; Он же. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // 1992. № 2. С. 3-26; Он же. Репатриация советских граждан и их судьба // Социологические исследования. 1995. № 5, 6; Бугай Н. Ф. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений... Л. Берия – И. Сталину // История СССР. 1991. № 1. С. 143-165; Депортация народов СССР. М., 1992; Бугай Н. Ф. 20-50-е годы: Переселения и депортации еврейского населения в СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С. 175-185; и др.

¹⁵ См.: Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале? 1930-1936. М., 1995. С. 7.

Тагила. При оценке общей численности контингентов ГУЛАГа в целях подлинной объективности следует перейти от фиксации заключенных по годам к ежемесячному их учету, привлечь данные по следственным изоляторам, деятельности внесудебных органов и т. п. Только таким образом можно выйти на общие цифры пострадавших от репрессий. Иначе ошибки неизбежны. Авторы книги по динамике населения СССР справедливо замечают: «По данным Земского, за 1937-1938 гг. умерло в ГУЛАГе 115,9 тыс. чел. Если не забывать о том, что кроме лагерей ГУЛАГа, репрессированные умирали в тюрьмах, следственных изоляторах и т. д., а также в массовых расстрелах по приговорам судов и внесудебных органов, то число смертей, не учтенных статистикой тех лет, было намного больше»¹⁶.

Однако вышеприведенные замечания не снижают значимости работ В. Н. Земского, впервые введшего в научный оборот ценнейший комплекс источников.

Важное место в документальных публикациях на тему репрессий занимает процесс раскулачивания. Одними их первых здесь стали работы авторских коллективов из Новосибирска, Петрозаводска и другие¹⁷. В них представлен значительный массив директивного материала органов спецссылки и раскулачивания как центрального, так и регионального уровня. Документы позволяют оценить идеологические и хозяйственные мотивы этих процессов, проследить за конкретным воплощением их в жизнь, проанализировать важнейшие проблемы функционирования спецссылки: условия жизни и труда спецпереселенцев, их хозяйственное использование.

Многие уникальные материалы как по раскулачиванию, так и по другим видам репрессий, представлены в четырех выпусках «Неизвестная Россия XX в.», «Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах», в хрестоматии «История России. 1917-1940»¹⁸.

Ценный статистический материал, без которого невозможно оценить численность жертв репрессий, содержится в публикациях специалистов-демографов. Они позволяют наиболее близко к истине оценить результаты Всесоюзных переписей населения 1926, 1937, 1939 гг., понять причины

¹⁶ Андреев Е. М. и др. Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993. С. 49.

¹⁷ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992; Спецпереселенцы в Западной Сибири: Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск, 1993; Из истории раскулачивания в Карелии. 1930-1931 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1991; Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932. М., 1989.

¹⁸ Неизвестная Россия. XX век. Архивы. Письма. Мемуары. М., 1992; Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII – начало XX вв. М., 1994; История России: 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993.

официального аннулирования результатов второй из них, вычленив из общей массы населения 1930-х гг. заключенных и спецпереселенцев¹⁹.

В уральской исторической литературе рубежа 1980-1990-х гг. происходит быстрое продвижение вперед в изучении проблемы репрессий. Под прямым воздействием деятельности общественных объединений «Коммунар» и «Мемориал» историки публикуют материалы, как о репрессированных большевиках-ленинцах, так и троцкистах: Н. Н. Крестинском, С. В. Мрачковском, Л. С. Сосновском и др. В работах Н. Н. Попова дается оценка урона, понесенного свердловской партийной организацией в середине 1930-х гг.²⁰ В 1989 г. в Свердловске прошла научная конференция «Вклад большевиков-ленинцев в революционное движение и социалистическое строительство на Урале», где были подняты и методические проблемы изучения репрессий. Важным результатом работы свердловских историков стала книга о репрессиях 1937 г.²¹

В 1992 г. в ходе конференции «Политические партии и течения на Урале: история сотрудничества и борьбы» (Свердловск) был поднят вопрос о методах борьбы большевиков со своими политическими противниками. Затем состоялась конференция, посвященная судьбам репрессированной научно-технической интеллигенции Урала, и на ее основе опубликован сборник материалов²². Изучается история репрессий в автономных республиках Урала. Особую активность проявляют исследователи республики Коми. В ноябре 1993 г. здесь прошла научная конференция на базе Сыктывкарского государственного университета и общества «Мемориал» под названием «История репрессивной политики на европейском севере России (1930-1950-е гг.)»²³. Событием стала и конференция «Тоталитаризм и личность», проведенная в июле 1994 г. Пермским НИЦ «Урал-ГУЛАГ», где присутствовали и выступали бывшие историки партии, современные независимые исследователи, участники диссидентского движения. Материалы конференции отразили ши-

¹⁹ Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 175-181; Он же. Архивные материалы о числе заключенные в конце 30-х годов // Вопросы истории. 1991. № 4-5. С. 157-163; Поляков Ю. А. и др. Полвека молчания: Всесоюзная перепись 1937 г. // Социологические исследования. 1990. № 6-8; Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Население России в 1920-1950-е годы: Численность, потери, миграции. М., 1994; и др.

²⁰ Попов Н. Н. Белые и черные пятна прошлого // Уральский рабочий. 1988. 14 августа.

²¹ 37-й на Урале. Свердловск, 1990.

²² Дела и судьбы: Научно-техническая интеллигенция Урала в 20-30-е годы. Екатеринбург, 1993.

²³ См.: Мемориал-аспект // Информационный бюллетень общества «Мемориал». 1993. № 4. С. 6.

рокий спектр мнений в подходе к основным вопросам темы репрессий²⁴.

В пределах бывшего СССР к середине 1930-х гг. сложился ряд научно-исследовательских центров по изучению истории репрессий. В Москве на базе НИЦ Московского и Международного Мемориала ведется разработка целого ряда исследовательских проектов: «История диссидентства», «Остарбайтеры», «Поляки, репрессированные в СССР», «История ИТЛ СССР (1929-1961 гг.)»; вышел целый ряд интересных публикаций²⁵.

Кроме москвичей, активно занимаются изучением темы репрессий в Санкт-Петербурге, Харькове, Донецке, Перми, Екатеринбурге, ряде городов Сибири (Тобольск, Новосибирск, Омск, Томск, Кемерово)²⁶, Магадане²⁷, Петрозаводске²⁸, Воркуте, Сыктывкаре, Рязани²⁹, Калуге, Элисте, Владивостоке, Казани, Алма-Ате, Воронеже, Краснодаре, Ярославле, Кургане, Нижнем Тагиле, Челябинске³⁰ и др.

Уникальная ситуация с изучением истории репрессий сложилась на Украине. Здесь в 1992 г. на государственном уровне (Указ Верховного Совета и решение Кабинета министров) принято постановление о создании Книги памяти репрессированных в советский период граждан республики. В результате во всех областях Украины созданы штатные группы по сбору материалов и подготовке их к публикации. Ничего подобного нет в России. Здесь такая работа все еще является уделом энтузиастов. Наибольших результатов в исследовании истории репрессий достигли НИЦ(ы) и отдельные исследователи из «Мемориалов», сумевшие создать общие

²⁴ См.: Тоталитаризм и личность. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Пермь, 1994.

²⁵ Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991; Вып. 2. М., 1992.

²⁶ Болю людская: Книга памяти томичей, репрессированных в 30-40 и начале 50-х годов. Т. 3. Томск, 1992; Рудин В. Соппротивление произволу // Разыскания. Вып. 2. Кемерово, 1992; Пайчадзе С. А. Издания БАМЛага ОГПУ-НКВД // Вторые Макушинские чтения. Томск, 1991; и др.

²⁷ Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (1932-1937). Краеведческие записки. Магаданский обл. краеведческий музей. Вып. 17. Магадан, 1991; Широков А. М., Этлис М. М. Советский период Северовостока России (Историография и новые архивные данные). Магадан, 1993.

²⁸ Карлаг в 40-х годах // Советские архивы. 1991. № 6. С. 30-46; Их называли КР: Репрессии в Карелии 20-30-х гг. / Сост. Цыганов А. М. Петрозаводск, 1992; Из истории раскулачивания в Карелии: 1930-1935 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1991.

²⁹ В Рязани «мемориальцами» издается общемемориальный независимый и правозащитный журнал «Карта», непосредственно посвященный теме репрессий.

³⁰ Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан. Т. 2. / Сост. Ю. И. Калиниченко и др. Калуга, 1994; Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1-2. Элиста, 1993; Пашков А. М. Боль и память. Южно-Сахалинск, 1990; Султанбеков Б. С. С грифом «Совершенно секретно»: Драматические страницы истории Татарстана. Казань, 1993; Михалков В. Ф. Хроника Великого Джута: Документальное повествование. Алма-Ата, 1990; Лаппо Д. Д. В красно-белом отсвете трагедии: Воронежская губерния. 1917-1920. Воронеж, 1993; Кропачев С. Большой террор на Кубани: Драматические страницы истории края 30-40-х гг. Краснодар, 1993; Не предать забвению. Ярославль, 1993; Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4. С. 159-167; Книга Памяти: Посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917-1980-х гг. Екатеринбург, 1994; Тагильский краевед: Альманах. Нижний Тагил, 1992; Базаров А. А. Кулак и Агрогулаг. Челябинск, 1991; Трудовая армия на строительстве Челябинского металлургического завода: 1942-1945 / Публ. подг. Турова Е. П. // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 72-83.

периодические органы – информационный бюллетень «Мемориал-аспект», журнал «Карта» – и положившие начало разработке международных программ. Однако уже сегодня складывается иная ситуация – мемориальцы активно сотрудничают с учеными-историками, а профессионалы-исследователи из академической науки углубляются в изучение рассматриваемой темы.

Глубокая разработка темы репрессий ведется не только в центре, но и в региональных масштабах. Подтверждением вышесказанному является ситуация в Екатеринбурге, где роль объединяющего начала в изучении проблемы играет Уральский государственный университет. Здесь принята исследовательская программа «Региональный банк данных: Урал XX в.» и формируются компьютерные базы данных по широкому спектру проблем: концлагеря Урала в 1920-е – начале 1930-х гг.; судьба церкви и священнослужителей в 1920-е гг.; контрреволюционные выступления населения Урала в 1918 – начале 1930-х гг.; кулацкая ссылка на Урале в 1930-е гг.; принципы формирования образа врага народа в 1920-1930-х гг.; социально-экономические и психологические последствия репрессивной политики и др.³¹ Первые результаты исследований отражены в многочисленных публикациях, сборниках ряда региональных конференций³².

Самыми существенными из опубликованных являются работы по кулацкой ссылке на Урале³³. Первая из них представляет сборник важнейших документов по раскулачиванию и спецссылке, расположенных в хронологическом порядке с 1 февраля 1930 г. по 25 ноября 1936 г. Вторая входит в серию «Десять новых учебников по историческим дисциплинам», издающуюся при содействии фонда «Фольксваген», и весьма удачно сочетает исследовательский и источниковый материал. В ней Т. И. Славко раскрывает прямую связь между лишением избирательных прав и раскулачиванием, прослеживает историю репрессивной политики в отношении крестьянства в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., показывает условия жизни в спецссылке и трудовое использование спецпереселенцев. Принципиально важным являются замечания автора о процессе дробления крестьянских хозяйств к концу 1920-х гг. и о значительно меньшем (в 1927/1928 гг. около тысячи по Уралу) количестве кулацких хозяйств по сравнению с официальными данными (3-5 %) и

³¹ См. Славко Т. И. Региональный банк данных: Урал в XX в. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Март, 1995. № 13. М., 1995. С. 118-119.

³² История России: 1917-1940: Хрестоматия. Екатеринбург, 1993; Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале: 1930-1936 гг. Екатеринбург, 1994; Грум-Гржимайло В. Е. Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело. Екатеринбург, 1994; Региональный банк данных: Урал в XX веке. Тезисы рабочего совещания, ноябрь 1993. Екатеринбург, 1993; Российская интеллигенция. XX век. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 23-24 февраля 1994. Екатеринбург, 1994; История репрессий на Урале в годы советской власти. Тезисы научной конференции. 25-26 октября 1994. Екатеринбург, 1994.

³³ Бедель А. Э., Славко Т. И. Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале: 1930-1936 гг. Екатеринбург, 1994; Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале: 1930-1936. М., 1995.

данными современных историков (2,9-3 %). Уточняя сведения о количестве спецпереселенцев, Т. И. Славко приходит к выводу, что на промышленных предприятиях Урала они составляли от 40 до 80 %, а в лесной промышленности от 50 до 90 % кадрового потенциала³⁴. Четко зафиксированы и расхождения в подсчете спецпереселенцев между документами центра и данными на местах (по одним подсчетам в сельскохозяйственных колониях было 15 тыс. чел., по другим – 36 тыс. чел.)³⁵. Таким образом, региональные исследования подобного рода позволяют гораздо ближе подойти к истине, чем это возможно по обобщенным отчетам ГУЛАГа и Отдела трудовых поселений НКВД-МВД.

Разворачивается публикаторская и исследовательская работа на базе архивов Свердловской области. Сотрудниками архивов издан ряд документальных публикаций и справок-обзоров³⁶. С 1995 г. начинает выходить периодический журнал «Архивы Урала» с постоянной рубрикой «Из тайников секретных служб», где печатаются материалы архивно-следственных дел и подборки документов по раскулачиванию³⁷.

Говоря об изучении репрессий в масштабах Урала, нельзя обойти вниманием работы А. А. Базарова и И. Е. Плотникова³⁸. Научно-публицистическое исследование первого из них стало одним из первых в описании истории раскулачивания на Урале с точки зрения новых подходов к советской истории. Автор проанализировал широкий круг документов из архивов Свердловской, Челябинской, Пермской и Курганской областей и достаточно интересно подал «сухой» материал источников. В его труде раскрыта политика налогового ограбления крестьян, эксплуатации его с помощью государственных займов и, наконец, уголовного преследования до и после раскулачивания. Определенные недостатки исследования (отсутствие сведений из центральных архивов, некоторая вольность в обращении с цифрами и т. п.) восполняются четкой и страстной позицией автора по отношению к Агроулагу.

Заслуживают интересы публикации И. Е. Плотникова. В отличие от А. А. Базарова, он использует данные центральных архивов: ГАРФ, РГАЭ, РЦХИДНИ (правда, без фонда ГУЛАГа и Отдела спецпоселений МВД

³⁴ Славко Т. И. Указ. соч. С. 124.

³⁵ Там же. С. 131.

³⁶ Свидетельства истории. Публикация документов (церковь). Вып. 3. Екатеринбург, 1994; Из документов КПСС. Вып. 1. Спецпереселенцы на Урале в 1920-1930 гг. Екатеринбург, 1994; Свидетельства истории. Публикация документов: Тоталитаризм и личность. Вып. 4. Екатеринбург, 1994; Раскулачивание на Урале: Из документов КПСС. Тематический перечень. Вып. 5. Ч. 1, 2. Екатеринбург, 1994.

³⁷ Коллективизация в рассекреченных документах / Сост. Темникова И. В., Дулепова Р. С., Бухаркина О. А., Степанова Г. И. // Архивы Урала. 1995. № 1. С. 54-81.

³⁸ Базаров А. А. Кулак и Агроулаг. Челябинск, 1991; Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4. С. 159-167; Он же. О темпах и формах коллективизации на Урале // Отечественная история. 1994. № 3. С. 77-91; Он же. Ссылка крестьян на Урал в 1930-е гг. // Отечественная история. 1995. № 1. С. 160-179.

СССР), проверяя обобщенные данные с мест. В его работах весьма убедительно обоснованы этапы коллективизации и раскулачивания, произведен подсчет численности спецпереселенцев по годам, описаны условия жизни и труда, хозяйственное использование спецссылки, показано сопротивление коллективизации, представлен значительный материал по Нижнетагильскому региону. Однако, в отличие от исследователей из Екатеринбурга, И. Е. Плотников пользуется только традиционными методами научной работы. Он придерживается ранее принятых взглядов на дифференциацию крестьянства в конце 1920-х гг., не анализирует взаимосвязь процессов лишения избирательных прав и раскулачивания, обходит вниманием такой важный источник, как фонд отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР.

Ознакомление с работой вышеперечисленных научных центров и авторов, анализ опубликованной литературы по проблеме репрессий позволяют сделать некоторые выводы. Прокатившаяся после 1987 г. волна публицистики на тему репрессий, последовавшие за ней многочисленные научные публикации последнего времени постепенно подвели нас к качественно иному уровню понимания проблемы репрессий. Изучение большинства вопросов по данной проблеме стало глубже и объективней, чем ранее. Это касается проблем коллективизации-раскулачивания; депортации народов; террора середины 1930-х гг.; отчасти репрессий в 1920-е гг. и в годы Великой Отечественной войны. У некоторых исследователей даже сложилось мнение, что «тема репрессий из самостоятельной превращается во вспомогательный частный сюжет проблемы советского тоталитаризма»³⁹. На наш взгляд, однако, для цельного представления о механизме, масштабах и всей истории репрессий советской власти с 1918 по 1980-е гг. предстоит провести еще значительное число исследований, в том числе монографического характера.

Анализ научной, публицистической, мемуарной и иной литературы, вышедшей за рубежом как в предыдущие десятилетия, так и в последнее время⁴⁰, позволяет сделать ряд обобщений. В западной историографии давно и последовательно осуждается политика коммунистического режима в СССР, разработаны достаточно продуктивные методологические и методические подходы к исследованию истории репрессий; еще в

³⁹ Камынин В. Д., Заболотский Е. Б. Тема репрессий 20-х – начала 50-х гг. в уральской исторической литературе // История репрессий на Урале в годы советской власти. Тезисы научной конференции 25-26 октября 1994. Екатеринбург, 1994. С. 41-44.

⁴⁰ Максудов С. Потери народонаселения СССР. Бостон, 1989; Кулаки и партийцы. Публикации и комментарии С. Максудова. Анн Арбор, 1987; Бжезинский З. Большой провал. Нью-Йорк, 1989; Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927 / Ред.-сост. Фельштинский Ю. М. Т. 1, 2. Бостон, 1990; Dyadkikh J. G. Unnatural death in USSR: 1928-1954. New Brunswick, 1983; и др.

1930-х гг., в мемуарной литературе и первых научных исследованиях на эту тему показана сущность террора и системы концлагерей, раскрыта организация и функционирование карательного механизма, судов и внесудебных органов, законодательная система, обеспечивающая репрессии. В 1950-х гг. началась научная дискуссия о потерях народонаселения СССР, и к 1980-м гг. сделаны довольно убедительные подсчеты жертв большевизма.

Однако возможности зарубежных исследователей, лишенных доступа к первоисточникам, были всегда ограничены. Главной базой для них служили архив Троцкого, Смоленский архив, волею судеб оказавшийся в США после войны, а также личные архивы и воспоминания эмигрантов из СССР. Сегодня, когда рассекречены тысячи тайных фондов различных архивов, отечественные историки получили в свои руки уникальный по степени достоверности материал, никогда не попадавший в руки исследователей США, Франции, Англии. За короткий период времени российская историография сделала огромный шаг вперед в изучении темы репрессий. Целый ряд публикаций позволил нам не только сравняться с западной историографией, но и опередить ее по ряду направлений. Тем не менее, вполне очевидно, что глубинное исследование темы репрессий отечественными историками еще только начинается, и перед ними стоит целый ряд проблем. Значительны разногласия в области методологии: вслед за Западом стало модным использование тоталитарной модели при объяснении истории СССР. Между тем, за рубежом данный подход стал лишь одним из направлений в научных исследованиях. А. К. Соколов весьма точно замечает по этому поводу, что «широкое распространение тоталитарной модели в отечественной литературе объясняется ее антиномическим сходством с советским классовым или партийным подходом к проблемам взаимодействия общества и власти... Под эту модель, как и прежде, можно подгонять факты, игнорируя и отбрасывая то, что в нее не укладывается». Необходимо согласиться с призывом А. К. Соколова к более взвешенному анализу отношений «общества и порожденных им

институтов власти», к несводимости их «к простым и ясным объяснениям...»⁴¹

Методика исследований вышеуказанной темы развивается в пределах бывшего СССР довольно успешно: внедряются электронные комплексы и создаются базы данных по проблемам репрессий. Однако процесс этот идет хаотично, что чрезвычайно затрудняет обобщение результатов работы десятков ученых. Достаточно активно продвигается вперед публикация первоисточников, хотя этот процесс тормозит слабая полиграфическая база.

Приоритеты в исследовательской работе очевидны. Отечественные историки имеют недостаточное представление о периодах Гражданской войны, 1920-х, 1940-х, 1950-х гг., требует дальнейшего исследования вопрос о законодательном обеспечении репрессивной политики, о народном бунте, диссидентском движении. Давно наступила пора активной разработки материала по репрессиям регионального характера. Никакое самое смелое обобщение, даже опирающееся на личные архивы Сталина и всесильного ОГПУ-НКВД, не может заменить кропотливой работы в местных архивах. Все, что сказано в публицистике, должно быть проверено беспристрастным историческим фактом.

Исходя из вышесказанного, цель данного исследования заключается в изучении репрессий в период с середины 1920-х гг. по начало 1950-х гг. на материалах одного из регионов Урала. Сегодня еще невозможно написать обобщающее исследование в масштабах всего Урала. Поэтому мы ограничиваемся Нижнетагильским регионом, который в основном совпадает с границами Тагильского административного района Уральской области, существовавшего до 1931 г. В его пределах располагалась значительная часть кулацкой ссылки на Урале и оформилось четыре лагерных системы: Ивдельлаг, Севураллаг, Богословлаг и Тагиллаг (основным объектом исследования является последний из них).

Впервые в качестве объекта изучения на уровне региона взят широкий комплекс репрессий в столь значительных временных

⁴¹ Соколов А. К. Лекции по советской истории. 1917-1940. М., 1995. С. 223, 224.

рамках. Хронологически исследование охватывает несколько взаимосвязанных этапов репрессий: лишение избирательных прав, раскулачивание, контрреволюционные процессы 1930-х гг. и функционирование лагерей в 1940-1950-х гг. Начальный рубеж избран в связи с наличием в архивах списков лишенцев, а конечный объясняется завершение эпохи личной диктатуры Сталина, резким сокращением контингента ГУЛАГа и ликвидацией Тагиллага.

На обширном источниковом материале, с использованием новейших междисциплинарных и традиционных методов исторического исследования, в результате активной работы с репрессированными в рамках общества «Мемориал» рассматривается история репрессий на локальном уровне. Сущность методики сбора и обработки информации (создания специализированных баз данных по проблеме «Репрессированные» и программе «Карта»; контент-анализа; социологических методов анкетирования и др.) раскрывается в первой главе монографии. Вторая глава посвящена анализу репрессивного законодательства, на фоне которого рассматриваются все остальные проблемы исследования.

Приоритетными в данной работе являются вопросы, связанные с условиями жизни и труда пострадавших от репрессий, механизмом осуществления репрессий, массовым сопротивлением жестокой государственной политике, особенностями функционирования крупной лагерной системы.

Важную роль играет приложение к монографии, которое позволяет использовать ее как учебное пособие для студентов исторических факультетов и преподавателей истории средних школ, колледжей, лицеев и т. п. В нем, наряду с архивными документами, представлены результаты разработки программы «Карта» – картографическое описание систем спецссылки и лагерей в масштабах СССР, Свердловской области и Нижнего Тагила.

Источниковая база по истории репрессий на Урале представляет собой значительный по объему и разнообразию массив архивных и иных документов. Для того чтобы его обработать, необходимы многолетние усилия десятков исследо-

вателей и использование новейших методов анализа материалов. Документальные комплексы можно условно разделить на группы по степени их доступности. Первую группу составляют официальные документы партии и правительства СССР, местных административных, статистических и иных органов. Часть документов этой категории была в распоряжении исследователей и до «эпохи гласности», другая часть – опубликована лишь в последнее время. В них мы находим информацию по обоснованию и организации репрессий. Сегодня источников, содержащих такую информацию, достаточно много⁴². Однако поиск многочисленных подзаконных актов еще далеко не закончен. Другая группа источников представляет из себя архивные материалы, рассекреченные лишь недавно, в малой степени опубликованные и только еще начинающие вводиться в научный оборот⁴³.

В 1992 г. в России началось создание государственных архивов административных органов, призванных сосредоточить в своих хранилищах все личные дела на репрессированных в годы советской власти. На самом же деле работа разворачивается крайне медленно. В ГАОСО, например, создано пока три фонда общим объемом около 70 тыс. дел: фонд фильтрационно-трофейных материалов; фонд архивно-следственных дел на граждан, реабилитированных в установленном порядке; фонд «Спецторг НКВД-УВД». Федеральная служба безопасности не торопится передавать личные дела необоснованно репрессированных в ГАО, как это определено распоряжением правительства. Так, за первый квартал 1994 г. передано только 1 тыс. дел. По сию пору не решен вопрос с архивами бывших лесных лагерей, находящихся в ведении УВД. Исследователям до сих пор не удалось познакомиться с массивом из более чем 180 тыс. дел архива «Тагиллага». Сам архив располагается в совершенно непригодном помещении бывшей тюрьмы, и срок жизни учетных карточек в нем два-три года (в таком ветхом состоянии они находятся).

Учитывая труднодоступность базовых источников в архивах репрессивных и административных органов, нам пришлось

⁴² См.: Ведомости Верховного Совета СССР. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: 1917-1954 гг. Сб. док. М., 1955; Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР: 1917-1952. М., 1953; Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1953-1991. Казань, 1992; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993; Уголовный кодекс РСФСР (в ред. 1926 г.). М., 1929; и др.

⁴³ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991; Депортация народов СССР. М., 1992; Фонды Архива административных органов Свердловской области; Фонды ГУЛАГа и ОГПУ-НКВД-МВД СССР в ГАРФ; и т. п.

провести максимально широкий поиск альтернативных документальных комплексов в разных подразделениях архивной службы. Богатейшим материалом по теме репрессий располагает НТФ ГАСО. Фонд исполкома Нижнетагильского окружного и городского советов содержит уникальный статистический материал по движению народонаселения; взаимоотношениям Советов с ОГПУ-НКВД; по борьбе против религии, верующих (в сочетании с другими фондами); по практике лишения избирательных прав в 1925-1936 гг.; по раскулачиванию-спецсылке; документы по обследованию мест заключения 1920-х гг. и деятельности Тагилстроя-Тагиллага НКВД в 1941-1953 гг.⁴⁴ Фонд Тагилстроя-Тагиллага, вместе с архивами отделов кадров и музеев предприятий города, архивом общества «Мемориал», позволяет воссоздать во многом детальную картину формирования, этапов развития и функционирования Тагиллага.

Такого же характера документы представлены в фондах всех областных государственных архивов. Например, в ГАСО, в фондах судебных органов имеются дела по обвинению граждан в антисоветской агитации, неподчинении советской власти, саботаже, оскорблении коммунистов, контрреволюции, агитации против ВКП(б). Инструкции, постановления НК РКИ по проверке и чистке советского аппарата отложились в фонде «Уральская областная комиссия ВКП(б) – областной отдел рабоче-крестьянском инспекции».

Исключительно ценные материалы находятся в десятках фондов и сотнях дел ЦДООСО: Уральского (Свердловского) обкома КПСС, Уралбюро ЦК РКП(б), Нижнетагильского окружкома РКП(б), политотделов ИТЛК-ИТУ, Восточно-Уральского ИТЛ МВД РСФСР, Ивдельспецлеса МВД СССР и др. Ознакомление с документами центра позволяет изучить социальный облик репрессированных с 1920-х по 1950-е гг., в том числе членов партии, проследить этапы репрессий. Фонд Уралобкома содержит материалы о работе ОГПУ, докладные записки и переписку о классовой борьбе в деревне, статистику террора по области за 1928 г., анализ контрреволюционных вы-

⁴⁴ См.: Нижнетагильский филиал ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1-3; Ф. Р-21. Оп. 1; Ф. Р-417. Оп. 1; Ф. Р-211. Оп. 1; Ф. Р-229. Оп. 1; Ф. Р-223; и др.

ступлений в области в 1933-1934 гг. В фонде Нижнетагильского горкома партии имеются документы партийных и карательных органов о шпионской и вредительской деятельности. Достаточно представительный материал о борьбе с троцкистами в 1920-х гг. содержится в фондах Свердловской области и окружных контрольных комиссий.

Ценные документы, относящиеся к базовым источникам, сосредоточены в Государственном архиве административных органов Свердловской области, в котором исследователи получили возможность работать только с 1994 г. Знакомство с архивно-следственными материалами на граждан, подвергшихся репрессиям и ныне реабилитированных, позволяет заглянуть в самую суть проблемы репрессий, сделать наиболее достоверные обобщения. Сочетая данные Архива административных органов, информационного центра УВД и архива ФСБ с устными свидетельствами, личными документами и мемуарами бывших репрессированных, можно представить масштабы репрессий, механизм их осуществления и восстановить имена тысяч людей, канувших в бездну небытия. Однако при этом следует учесть, что архивы репрессивных ведомств предоставляют исследователям материалы только по реабилитированным лицам, да и то с согласия родственников. Реабилитация без заявления родственников идет очень медленно, и процесс этот может завершиться только через несколько лет. Это значит, что о судьбах десятков тысяч наших сограждан мы узнаем очень нескоро.

Хорошим дополнением к вышеуказанным источникам являются документы текущего архива Нижнетагильского общества «Мемориал», начатого в 1989 г. В результате поисковых полевых экспедиций, сбора устных свидетельств, запросов в информационные центры УВД и ФСБ, анализа материалов музеев и архивов предприятий города в течение нескольких лет работы энтузиастов-исследователей накоплен значительный документальный материал. В частности, создана картотека на 3 тыс. репрессированных тагильчан, которая проходит проверку через ГААОСО. Независимый архив «Мемориала» позволяет не толь-

ко выявлять недостающую информацию, но и проверять точность официальных архивных документов, виртуозно фальсифицированных в советскую эпоху.

Комплексное исследование темы репрессий на Урале невозможно без работы с материалами центральных архивов России: ГАРФ, РГАЭ и др. Уникальные фонды ГУЛАГа (ф. 9414), Четвертого спецотдела МВД СССР (ф. 9479), Главного управления лагерей лесной промышленности МВД СССР (ф. 8360) и НКВД-МВД СССР (ф. 9401, 393 и др.) находятся в ГАРФ и только в начале 1990-х гг. стали доступными исследователю. Значительный интерес представляет ф. 5679 Главного управления строительства наркомата тяжелой промышленности, ф. 7637 Министерства лесной промышленности СССР и др. в РГАЭ. Только с использованием этих фондов можно вести речь об объективном использовании лагерной системы и спецссылки в СССР.

Подводя итоги анализу документальной базы по теме исследования, можно говорить о весьма объемном комплексе первичных источников, позволяющем воссоздать историю репрессий в Нижнетагильском регионе Урала.

Автор благодарит директора Нижнетагильского филиала Уральской независимой библиотеки М. В. Золотухина и заместителя директора АО НТМК Ф. Ю. Дудкина за любезно предоставленную оргтехнику, необходимую для создания базы данных «Карта ГУЛАГа».

Глава 1 Информационная база проблемы

1. Общая характеристика массовых источников

Создание банка данных по истории репрессий на Урале требует формирования баз данных по целому ряду проблем, связанных с этапами и видами репрессий. В свою очередь, создание баз данных возможно при соответствующем наборе массовых источников и определении их информационного потенциала. Во введении к монографии дано самое общее описание источниковой базы, теперь перейдем к характеристике массовых источников.

По определению И. Д. Ковальченко, «массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем»⁴⁵. Таким образом, речь идет об источниках, сведения которых используются для изучения статистических закономерностей развития исторических явлений и процессов. Первый комплекс источников, с которого начинается исследование, – это законные и подзаконные акты советского государства, закрепившие репрессивную политику. В главе 2 монографии проанализировано около 90 документов такого рода: декреты, постановления, законы, циркуляры, положения, инструкции, секретные директивы, письма, указы, уголовные кодексы 1922, 1924, 1926 гг., кодексы законов от труде, исправительно-трудовые кодексы, конституции 1918, 1924, 1936 гг., приказы и постановления ГКО. Доказательствами массовости данного комплекса источников является то, что в нем представлены почти все основные единицы наблюдения генеральной совокупности, достаточно однородные по своему характеру. Практически все документы сформированы в

⁴⁵ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 6.

органах государственной и политической власти, в них суммируются однотипные признаки в соответствии с неумолимой логикой развития репрессивной политики советского государства. Достоверность источников отчасти подтверждается их официальной публикацией. По принятой классификации их можно отнести к массовым источникам второй группы⁴⁶.

При изучении репрессий с первых лет существования советской власти мы сталкиваемся с практикой лишения избирательных прав. Списки лишенных избирательных прав по Нижнему Тагилу, округу и району – один из источников по истории репрессий на Урале. Они формировались городскими, окружными, районными избирательными комиссиями в связи с положением статьи 65 Конституции РСФСР 1918 г., затем – статьи 69 Конституции РСФСР 1924 г. о лишении избирательных прав бывших эксплуататоров, врагов Советской власти и их пособников. Списки составлялись и пополнялись во время проведения избирательных кампаний и уточнялись в промежутках между ними. В период с 1924 по 1936 г. в Нижнем Тагиле эта работа велась систематически. За это время, по данным Нижнетагильского филиала государственного архива Свердловской области составлено около 200 списков граждан, лишенных избирательного права по Нижнему Тагилу, округу, а с 1931 г. – району. Списки во время существования Нижнетагильского округа (с 1923 по 1930 г.) охватывали шесть городов, шестнадцать районов, 25 рабочих поселков и 117 сельсоветов. С переходом к новому административному делению в конце 1930 г. и появлением Нижнетагильского района география списков несколько сократилась. В каждом из них содержится информация о различном количестве людей – от пяти-шести до полутора тысяч человек. Ежегодно во время проведения избирательных кампаний с 1924 по 1936 г. разрозненные списки объединялись в один большой. Таких «годовых» списков, отпечатанных типографским способом в 100-200 экз., в архиве шесть, обобщенных списков по годам – более двадцати.

Целью составления списков было лишение права голоса всех предполагаемых противников советского строя при выборах в

⁴⁶ Методика исследования массовых исторических источников / Сост. Т. И. Славко. Свердловск, 1991. С. 19.

различные органы власти. Инициаторами создания списков являлись органы ОГПУ-НКВД, избирательные комиссии и другие властные структуры. В 1930 г., согласно Инструкции ВЦИК о выборах в Советы от 20 октября 1930 г., подготовка материалов к составлению списков лишенных в городах и крупных рабочих поселках была возложена на административные органы исполкомов. Все граждане, скрывшие, что они лишены права голоса, и не зарегистрировавшиеся в административном отделе, подлежали уголовной ответственности по статье 91 УК РСФСР. В циркуляре № 47 по Уральской области от 16 ноября 1930 г. подчеркивалось: «Административные отделы должны помнить, что лишение избирательных прав – это политическая смерть гражданина со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁴⁷.

Сведения о подозреваемых в сомнительном происхождении или антисоветских настроениях принимались практически от всех граждан, в том числе и профессиональных осведомителей. Отдельные списки печатались на больших листах бумаги типографским способом и вывешивались на всеобщее обозрение жителей города, села или поселка. Подобные списки во многом аналогичны проскрипционным спискам времен Великой французской буржуазной революции. С помощью них тайные и явные агенты политической полиции, обычные граждане с «твердым рабочим» происхождением вылавливали «врагов народа», пытавшихся подать свой голос на выборах, а зачастую просто сводили счеты со всеми, кто мешал им в частной жизни. В связи со многими нарушениями в лишении людей избирательных прав, в 1930 г. были созданы городские комиссии по проверке правомерности лишения прав, на каждого лишенца заведено личное дело, подвергнуты критике случаи личной мести. Однако эти решения сыграли в процессе лишения избирательных прав не большую роль, чем статья Сталина «Головокружение от успехов» в устранении перегибов в коллективизации. Таким образом, списки – источник, отражающий факт политических репрессий в СССР.

⁴⁷ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1823. Листы не обозначены.

Типичные списки имеют следующую информационную структуру: порядковый номер, фамилия, имя, отчество лишенца, конкретная причина лишения избирательного права, адрес. Список подразделяется на следующие категории-основания для лишения избирательных прав: торговцы и промышленники, лишенные избирательного права по суду, служители культа и молитвенных домов, белые офицеры, полиция и жандармерия, административно высланные, кулаки и члены их семей, спецпереселенцы, кустари, ремесленники и старатели, умалишенные. Лишение избирательных прав, как видно из вышесказанного, носила ярко выраженный политический характер.

Списки как источник могут быть использованы для решения следующих проблем: выяснения оснований для лишения избирательных прав; анализа динамики этого процесса и его этапов с 1924 по 1936 г.; выявления процентного соотношения различных категорий репрессированных и их половозрастных характеристик. Сочетая данные списков с анализом личных дел, можно представить обширную географию «лишенцев» Нижнего Тагила и округа-района, прибывших из различных уголков СССР и даже из-за рубежа. Сравнительное изучение списков дает возможность анализа процесса лишения и восстановления избирательных прав конкретных людей, установления срока, на который их лишали этих прав⁴⁸.

Комплекс источников по лишенцам включает в себя около 50 документальных материалов разного вида и объема: статьи конституций и уголовных кодексов; декреты, инструкции, циркуляры и постановления властных органов; сводки, докладные записки, объявления, официальные таблицы и иной статистический материал; жалобы, протесты, прошения из текущих дел избирательных комиссий и административных отделов; списки лишенных избирательных прав и личные дела «лишенцев» (1821 единица). Массовость данного комплекса источников доказывается его объемом, значительной однородностью, дающей возможность компьютерной обработки, и официальным происхождением.

⁴⁸ См.: материалы по «лишенцам» - НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1826, 1827, 1832-1835, 1837, 1842, 1847, 1848, 1849, 1858-1862, 1865-1868; Оп. 2. Д. 1823, 1825, 1836, 1840.

Следующая волна репрессий связана с раскулачиванием – спецсылкой конца 1920-х – 1930-х гг. В постановлениях бюро Уральского обкома ВКП(б), ряда горкомов ВКП(б), в том числе Нижнетагильского, исполкомов областных и городских советов находятся сведения о хозяйственном использовании спецпереселенцев, их жилищном обеспечении, культурно-массовой работе. Из протоколов закрытых заседаний президиума Нижнетагильского горсовета следуют важные данные о состоянии школ и политпросветучреждений для спецпереселенцев, обследовании санитарного состояния спецпоселков, статистике заболеваемости и численности спецпереселенцев. Докладные записки Тагильского горотдела ОГПУ, отчеты ПП ОГПУ по Уралу позволяют представить настроения спецпереселенцев, производительность их труда на предприятиях города и района, численность их на отдельных производствах и в спецпоселках. Документы отражают бытовые, материальные условия жизни и труда спецпереселенцев. Важным источником для изучения состава и структуры спецсылки являются производственные карточки рабочих и служащих, содержащиеся как в государственных архивах, так и в архивах различных заводов, шахт, учреждений. Комплексное рассмотрение производственных карточек с расчетными книжками, введенными в 1931 г., дает богатый материал о труде и заработке спецпереселенцев, их семейном положении. Многие следственные дела из архивов ФСБ, МВД и Архива административных органов по контрреволюционным преступлениям 1930-1940-х гг. содержат сведения о спецпереселенцах. Без сомнения большую роль играют источники личного характера: заявления спецпереселенцев о несправедливом раскулачивании, просьбы восстановить в избирательных правах. Для характеристики быта, взглядов и психологии ссыльных крестьян необходимо использование массовых свидетельств очевидцев событий конца 1920-1930-х гг., как самих спецпереселенцев, так и вольнонаемных, работавших с ними. Материалы горзагсов позволяют нам понять динамику рождаемости и смертности среди спецпереселенцев, уточнить количество и название спецпоселков. Информационная структура

анкеты ЗАГСа ограничена и содержит лишь восемь признаков: фамилию, имя, отчество умершего (или родившегося), номер барака, где он проживал, дату записи, фамилию, имя, отчество регистрировавшего (из родственников спецпереселенца), причину смерти, возраст умершего (родившегося), национальность, профессию. Большинство анкет даже не заполнено до конца.

В связи с выходом в свет Указа Президента России о массовой реабилитации значительное число бывших спецпереселенцев поставлено на учет в отделах социального обеспечения, которые очень неохотно предоставляют эти сведения исследователям. Расширяя уже существующий круг официальных источников по спецпереселенцам, Нижнетагильское общество «Мемориал» проводит анкетирование среди разных групп населения по анкете «Спецпереселенец», включающей в себя 11 признаков, ведет учет пострадавших, приходящих за помощью в городскую комиссию по помощи репрессированным, собирает воспоминания бывших раскулаченных. Таким образом, удастся хотя бы частично восполнить пробелы в массовых источниках по спецсылке.

Комплекс источников по спецпереселенцам включает в себя примерно 150 используемых нами материалов. Документы состоят из постановлений и инструкций государственных и партийных органов, статей конституций и уголовных кодексов; приказов ОГПУ-НКВД-МВД, материалов комиссии Андреева, данных переписи 1926 г.; циркуляров судебных органов, архивно-следственных дел на осужденных по 58 и другим статьям УК; документов отдела спецпоселений в центре и на местах, областных и районных комендантских отделов ОГПУ, рабочих сводок ОГПУ, отчетов в высшие партийные органы и ГУЛАГ полномочного представителя ОГПУ на Урале, данных архива ЗАГСа, результатов современного анкетирования бывших раскулаченных и их воспоминаний. Данные местных архивов сочетаются с материалами центральных фондов ГУЛАГа, ОСП-ОТП НКВД. Однако процесс выявления документов по раскулачиванию-спецсылке имеет длительную перспективу: не

решен окончательно вопрос о численности раскулаченных, нет обобщенных материалов по смертности среди спецпереселенцев; не освоены архивы предприятий и организаций, где сосредоточены производственные карточки и учетные книжки «кулаков», только еще разворачивается сбор личных воспоминаний пострадавших. Последние обстоятельства делают степень достоверности рассматриваемого массива документов относительно меньшей по сравнению с двумя предыдущими комплексами. Цифровые расхождения в оценке численности спецпереселенцев между ОСП-ОТП НКВД и местными органами учета, понимание того, что сеть статистического учета на рубеже 1920-1930-х гг. в СССР была разрушена, приводят к выводу о сложности выявления генеральной совокупности источников по проблеме.

Почти одновременно с раскулачиванием-спецпереселением в конце 1920-х гг. усиливаются репрессии по контрреволюционным делам. Первые дела по ст. 58 начинаются в Тагильском округе весной 1929 г. и найти их можно в городском архиве, в фонде уполномоченного Уральского облсуда по округу (ф. Р-116). Картина борьбы с «контрреволюцией, врагами народа, шпионами-диверсантами» в 1930-е гг. весьма пестрая и сложная. Нарисовать ее можно только с помощью целого ряда массовых источников: документов судебных органов; переписки исполкома Нижнетагильского горсовета и окружного совета с ОГПУ, содержащей политические материалы о «политсостоянии» Тагильского округа, антисоветских настроениях; материалов партийных и карательных органов о вредительской деятельности; архивно-следственных дел репрессированных и их учетных карточек, создаваемых исследователями Нижнетагильского «Мемориала» на основе унифицированной анкеты (содержащей 31 признак); публикаций газет 1930-х гг. о процессах над «врагами народа». К массовым источникам можно отнести и документы, оставшиеся после разрушительной деятельности Союза воинствующих безбожников, а также различных комиссий по борьбе с религией и закрытию церквей. Однако самыми насыщенными по

информации являются архивно-следственные дела на арестованных за контрреволюционные преступления в 1930-х гг. В каждом деле содержится: опись всех документов дела, ордер на арест, анкета арестованного с 21 признаком, протоколы допросов арестованного и свидетелей, соучастников, проходящих по делу, обвинительное заключение, справки об изъятии вещественных доказательств и документов, выписки из заседания тройки или иного осуждающего органа, выписка из акта исполнения приговора и различная по объему переписка двух реабилитационных кампаний – 1950-х и 1990-х гг.

Массовые источники по контрреволюционным делам 1930-х гг. обладают большим информационным потенциалом. В силу заложенной в эти документы универсальности, компьютерная и математическая обработка материала достаточно проста. Серьезными препятствиями в освоении данного комплекса являются: закрытость большинства архивно-следственных дел, учетных карточек трудармейцев и узников лесных лагерей ГУЛАГа; большой объем материала в доступных делах осужденных, хранящихся в ГАОСО, в сочетании со слабой разработкой их по новейшим методикам. Достоверность информации данного комплекса значительно возросла с расширением допуска к фондам архива ГУЛАГа в ГАРФ. Однако полное представление по проблеме может сложиться только после освоения всего массива персональных дел осужденных в 1930-х гг.

В 1940-е гг. в Нижнем Тагиле и районе формировалась лагерная система Тагилстрой-Тагиллаг НКВД, просуществовавшая с 1942 по 1953 гг. Изучение социального облика заключенных Тагиллага, среди которых, помимо русских, были советские немцы, поляки, латыши, военнопленные; восстановление судеб до недавнего времени никому не известных политических жертв потребовало создание специальной базы данных. Это обусловлено тем, что в открытых фондах государственных архивов отсутствуют какие-либо полные сведения на всех бывших заключенных Тагиллага. Для восполнения пробела исследователи с помощью общественности ведут поиски

информации в различных направлениях. Большую роль в этой работе играет Нижнетагильское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». За последние годы его активистами создана картотека, включающая сведения на 3 тыс. тагильчан, подвергнувшихся репрессиям в 1930 – начале 1950-х гг., значительную часть которых составляют узники Тагиллага.

Формирование картотеки идет за счет сбора информации из различных источников: анкетирования жителей города и района через средства массовой информации, переписки с бывшими репрессированными, запросов в архивы и информационные центры органов, в прошлом проводивших репрессии, получения данных в городских отделах социального обеспечения и городской комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, работы в архивах городского ЗАГСа, Нижнетагильского филиала государственного архива Свердловской области (НТФ ГАСО). Большой объем материала представлен сотрудниками музея Боевой и трудовой славы ПО «Уралвагонзавод», обработавшими документы текущего архива отдела кадров одного из крупнейших заводов на Урале.

Каждая карточка представляет из себя анкету, включающую общие сведения на одного человека: фамилия, имя и отчество репрессированного, годы его жизни, место рождения, образование, национальность и вероисповедание. Сюда же включены данные на момент ареста. Это место жительства, место работы и должность, партийность и место ареста, суть предъявленного обвинения, фамилия, имя и отчество тех, кто также проходил по данному делу. Блок информации, связанной с приговором и отбытием срока, включает показатели о судебном органе, вынесшем приговор, дате его вынесения и формулировке приговора, продолжительности и месте отбытия срока, дате и причинах освобождения. Кроме того, в карточке зафиксировано название реабилитирующего органа, время реабилитации и сопутствующая ей оправдательная формулировка. По возможности, сюда внесены источники, из которых взяты сведения.

Помимо картотеки, Нижнетагильское общество «Мемориал» формирует расширенный список репрессированных советских граждан, оказавшихся, в том числе, и в Тагиллаге. Этот список на данный момент включает сведения более чем на 300 человек по признакам: фамилия, имя и отчество репрессированного, его партийность, годы жизни, официальная формулировка причины смерти, год и место ареста, последнее место работы и причина ареста, статья Уголовного кодекса, по которой был осужден, и срок осуждения, где отбывал наказание, время реабилитации. Перечисленные материалы комплектуются в результате переписки, сбора устных воспоминаний.

Сотрудниками музея Уралвагонзавода в 1991-1992 гг. были собраны сведения о 478 работниках своего предприятия, репрессированных в 1930-1950-е гг. В них отражены: фамилия, имя, отчество репрессированного, годы его жизни, национальность, партийность, последнее место работы и должность, дата ареста и исключения из партии, статья, по которой человек был репрессирован, срок приговора, время реабилитации.

Массовым источником по репрессиям конца 1940-х – начала 1950-х гг. являются списки «неблагонадежных» работников треста Тагилстрой. В фонде треста Тагилстрой за период с 1949 по 1954 гг. нами выявлено 10 списков «неблагонадежных» работников от 10-40 до 80-90 человек в каждом. В отчетах отдела кадров треста списки дополняются аналитическими записками, повествующими о борьбе за снижение процента «засоренности», таблицами, характеризующими качество кадров с учетом их национальности (советские немцы, поляки) и судимости по 58-й статье; сводными данными по годам об уволенных по причинам ареста и по приказу МВД.

Информационная структура данного источника такова: фамилия, имя, отчество «неблагонадежного», занимаемая должность на момент увольнения, причины освобождения от работы (официальная формулировка), указанная в примечании истинная причина недоверия к работнику – национальность или осуждение по 58-й и другим статьям УК РСФСР. Списки и

дополняющие их материалы позволяют расширить и уточнить базу данных по истории репрессий на Урале.

В архиве ГУЛАГа содержатся литературные и контрольно-наблюдательные дела по многочисленным лагерям и лагерным системам СССР, в том числе и дело Тагиллага. По нему мы можем проследить этапы формирования Тагиллага, найти карты его дислокации, оценить общую численность заключенных с подразделением их на политических и уголовных. Однако личные карточки заключенных этой лагерной системы находятся в закрытом для исследователей архиве. Архивно-следственные дела по этому лагерю в Государственном архиве административных органов Свердловской области не сведены в единый массив и поэтому невозможно оценить деятельность Тагиллага через судьбы узников, а значит, и составить более-менее достоверную картину его функционирования. Такая задача только отчасти выполняется за счет освоения фонда Р-229 Тагилстроя-Тагиллага НКВД в НТФ ГАСО, сбора воспоминания тагиллаговцев и анализа архивно-следственных дел в ГААОСО.

Открытые в последние годы фонды спецхранов на местах и в центре позволяют увидеть подлинную подоплеку политики репрессий. Особое значение при этом играют фонды ГУЛАГа и 4-го спецотдела ОГПУ-НКВД-МВД СССР в ГАРФ, где содержатся сводные данные по репрессиям и раскулачиванию-спецсылке. Кроме того, историки впервые получили возможность ознакомиться с личными делами репрессированных в ГААОСО и других архивах. Во-вторых, исследователи приступили к освоению больших массивов ранее закрытых, или просто не привлекавших внимание, материалов на местах: секретных постановлений государственных и партийных органов, комплексов документов по лишению избирательных прав, изучению производственных карточек и расчетных книжек спецпереселенцев в различных хозяйственных организациях, предприятиях; к анкетированию бывших репрессированных, сбору их воспоминаний и т. п. В-третьих, сегодня наиболее активно начинают применяться новейшие математико-

статистические методы исследования и компьютерное моделирование. Это значительно ускоряет время обработки, анализа материала и позволяет прийти к невозможным ранее результатам в изучении проблемы.

Публицистическое, поверхностное изучение репрессивной политики перестало удовлетворять как профессионалов-историков, так и рядовых граждан нашего государства. Сегодня создалась благоприятная обстановка, и начался переход от радикальных политизированных выводов к объективным фундаментальным исследованиям.

2. Методика обработки информации

Рассмотрение проблемы политических репрессий на фактах, ограниченных одним из регионов Урала, имеет научный смысл при охвате значительного по объему материала и использовании новейших методик его анализа. За счет этого возможно создание такой модели исторического исследования, которая будет применима для изучения репрессий в масштабах всего Урала и других регионов страны.

Ценность любой научной работы по истории определяется количеством выявленной в источниках «скрытой» информации за счет многообразных методик, применяемых профессионалами. Значительные возможности кроются в использовании системно-структурного подхода, контент-анализа, математико-статистических приемов, в создании баз данных с компьютерной обработкой информации.

В целом данное исследование построено на применении системно-структурного подхода: политические репрессии изучаются путем выявления и анализа взаимосвязей и взаимозависимостей всех системообразующих признаков в их развитии; определенные виды репрессий анализируются как качественно-однородные явления путем детального изучения степени взаимозависимостей между всеми характеризующими их важнейшими признаками в хронологической последовательности.

Прежде всего исследуется законодательная основа репрессий путем систематизации законных и подзаконных актов Советского государства, направленных на подавление и ограничение прав личности и классов общества. Методика обработки этих документов традиционна и не требует особого разъяснения.

Большее разнообразие методических приемов возможно при анализе вопроса о лишении избирательных прав, так как здесь встречаются массовые источники разных видов. Вначале мы сталкиваемся с естественной выборкой документальных материалов – довольно полно сохранившимися данными о лишении избирательных прав в архивах. Затем дополняем этот массовый источник за счет типологического анализа законодательных актов и личных дел «лишенцев». Становится возможным создание базы данных по этой проблеме.

Согласно определению: «Историческая база данных – это структуризация данных источника на магнитном носителе с целью повышения информативности при последующей обработке, анализе, модификации, а также многократном использовании»⁴⁹. Она поддерживается системой управления базой данных. Сочетая проблемно-ориентированный и источник-ориентированный подходы, приступаем к созданию компьютерной базы данных, основанной на нарративных (неструктурированных), жестко структурированных и промежуточных между ними видах источников.

Переход к компьютерной модели начинается от источника, наиболее массовой разновидностью которого в этом случае являются личные дела лишенцев. Однородность источника наилучшим образом способствует компьютерной модели, основные этапы формирования которой достаточно четко изложены в коллективной статье членов Ассоциации «История и компьютер»⁵⁰.

В схематическом виде компьютерная модель базы данных «Лишенцы» выглядит следующим образом:

⁴⁹ Аханчи П. Исторические базы данные как современное направление изучение массовых источников // Круг идей: Развитие исторической информатики. Труды II конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. С. 25-26.

⁵⁰ Тихонов В. И., Тяжелникова В. С., Юшин И. Ф. Методика оценки информационного потенциала массовых источников // Круг идей: Новое в исторической информатике. Труды I конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 1994. С. 24-35.

ДЕЛО: №, опись, фонд, район...

(идентичная единица – документ базы данных; стоит в центре модели, во главе иерархии)

ПЕРСОНАЛИЯ: ф. и. о., адрес, дата рождения...

Биографические информационные группы:

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ОБРАЗОВАНИЕ

ЗАНЯТИЕ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА

ПРИБЫТИЕ В ГОРОД

РОДСТВЕННИК

СВИДЕТЕЛЬ

Информационные группы:

ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

СОБСТВЕННОСТЬ

ЛИШЕНИЕ

Информационные группы:

ХОД ДЕЛА

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ⁵¹

Комплекс личных дел лишенных избирательных прав по Нижнему Тагилу и району включает 1821 единицу хранения. При всей фрагментарности информации, различной частоте встречаемости сведений определенного характера, структура дел в целом однородна. Поэтому для решения конкретных исторических проблем вся генеральная совокупность не нужна, достаточно репрезентативной выборки. Расчет объема такой выборки возможен по различным математическим формулам, из которых разумно воспользоваться самой простейшей, применяемой при механической выборке: $N / n = K$, где N – генеральная совокупность, n – выборочная совокупность, K – интервал выборки. Из 1821 единицы генеральной совокупности выбрано 180 дел с интервалом $K = 10$, т. е. каждое десятое дело.

⁵¹ Один из авторов предложенной модели более подробно раскрывает кодирование занятий и видов собственности «лишенцев», демонстрируя таким образом большие возможности компьютерного анализа исторического материала. См.: Круг идей... С. 257-293.

Однако при формировании базы данных «Лишенцы» недостаточно провести структуризацию информации только по личным делам, так как есть другие материалы: законодательные акты и инструкции по лишению избирательных прав, списки лишенцев, формуляры и статистические таблицы, воспоминания лишенцев и т. п. Необходимым этапом становится проведение контент-анализа массовых источников и подготовка кодировального бланка. Происходит классификация – выделение признаков, данные по которым содержатся в источнике многократно. Эта операция позволяет выйти за рамки предложенной выше компьютерной модели и составить унифицированную анкету «Лишенцы» со 129 признаками:

№	Признак	Градации признака
1	ФИО (полностью)	
2	Пол	1. Мужской 2. Женский
3	Год рождения	
4	Национальность	1. Русский 2. Украинец 3. Белорус 4. Еврей 5. Поляк 6. Мордвин 7. Татарин 8. Удмурт 9. Башкир 10. Цыган 11. Латыш 12. Эстонец 13. Литовец 14. Киргиз 15. Казах 16. Армянин 17. Грузин 18. Азербайджанец 19. Немец 20. Француз 21. Другие 22. Не указано
5	Место рождения (гос-во, область, район, нас. пункт)	
6	Образование	1. Неграмотный 2. Малограмотный 3. Начальное

История репрессий на Урале

		<ul style="list-style-type: none"> 4. Неполное среднее 5. Среднее или средне-специальное 6. Высшее
7	Занятие до лишения избирательных прав	<ul style="list-style-type: none"> 1. Сельское хозяйство 2. Крупная торговля 3. Транспорт, извоз 4. Неработающие – иждивенцы 5. Кустарные промыслы, мелкая торговля 6. Служащие 7. Лица интеллектуального труда 8. Владельцы движимой, недвижимой собственности, приносящей доход 9. Рабочие 10. Военнослужащие 11. Промышленные предприниматели 12. Члены кустарных артелей, пайщики кооперативов 13. Нет информации
8	Социальное положение	<ul style="list-style-type: none"> 1. Личный труд 2. Наемный труд 3. Неработающие 4. Раттье и владельцы недвижимости, приносящей доход 5. Нет информации
9	Собственность	<ul style="list-style-type: none"> 1. Земля и постройки для ведения сельского хозяйства 2. Земля и постройки в городе 3. Крупное промышленное предприятие, в т. ч. с применением наемной рабочей силы 4. Промысловое заведение, кустарное производство без найма 5. Торговое заведение или заведение в сфере обслуживания 6. Поместье
10	Занимаемая должность	
11	Партийность	<ul style="list-style-type: none"> 1. Член ВКП(б) 2. Член других партий 3. Беспартийный 4. Не указано
12	Родственники	<ul style="list-style-type: none"> 1. Жена 2. Дети 3. Братья, сестры 4. Родители

История репрессий на Урале

		5. Внуки 6. Другие
13	Место жительства на момент лишения избирательного права (край, область, город, село)	
14	Дата лишения избирательного права (число, месяц, год)	
15	Решением какого органа лишен(а) избирательного права	1. Избирательная комиссия 2. Административный отдел 3. ОГПУ-НКВД 4. Суд 5. Другой
16	Личные документы	
17	Сопроводительные док-ты	
18	Основание для лишения	1. Прибегает к наемному труду с целью извлечения прибыли 2. Живет на нетрудовой доход 3. Частная торговля 4. Служитель церкви 5. Служащий бывшей полиции, жандармерии и охранных отделений 6. Душевнобольной, под опекой 7. По суду 8. Контрреволюционер, нелояльность к советской власти 9. Руководитель органов государственного аппарата при царе 10. Кулак 11. Сын, дочь лишенца 12. Как лишенный ранее 13. Служба в белой армии 14. Другая причина
19	Продолжительность срока лишения избирательного права	
20	Место работы после лишения	Тринадцать градаций, как и в пункте 7
21	Обращался ли с жалобой в избирательную комиссию	1. Да 2. Нет
22	Дата восстановления в избирательном праве	
23	Причина восстановления	1. Новая инструкция 2. Принятие конституции 1936 г. 3. Заслуги перед советской властью 4. Исправление ошибки 5. Другие

Нами за основу взята реляционная база данных. Она предполагает введение информации согласно кодировальному листу в виде табличной строки. В результате появляется реляционная матрица.

В рамках построенной базы данных возможно использование метода группировок, а также приемов, выявляющих взаимосвязи и взаимозависимости между признаками. Согласно формулировке Т. И. Славко: «Метод группировок заключается в расчленении совокупности данных на группы, каждая из которых объединена общими показателями. При помощи группировок, подчиненных решению задачи на типологию, происходит процесс расчленения разнородных совокупностей на качественные, однородные группы, на определенные социально-экономические типы. Имеют место структурные группировки, которые позволяют качественно однородную совокупность представить в виде количественных групп, т. е. делят на части и подвергают детальному изучению каждую из них»⁵².

⁵² Славко Т. И. Математические методы в изучении истории советского рабочего класса. М., 1991. С. 56.

На отдельных файлах вводится информация первичных источников в виде пояснительных текстов или структурного нарратива. Каждому информационному полю присваивается свое название. Группировка признаков «национальность», «место рождения», «место жительства» дает возможность составить представление о миграции населения. Группировка признаков «занятия», «социальное положение», «собственность», «образование» помогает проанализировать социально-экономическую структуру лишенцев Нижнего Тагила и региона.

Анализ таблиц по количественным группам в отдельных признаках дает возможность охарактеризовать состав лишенцев по полу, возрасту, семейному положению, национальности и т. п.

Обработка полученных данных предполагает группировку сведений и представление их в виде гистограмм, диаграмм, сводок и т. п. СУБД позволяет через набор команд провести сравнительный анализ либо по сочетаниям признаков, либо по одному из них.

Следует учесть, что основная роль группировок состоит не в описании материала, а в доказательстве тенденций и закономерностей. Однако, при желании можно использовать их в качестве иллюстрации тех или иных положений.

Формирование базы данных «Спецпереселенцы» связано в основном с источниками личного характера. Поэтому на первый план выдвигается проблема создания и изучения выборочных совокупностей и их соотношения со сплошным анализом. Использование выборочного метода направлено на такой отбор единиц наблюдения, при котором результаты, полученные на частичном объеме, отражают генеральную совокупность в целом. В этом выражается репрезентативность выборки. При таком подходе исследователь осуществляет строго научную выборку, опирающуюся на знание основных параметров генеральной совокупности.

Однако, как уже говорилось выше, такое знание пока отсутствует. Слабый статистический учет спецпереселенцев,

фрагментарная фиксация мест проживания и другие причины заставляют работать с естественной выборкой, формирующейся разрозненными данными в архивах Свердловской области.

Репрезентативность естественной выборки требует соблюдения ряда условий: равномерности охвата генеральной совокупности частичными данными; доказательства независимости элементов частичной совокупности друг от друга и установления того, обеспечивают ли частичные данные случайность признаков.

Сведения о спецпереселенцах Нижнетагильского региона почерпнуты нами из целого ряда источников, образующих в целом вполне достоверную естественную выборку. Протоколы закрытых заседаний Нижнетагильского горсовета за 1930-1939 гг. содержат сведения о прибытии первых спецпереселенцев в Нижний Тагил, оценку их численности, анализ политических настроений и санитарного состояния спецпереселенцев⁵³. В материалах по лишению избирательных прав окружной, городской, районной избирательных комиссий за 1930-е гг. находятся списки примерно на 2300 «лишенцев» и более 40 % из них – «кулаки»⁵⁴. В четырех списках «Лиц, принадлежащих к классово-чуждому элементу и морально разложившихся, недопущенных к призыву» в 1932, 1933 гг. содержатся данные на 834 чел., подавляющее большинство (80 %) которых – сыновья «кулаков»⁵⁵. В 1934 г. Нижний Тагил подвергся политической чистке и административным отделом горсовета был составлен список «Анτισоветского, контрреволюционного элемента, подлежащего выселению по Нижнему Тагилу» на 247 чел., более 30 % из которых – опять кулаки⁵⁶. В этом же году появились списки «Трудпоселенцев, восстановленных в избирательных правах в порядке инструкции ЦИК СССР от 1 октября 1934 г., проработавших в золотоплатиновой промышленности три года» (Тагильского района)⁵⁷.

В Постановлениях Президиума Уралоблисполкома за 1934-1935 гг. спецпереселенцы представлены целыми списками по районам области¹⁴. Данные по персоналиям (причем наиболее подробные) представлены в сотнях жалоб в горизбирком по

⁵³ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 232, 45, 64, 66, 75, 88, 116 и др.

⁵⁴ Там же. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1226, 1177; Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1829, 1838.

⁵⁵ Там же. Д. 1840. Л. 3, 19-26, 49-51, 74.

⁵⁶ Там же. Д. 1847. Л. 1об.-34.

⁵⁷ Там же. Д. 1857. Л. 1-35.

районам области⁵⁸. Данные по персоналиям (причем наиболее подробные) представлены в сотнях жалоб в горизбирком по поводу восстановления в избирательных правах за период 1930-1936 гг. И наконец, материалы о спецпереселенцах по наиболее «темному периоду» конца 1930-х – начала 1940-х гг. частично приоткрываются в списках «Намеченных к переселению из г. Нижний Тагил как неблагонадежные» (*так в оригинале – В. М. К.*), составленных в связи с переводом города в 1941 г. на военное положение. В них содержатся сведения более чем на 5 тыс. чел., подавляющая часть которых – «бывшие кулаки» и члены их семей⁵⁹. Пробелы в наших представлениях о спецпереселенцах в Нижнетагильском регионе восполняют сведения о смерти и рождении в 10 спецпоселках Нижнего Тагила из архива городского ЗАГСа; подробные данные на «кулаков», совершивших в момент нахождения в спецсылке и после нее преступления по ст. 58 УК РСФСР, из архивно-следственных дел ГААОСО; и конкретно-социологическое анкетирование детей спецпереселенцев в 1990-х гг.

Структура и степень полноты вышеперечисленных списков и других материалов по спецпереселенцам Нижнетагильского региона различны; от пяти-шести параметров на каждого человека до подробной информации биографического и социально-экономического характера.

Обзор имеющихся в архивах документов демонстрирует, что они охватывают все районы изучаемого региона, различные регионы страны, откуда прибыли спецпереселенцы, и хозяйственные организации, в которых они трудились. Равномерность распределения материалов характерна внутри временного периода 1930-1941 гг. В отличие от базы данных по спецпереселенцам, созданной в Уральском государственном университете⁶⁰, удалось расширить временные рамки за 1936 г. и составить представление о кулаках первой категории («контрреволюционный актив»).

Анализ происхождения источников и их содержания показывает, что формирование каждого элемента естественной выборки практически не влияет на величину аналогичных показа

⁵⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 248, 282, 283 и др.

⁵⁹ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1879. Л. 1-7, 66, 94-95 и др.

⁶⁰ Славко Т. И. Спецпереселенцы-раскулаченные на Урале в первой половине 30-х годов (Выборочный метод и банк данных). История. Статистика. Информатика: Мат. научного семинара. Барнаул, 1995. С. 185.

телей, что массовая совокупность данных отражает массовые, а не только единичные явления. При обосновании случайности признаков в данном случае был использован критерий знаков, который входит в пакет программ, связанных с математическим обеспечением баз данных⁶¹. В результате мы приходим к выводу о репрезентативности естественной выборки по спецпереселенцам.

При создании базы данных «Спецпереселенцы» так же, как и в предыдущем случае (по «лишенцам»), проводится контент-анализ, а затем формируется кодировальный лист. Учитывая предыдущую разработку анкеты «Лишенцы», мы можем воспользоваться общей логикой ее построения и целым рядом зафиксированных в ней признаков. При этом неизбежно выделение новых признаков, помогающих решить основные задачи, связанные с новым этапом репрессивной политики. К таковым признакам относятся: «когда выселен, откуда, причина выселения», «какими документами располагает по ссылке и реабилитации», «характеристика хозяйства на момент выселения», «когда получил трудовую книжку и паспорт», «когда полностью восстановлен в гражданских правах» и др.

Методика обработки информации массовых источников, раскрывающих репрессии по контрреволюционным делам 1930-х гг., сводится к контент-анализу нарративных источников, составлению кодировального листа и созданию на его основы базы данных «Репрессированные». Особое место занимает анализ периодической печати того времени, проводимый с целью выяснения особенностей формирования образа «врага народа» и описание механизма репрессий на местном уровне. Исследование вопроса о репрессиях 1930-х гг. значительно облегчается сегодня в связи с открытым доступом к архивно-следственным делам осужденных по ст. 58 в Архиве административных органов Свердловской области. Анкета арестованного является жестко структурированным источником, содержащим более 20 признаков, и практически готова к машинной обработке. Протоколы допросов, экспертиз и заключений следственных органов дают

⁶¹ Там же. С. 186.

богатый материал по всем аспектам политики репрессий и судеб отдельных людей.

Последняя глава монографии посвящена истории функционирования одной из крупнейших лагерных систем Урала – Тагиллага НКВД. В период 1942-1953 гг. через этот лагерь прошло более 180 тыс. заключенных.

Наличие различных комплексов массовых источников, постоянно пополняющихся за счет вновь выявленных материалов, позволило приступить к непосредственной реализации программы создания базы данных «Узники Тагиллага», в которой сосредоточены сведения о жертвах лагерей НКВД 1942-1953 гг.

Название и содержание информационных полей базы данные были сформулированы также на основе частотного анализа – из источников выделялись те признаки, ответы на которые встречаются неоднократно (см.: Приложение 2 к главе 1. Ч. 2. Приложения).

Система кодировки, связанная с выделением градаций признаков, была проверена несколькими способами. Часть признаков градируется на основе естественного упорядочения. Это – образование, партийность, продолжительность срока отбывания в лагерях и ссылке и т. п. Ряд признаков измеряется с помощью частотного анализа, а именно все возможные варианты ответов выстраиваются либо по частоте убывания, либо по частоте возрастания встречаемости значений признаков. К ним относятся, например, формулировка приговора, место смерти и др. Все количественные признаки фиксируются в компьютере каким-то одним конкретным значением. Однако при дальнейшей обработке на уровне группировок, для того чтобы не потерять своеобразие тенденции и закономерности, для определения оптимальной величины интервала в группировочном признаке используется метод Стерджесса, в котором величина интервала (K) определяется по формуле $K = (X_{\max} - X_{\min}) (1 + 3,2 \lg n)$, где X_{\max} – наибольшее значение; X_{\min} – наименьшее значение; n – количество наблюдений⁶². Из-

⁶² См.: Славко Т. И. Математико-статистические методы в историческом исследовании. С. 35-36.

мерение альтернативных признаков типа «пол», предполагает два взаимоисключающих ответа.

Наряду со строго измеренными признаками в базу данным по некоторым из них вводятся полные текстовые формулировки, например, «причина освобождения», «определение реабилитации», которые, в свою очередь, как лингвистический материал, являются историческим источником.

Наиболее сложным при подготовке описания рассматриваемой базы данных является обоснование репрезентативности содержащихся в ней материалов. Фактически, в настоящее время имеется лишь естественная выборка, отражающая далеко не все социальные слои заключенных «Тагиллага». При изучении такой выборки неизбежно возникает вопрос о правомерности распространения выявленных на ее основе тенденций на более обширные совокупности.

Источниковедческий анализ степени репрезентативности информационной базы должен быть проведен по ряду направлений. Следует показать, насколько единицы наблюдения охватывают все лаграйоны и внутри них – лагерные участки, в каждом из которых содержалось от 500 до 1500 чел. Кроме лагпунктов существовали такие лагерные единицы, как командировки и подкомандировки, а также «шарашки», фактически представлявшие собой конструкторские бюро.

Лагпункты и лаграйоны Тагиллага заполнили весь Нижний Тагил и распространились в радиусе 200-300 км за его пределами. Это надо иметь в виду при доказательстве репрезентативности используемых данных. Помимо территориального, аналогичным образом должна быть доказана и равномерность распределения внутри временных периодов, относительно социальных групп заключенных и т. д. Что касается численности заключенных, то здесь, как и в предыдущем случае, известны конкретные данные генеральной совокупности за отдельные временные промежутки. В целом можно произвести общий подсчет узников Тагиллага, однако точного представления о движении контингента в начале 1942 г. и в период 1946-1949 гг. нет.

Решение задачи на равномерность охвата генеральной совокупности частичными данными должно базироваться на исходной конкретно-исторической задаче. Если на основе базы данных исследуется история Тагиллага за весь временной период, то доказывается наличие данных по каждому лагпункту и всем выделенным временным периодам. Если же изучается история одного или нескольких лагпунктов, то доказывается наличие информации только по этим объектам наблюдения. Такое же требование относится и к временным периодам.

Помимо равномерности, требует доказательства и второе условие репрезентативности естественной выборки – нужно установить, обеспечивают ли частичные данные случайность признаков. Как и ранее, по спецпереселенцам, нами используется один из математических приемов – критерий знаков, который находит все большее применение в исторической практике⁶³. Случайность доказывается всякий раз по отношению ко всем без исключения признакам, характеризующим определенные категории заключенных.

Выше изложены лишь первоначальные итоги создания базы данных «Узники Тагиллага», посвященной заключенным одного из крупнейших в СССР лагерных образований 1940-х – начала 1950-х гг. Предстоит дальнейшая большая работа по выявлению и сбору новых комплексов материалов, особенно по таким пока еще вообще неизученным категориям, как военнопленные, интернированные и т. д.

В целях более наглядного представления о спецсылке и лагерных системах, расположенных на территории Урала и Нижнетагильского региона, нами предпринята попытка картографического описания материала, почерпнутого в архивах. Подробное описание программы «Карта» находится в приложении к монографии (см.: Приложение 1 к главе 1. Ч. 2. Приложения). При компьютерном картографировании была использована электронная программа ОСАД-5, созданная специально для изготовления географических карт. Таким образом возникла база данных под условным названием «Карта ГУЛАГа (Нижнетагильский регион)».

⁶³ Методику реализации критерия знаков см.: Там же. С. 77-78.

Создание специализированных баз данных «Лишенные избирательных прав», «Спецпереселенцы», «Репрессированные по контрреволюционным делам 1930-1940-х гг.», «Узники Тагиллага», «Карта ГУЛАГа» вплотную подводит к выполнению более общей задачи – созданию банка данных «Репрессированные в Нижнетагильском регионе». В результате многолетней исследовательской работы удалось найти в архивах и сформировать вновь более 30 списков репрессированных по различным основаниям. В целом это материалы на 11350 чел., из них «лишенцев» – 2300 чел., «кулаков» – 4400 чел., поляков (осадников и беженцев) – 574 чел., репрессированных по ст. 58 УК РСФСР – 1525 чел., советских немцев – 750 чел., репатриированных – 9 чел. Примерный подсчет репрессированных всех категорий по Нижнему Тагилу и региону в первом случае дает цифру 96 тыс. чел., во втором – 360 тыс. чел. Таким образом, наша естественная выборка по Нижнему Тагилу составляет 12 %, а по региону – 3 %. Обоснование репрезентативности этой выборки сталкивается с серьезными препятствиями – недоступностью архива Тагиллага с учетными карточками репрессированных и слишком неравномерной и малой выборкой просмотренных архивно-следственных дел в ГААОСО. Однако материал массовых источников, помимо данных по персоналиям, дает историку значительные возможности в изучении политических репрессий в масштабе Нижнего Тагила и региона. Поэтому, даже с учетом тех пробелов и недостатков в естественных выборках, о которых было сказано выше, создание банка данных – вполне реальная задача.

Глава 2

Законодательное обеспечение репрессивной политики Советского государства

1. Складывание основ советской правовой системы в борьбе с контрреволюцией (1917 – конец 1920-х гг.)

В. И. Ленин, еще до победы Октябрьской революции, четко определил будущность всей законодательной политики советского государства, заявив: «...этично все, что служит укреплению и завершению коммунизма»⁶⁴. В начальный период существования советской власти, непосредственно после революции 1917 г. и до конца 1918 г., основным источником советского права являлись декреты Всероссийских съездов Советов, ВЦИК, ВРК, ВЧК, приказы народных комиссаров, акты местных Советов. В декрете СНК от 28 ноября 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции» официально был введен термин «враги народа» (применительно к членам партии кадетов)⁶⁵. Инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале...», прямо опираясь на идеи В. И. Ленина, гласила: «Меру наказания революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и велениями революционной совести»⁶⁶.

С 1917 по 1953 гг. советский аппарат госбезопасности имел право внесудебной расправы, и его руками разбиралось более 50 % всех дел. Вместо указанных в 1917 г. двух судебных органов до конца 1950-х гг. действовало около тридцати⁶⁷. Постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» официально были введены термины «террор», «концлагеря» и воплотились в жестокой практике с частым обращением к высшей мере наказания – расстрелу. В постановлении СНК от 30 июля 1918 г. «О набатном звоне» были сформулированы еще два новшества, которые звучали так: все «...прикосновенные лица отвечают перед революционным трибуналом наравне с главными виновниками»; «покушение на совершение... деяния наказуется

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 313.

⁶⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 9.

⁶⁶ Там же. С. 9-10.

⁶⁷ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Ч. 1. М., 1991. С. 40, 98; Ч. 2. С. 400.

как оконченное деяние»⁶⁸. Эти положения были закреплены в Уголовном кодексе 1926 г.

Советская власть, наводя порядок, железной рукой борется с бандитизмом, подразумевая под бандитом не только нарушителя государственных законов, но и всех, «кто силою – даже без оружия – сопротивляется поправу его гражданских прав, либо оккупации исконных земель своего народа (басмач, белополяк, белофинн, бандеровец)»⁶⁹.

Кодификация советского права началась в конце 1918 г., в условиях иностранной интервенции и гражданской войны, что обусловило репрессивный характер многих законоположений. Ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. впервые узаконила длительную практику лишения избирательных прав по классовым и иным признакам.

В сентябре 1918 г. было введено в действие постановление ВЦИК «О превращении Советской республики в военный лагерь». Объявлялась всеобщая трудовая повинность. Все граждане должны были беспрекословно выполнять любую работу по обороне страны, порученную им советской властью⁷⁰. В Кодексе законов о труде, принятом в декабре 1918 г., было зафиксировано положение о всеобщей трудовой повинности. В период 1918-1922 гг., наряду с общими местами лишения свободы, находящимися в ведении Народного комиссариата юстиции, для изоляции классово-враждебных элементов были созданы лагеря принудительных работ НКВД и лагеря ВЧК. Порядок их организации был изложен в Постановлении ВЦИК (апрель 1919 г.) «О лагерях принудительных работ»⁷¹. В декабре 1919 г. ВЦИК принял «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», где в ст. 25 один из пунктов перечня наказаний гласил: «Объявление врагом революции и народа»⁷².

На 25 ноября 1919 г. в стране был 21 лагерь и 16 тыс. заключенных, к ноябрю 1920 г. число лагерей возросло до 84, заключенных в них – до 59 тыс. чел.⁷³ В соответствии с «Инструкцией о лагерях принудительных работ» в концлагерях содержались «лица, совершившие различные преступления и проступки (обвиняемые в спекуляции, саботаже, преступлениях по

⁶⁸ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 11-12.

⁶⁹ Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 425.

⁷⁰ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 3.

⁷¹ Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства. Вып. 20. С. 235.

⁷² См.: История государства и права СССР. Ч. 2. М., 1981. С. 132, 115.

⁷³ Степанов В. А. Красный террор // Радуга. 1991. № 2. С. 65.

должности и пр.), заведомые угнетатели, эксплуататоры труда и приверженцы... буржуазного и царского дворянского строя»⁷⁴.

Циркуляр Наркомюста от 4 мая 1921 г. расширил категории заключенных: «К лагерю принудительных работ могут быть приговоряемы: а) ...уклоняющиеся от общественно-полезного труда..., б) лица, виновные в саботаже, в) мелкие спекулянты, г) контрреволюционеры, не представляющие явной опасности для Республики, д) незлостные дезертиры, не прибегающие в целях уклонения от воинской службы к подложным документам, е) труддезертиры, ж) лица, совершившие должностные преступления некорыстного характера». Все остальные подлежали отбыванию наказания в местах заключения, подведомственных Наркомюсту⁷⁵. В мае 1921 г. концлагерей насчитывалось 128, заключенных – примерно 100 тыс. чел. В Екатеринбургской губернии было создано три концлагеря, один из них находился в г. Нижнем Тагиле⁷⁶.

Кровавая вакханалия гражданской войны, унесшая жизни миллионов россиян, была стихией, лишь формально управляемой какими-то законодательными актами. Однако именно в эти годы оформились основные подходы большевиков к созданию правовых основ советского государства.

В 1922 г. наступил второй этап кодификации советского права: были созданы Гражданский, Земельный и Уголовный кодексы РСФСР, Кодекс законов о труде. КЗОТ 1922 г., в отличие от Кодекса 1918 г., отменил всеобщую трудовую повинность и ввел свободный наем рабочих. Однако уголовное и иные виды законодательства сохранили целенаправленный классовый характер. Это подтверждает ст. 40 УК РСФСР 1922 г., дающая разъяснение о поражении в гражданских правах (подробнее см.: Глава 3 монографии). Кроме того, 10 августа 1922 г. был принят декрет ВЦИК «Об административной высылке», который предполагал высылку контрреволюционеров за границу или местности РСФСР на срок до трех лет⁷⁷.

Декрет ВЦИК от 16 декабря 1922 г. предоставил ГПУ «право внесудебной расправы, вплоть до расстрела» и право «...заключать в лагерь принудительных работ на месте высылки...»⁷⁸

⁷⁴ НТФ ГАСО. Ф. Р-301. Оп. 1. Д. 6. Л. 167.

⁷⁵ Там же. Л. 144, 144об.

⁷⁶ Там же. Л. 125, 126.

⁷⁷ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 12.

⁷⁸ Там же. С. 13.

При формировании первого советского Уголовного кодекса 1922 г. Ленин писал министру юстиции Курскому: «...г. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса... Основная мысль, надеюсь, ясна... открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор: обещать это было бы самообманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас...»⁷⁹ Уголовный кодекс 1922 г. дал определение контрреволюционным преступлениям, перечислил их и определил меру наказания. В Кодексе 17 «контрреволюционных» статей, в 12 из них говорится о высшей мере наказания, всего же в нем 27 расстрельных статей⁸⁰. Кодекс 1922 г. подтвердил необходимость террора и сохранил внесудебное преследование.

Большевистская диктатура зорко следила за своими врагами и после окончания гражданской войны. ОГПУ создало систему контроля за настроениями населения и быстро пресекало инакомыслие, не останавливаясь перед физической расправой. В советских учреждениях, на предприятиях организовывались «Бюро содействия органам ГПУ на местах», действовавшие конспиративно в условиях мирного времени. Вот некоторые пункты из положения ГПУ о «Бюро содействия по Нижнетагильском уезду» от 1922 г.: «...Члены «Бюро содействия» занимаются собиранием сведений о всякого рода явлениях антисоветского характера, выявлением контрреволюционного элемента... при выявлении сообщают Уполномоченному Губотдела ГПУ для взятия таковых на учет, а по мере надобности для привлечения к ответственности... члены «Бюро содействия» не должны себя выдавать... членам «Бюро содействия» надлежит расписываться фиктивными фамилиями, каковые назначаются председателем «Бюро»...»⁸¹

Органы ОГПУ стояли выше закона и не подчинялись Конституции. Кроме многих других документов, это подтверждал, например, циркуляр отдела охраны труда ЦКТ СССР от 8 ав-

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 189.

⁸⁰ Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 336.

⁸¹ НТФ ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 15. Л. 36.

густа 1924 г. «О нераспространении законодательства о труде на некоторые категории сотрудников ГПУ». В нем говорилось: «...Учреждений ГПУ надзор инспекции по труду не должен совершенно касаться». В циркуляре предлагалось дать соответствующие указания инспекторам труда⁸². 15 ноября 1923 г. было утверждено положение об ОГПУ, а 28 марта 1924 г. в дополнение к Коллегии ОГПУ создано Особое совещание, ставшее одним из главных органов внесудебного преследования⁸³.

Число антиправовых положений в законодательных актах страны «победившего пролетариата» ширилось. Постановление ЦИК СССР от 31 октября 1924 г., узаконившее ссылку на срок от 3 до 10 лет для социально опасных граждан, разъясняло, что для решения вопроса о ссылке необязательно совершение какого-то преступления (ссылка в связи с преступлением допущена только в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 июля 1946 г.)⁸⁴.

«Классификация отбывающих лишение свободы заключенных по категориям и разрядам» исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г. определяла: «Первая категория – подлежащие лишению свободы со строгой изоляцией...; вторая – ... профессиональные преступники, а также те из числа заключенных, которые, не принадлежа к классу трудящихся, совершили преступление вследствие своих классовых привычек, взглядов или интересов...»⁸⁵ Вторая категория преступников заключалась в изоляторы специального назначения с особо строгим режимом содержания.

Новый уголовный кодекс РСФСР был принят в 1926 г. и введен в действие 1 января 1927 г. (формально действовал до 1960 г.). В УК 1926 г. против врагов советской власти был направлен целый ряд статей и, в первую очередь, знаменитая ст. 58 с восемнадцатью подпунктами. В двенадцати случаях за контрреволюционные преступления грозила высшая мера наказания, всего же в Кодексе содержалось 46 расстрельных статей⁸⁶. Следует отметить, что УК 1926 г. довел нижний предел возраста уголовно наказуемых до 12 лет. В результате тюрьмы были заполнены

⁸² Там же.

⁸³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 57-58.

⁸⁴ Там же. С. 18-19.

⁸⁵ Собрание кодексов РСФСР. М., 1927. С. 710, 726, 727.

⁸⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 22-26; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 336.

«малолетками». Например, в 1927 г. зеков в возрасте от 16 до 24 лет было 48 % от общего числа заключенных⁸⁷. 25 февраля 1927 г. вступило в силу общесоюзное положение о государственных преступлениях, куда включались «контрреволюционные и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления». 6 июня 1927 г. постановлением ВЦИК и СНК в УК 1926 г. была включена глава I, состоящая из двух частей: 1) контрреволюционные преступления (ст. 58 п. 1-14); 2) ...против порядка управления (ст. 59 п. 1-13)⁸⁸. Это постановление установило, что «недонесение о готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении» влечет за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев⁸⁹. Практика ареста за недоносительство резко увеличила численность арестованных.

В ст. 58 п. 1 УК 1926 г. говорилось, что контрреволюционным преступлением признается «...всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти...»⁹⁰ В ст. 59 п. 1 формулировалось: «Особо опасными для Союза СССР преступлениями против порядка управления признаются те, совершенные без контрреволюционных целей, преступления против порядка управления, которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик»⁹¹.

На первый взгляд, особенно в 1927 г., казалось, что ст. 58 и 59 имеют четкое подразделение. Ст. 58 была направлена против «контрреволюционеров», а ст. 59 – против других государственных преступников. Однако в условиях массового раскулачивания и ответного сопротивления крестьян в борьбе с «кулаками» активно применялась ст. 59 п. 2 («массовые беспорядки..., сопряженные с явным неповиновением законным требованиям властей или с противодействием исполнению последними возложенных на них обязанностей»), ст. 59 п. 3 («...организация вооруженных банд и участие в них...»), ст. 59 п. 13 («...недонесение о... преступлениях, предусмотренных ст. 59 п. 2, 3, 8...»)⁹². Период 1922-1928 гг. был связан в основ

⁸⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1990. С. 84.

⁸⁸ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 31-32.

⁸⁹ Там же; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 233.

⁹⁰ Уголовный кодекс 1926 г. М., 1929. С. 25.

⁹¹ Там же. С. 31.

⁹² Там же. С. 31, 32, 36.

ном с политикой лишения избирательных прав (подробнее см. главу 3 настоящей монографии). Именно в это время партия и государство подготовили законодательную базу для проведения массовых репрессий конца 1920-х – 1930-х гг.

2. «Великий перелом» и ужесточение репрессивных законов (конец 1920-х - 1930-е гг.)

Новый этап войны с народом открылся в 1929 г., с провозглашением политики «Великого перелома». Массовые нарушения прав человека в 1930-х гг. привели к превращению в «уголовников» сотен тысяч граждан социалистического государства, против которых обернулась большая часть УК 1926 г.

Террор обрушился на крестьян. В 1927-1929 гг. против них активно использовали ст. 60, 61 и 62 УК РСФСР 1926 г., которые позволяли лишать «кулаков» свободы с конфискацией имущества на срок от одного до двух лет за отказ от выполнения государственных повинностей. Ст. 107 (спекуляция) была повернута против крестьян, не сдающих зерно. Согласно циркуляру Наркомюста от 5 сентября 1929 г., разрешались репрессии против «кулаков» и контрреволюционеров с применением высшей меры наказания – расстрела. А постановление СНК РСФСР от 29 ноября 1929 г. давало право на заключение осужденных «кулаков» в концлагеря⁹³. В этом же году перешла в активную стадию борьба с оппозицией в партии, с инакомыслящими по всей стране. В 1929 г. был издан ряд постановлений об изменении «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» (таким образом редактировался и дополнялся УК 1926 г.). Именно в этом году специальным законом от 21 ноября 1929 г. граждане СССР, находящиеся за границей и «перебежавшие в лагерь врагов рабочего класса», объявлялись вне закона и в случае их обнаружения и опознания подлежали по приговору Верховного суда СССР расстрелу в 24 часа, их имущество конфисковывалось. Более того, выдвигалось новое положение – «настоящий закон имеет обратную силу»⁹⁴.

⁹³ Базаров А. Кулак и Агрогулаг. Челябинск, 1991. С. 129; Книга Памяти (посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917-1980-х гг.). Екатеринбург, 1994. С. 31-32.

⁹⁴ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 32, 33.

Интересно, что власти в 1929 г. попытались отчасти смягчить последствия лишения прав граждан СССР. Постановления ВЦИКа от 13 марта 1929 г. и от 30 октября 1929 г. говорили о том, что лишение всех гражданских прав лиц, лишенных прав избирательных, не должно более практиковаться. Имелась в виду следующая практика: «выселение из квартир и городов, огульное лишение заборных книжек, лишение медицинской помощи, лишение права застройки, исключение детей из школ» и т. п.⁹⁵ Но в реальной жизни такие перегибы давно стали системой.

В 1929 г. началась «сплошная коллективизация» как в пределах СССР, так и на Урале. Еще до ее начала органами ОГПУ на Урале было арестовано около тысячи крестьян. Наряду со ст. 60-62, 107 УК РСФСР заработала и ст. 58 – по ней осудили 380 чел. В начале 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разработало массовую карательную акцию против крестьян-«кулаков» – выселение сотен тысяч семей в районы Крайнего Севера, Северного Урала. 5 февраля 1930 г. вступило в силу постановление бюро Уралобкома ВКП(б) «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией», а еще 25 января 1930 г. постановление Уралоблисполкома определило план расселения и использования «кулачества»⁹⁶ (подробнее см.: Глава 4 монографии).

В 1930-х гг. вышла целая серия постановлений, указов, инструкций и законов, ужесточающих репрессивную политику советского государства. Например, 7 августа 1932 г. последовало Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», в народе – «Указ о пяти колосках». Главной мерой наказания в нем был определен расстрел и, в виде исключения, 10 лет лишения свободы⁹⁷. В третьем разделе Указа говорилось: «1. Повести решительную борьбу с теми противообщественными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилия и угрозы или проповедуют применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза, с

⁹⁵ СЗ СССР. 1930 г. № 19. С. 212.

⁹⁶ См. более подробно: Книга Памяти. Гл. 2, пар. 1.

⁹⁷ История советской конституции 1917-1936 гг. М., 1957. С. 673.

целью насильственного разрушения колхоза. Приравнять эти преступления к государственным преступлениям. 2. Применять в качестве меры судебной репрессии по делам об охране колхозов и колхозников от насилий и угроз со стороны кулацких и других противообщественных элементов лишение свободы от 5 до 10 лет с заключением в концентрационный лагерь. 3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по этим делам». А. И. Солженицын заметил по поводу этого закона: «За стрижку колосьев детям давали не менее восьми лет..., и за карман картошки». Особенно активно использовался «Указ о колосках» во время голодных лет⁹⁸.

Вслед за предыдущим Указом 22 августа 1932 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией»⁹⁹. Этот закон активно применялся во время голода 1932, 1933 гг. Разоренные поборами крестьяне торговали, чем могли, для того, чтобы выжить. Такая «спекуляция» жестоко наказывалась.

Время от времени партия инициировала законодательные акты в духе заботы о правах народа. Так, в июле 1931 г. вышло постановление Президиума ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков», где было обещано восстановление в правах через пять лет после раскулачивания¹⁰⁰. В июне 1932 г. опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «О революционной законности», в котором говорилось: «...Устранить факты наложения твердых заданий, раскулачивания и т. п., допущенные в нарушение законов советской власти в отношении отдельных колхозников и единоличных крестьянских хозяйств, последовательно проводя установленные советскими законами задания и меры в отношении кулацких элементов...»¹⁰¹

Хотя вышеуказанные законодательные акты были в первую очередь пропагандистскими уловками, их практическое значение заключалось в снятии напряженности в обществе. А в реальной жизни руководствовались иными постановлениями. В 1933 г. был принят закон об ответственности служащих государственных учреждений и предприятий за вредительские акты, и 27 июня этого же года – Постановление Верховного Совета

⁹⁸ См.: Сборник материалов и документов по истории СССР советского периода. М., 1966. С. 300, 301; Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1990. С. 86.

⁹⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953-1991). Казань, 1992. С. 17.

¹⁰⁰ История советской конституции. 1917-1936 гг. С. 669, 670.

¹⁰¹ Там же. С. 670-672.

РСФСР о наказании за недоносительство о хищениях, подпадающих под действие закона от 7 августа 1932 г. 8 июня 1934 г. была установлена ответственность за измену Родине (высшая мера наказания или 10 лет заключения)¹⁰². Этот закон в годы войны обрек на несправедливое наказание тех, кто по вине самого государства попал в плен. По этому закону в двух случаях из трех полагался расстрел, члены семей изменников лишались избирательных прав и ссылались в Сибирь на пять лет; недонесение военнослужащего наказывалось десятью годами, остальных граждан – шестью месяцами лишения свободы¹⁰³.

В середине 1930-х гг. в городах СССР был введен паспортный режим, в тюрьмы попали те, кто не имел паспортов, занимался бродяжничеством. 1 июля 1934 г. в УК 1926 г. добавилась ст. 192а по «беспаспортным», срок наказания определен в два года¹⁰⁴. Учитывая, что раскулаченные-спецпереселенцы не могли иметь паспортов и единственной формой их протеста было бегство с великих строек, можно понять, против кого были направлены вышеуказанные мероприятия.

Спланированное Сталиным убийство Кирова открыло новый этап репрессивного законодательства. 1 декабря 1934 г. вышло Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке и совершении террористических актов». Оно стало основой для Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 декабря 1934 г. (утвержденного 9 февраля 1936 г.) «О дополнении уголовно-процессуального кодекса РСФСР главой XXXIII». Эта глава носила название «О расследовании и рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти». Вот выдержки из Постановления, определяющие его суть: «Следствие по делам о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти (ст. 58 п. 8, 11 УК) должно быть закончено в срок не более 10 дней... Обвинительное заключение вручается обвиняемым за сутки до рассмотрения дела в суде... Дела слушаются без участия сторон... Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств не допускается... Приговор о высшей мере на-

¹⁰² История государства и права СССР. Ч. 2. М., 1981. С. 261, 262; История советского уголовного права. 1917-1947. М., 1948. С. 412.

¹⁰³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 27, 28.

¹⁰⁴ Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 39.

казания приводится в исполнение немедленно по вынесению приговора...»¹⁰⁵
К этому времени произошла перестройка органов внесудебного преследования. По решению от 2 февраля 1930 г. были созданы суды-тройки при ОГПУ. Постановление ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. включило ОГПУ в НКВД, ликвидировалась судебная коллегия ОГПУ и создавалось Особое совещание при НКВД, действовавшее до 1 сентября 1953 г. Суды-тройки при НКВД организовались 25 сентября 1935 г., а 20 сентября появились суды-двойки, действовавшие до 17 сентября 1938 г.¹⁰⁶ По Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1934 г. исправительно-трудовые учреждения НКЮ РСФСР были переданы в ведение НКВД¹⁰⁷.

Разгорелась «Великая чистка», и в ход пошли секретные директивы, распоряжения, известные только узкому кругу лиц. Таковыми являются секретная директива наркома внутренних дел СССР № 143 от июля 1935 г. о ссылке освобожденных по ст. 58 в отдаленные районы Сибири и 383 списка, утвержденных Сталиным, на виднейших партийных и государственных деятелей, подлежащих «разоблачению» и расстрелу¹⁰⁸. Резко возрос произвол в отношении арестованных и заключенных. В 1937 г. ЦК партии переслал всем партийным организациям секретное письмо, разрешающее применение пыток на следствии. Целым рядом секретных инструкций рабочий день зеков в 1937 г. увеличился с 8 до 11,5 часов¹⁰⁹.

Не менее секретны и официальные решения законодательной и исполнительной власти. Эти постановления стали широко известны только в середине 1950-х гг. Согласно Постановлению ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г., обвиняемым во вредительстве и диверсиях обвинительное заключение вручалось за сутки до разбирательства дела, не допускалось кассационное обжалование. Постановление ЦИК СССР от 2 октября 1937 г. повысило срок наказания за особо опасные государственные преступления 0 шпионаж, вредительство и диверсию с 10 до 25 лет¹¹⁰. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 2 февраля 1938 г. «О дополнении УПК РСФСР главой XXXIV» – «О рассмотрении дел о контрреволюционном вре-

¹⁰⁵ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сб-к документов. М., 1955. С. 551-553, 466-470.

¹⁰⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 59, 61-63.

¹⁰⁷ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. С. 551-552.

¹⁰⁸ Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 49, 137.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ История государства и права СССР. Ч. 2. М., 1981. С. 261, 323, 324.

дательстве и диверсиях», говорило: «Кассационное обжалование по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 7 УК РСФСР (вредительство) и ст. 58 п. 9 УК РСФСР (диверсия), не допускается... Приговоры о высшей мере наказания (расстреле) приводятся в исполнении немедленно по отклонении ходатайств осужденных о помиловании».¹¹¹ Затем, 15 марта 1938 г., последовала директива НКЮ СССР «О направлении дел по контрреволюционным высказываниям в военные трибуналы»¹¹².

Указ Президиума Верховного Совета от 15 июня 1939 г. «О лагерях НКВД» отменил условно-досрочное освобождение осужденных и фактически прекратил действие исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г., который обеспечивал хотя бы минимальные права заключенных¹¹³. Кроме того, Указ разрешил применение высшей меры наказания к нарушителям в лагерях, срывающим производственные задания¹¹⁴. Принятие ряда последних законов объяснялось тем, что на рабочую силу исправительно-трудовых лагерей в третьей пятилетке возлагалось проведение строительных работ стоимостью 12 млрд. руб. В 1939 г. в ГУЛАГе находилось 1672438 заключенных, и НКВД превратился в крупнейшее строительное ведомство¹¹⁵.

3. Военно-мобилизационные мероприятия и репрессивное законодательство СССР в 1940-е гг.

С началом второй мировой войны советское партийно-государственное руководство предприняло массированные усилия по военной мобилизации страны, укреплению оборонной промышленности, перестройке армии. Времени было отпущено мало, а хозяйственно-экономические задачи стояли масштабные. Иного выхода, кроме усиления репрессивного законодательства и использования подневольного труда заключенных ГУЛАГа, сталинская модель социализма не предусматривала.

Уже в 1940 г. выходит целый ряд указов Президиума Верховного Совета СССР, которые очень похожи на мобилизационные мероприятия военного периода. Это позволяет некоторым авторам¹¹⁶ утверждать, что «конструктивные детали»

¹¹¹ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. С. 574, 471-473.

¹¹² Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 36.

¹¹³ История советского государства и права. Т. 3. М., 1985. С. 183.

¹¹⁴ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 37.

¹¹⁵ См.: ГУЛАГ в годы войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 15-19; Земсков В. Н. Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. № 5. С. 152.

¹¹⁶ См.: Кнышевский П. Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 54.

механизма мобилизации оттачивались еще в 1920-х гг., а перед войной нашли воплощение в указах Верховного Совета. Так например, 10 февраля 1940 г. последовал указ «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия»; 10 июля – «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Срок наказания по этим указам составлял от 5 до 8 лет. Учитывая качество продукции и дисциплину в нашем социалистическом производстве, можно понять, что этот указ грозил многим тысячам организаторов и исполнителей в промышленности¹¹⁷. Вскоре, 17 июля, вышел указ «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров в машинотракторных станциях»; ранее – 26 июня – «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (отменен только 25 апреля 1956 г.)¹¹⁸; 10 августа 1940 г. – «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей» и «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» (срок 1 год)¹¹⁹. По закону «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г., молодежь фактически насильно мобилизовывалась в систему ФЗО; 28 декабря 1940 г. вышел указ о наказании за самовольный уход из ремесленного училища. Как писал Ж. Росси: «Формально в ФЗО мобилизовали крестьянских детей от 14 летнего возраста до 16 лет. На практике попадали туда и 12-летние. Сроки получали от 3 до 7 лет. Сотни тысяч этих детей побывали в ГУЛАГе за годы войны. Многие из этих мальчиков и девочек стали ворами и проститутками». Только 18 марта 1955 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене призыва (мобилизации) мобилизации в ремесленные и железнодорожные училища»¹²⁰.

¹¹⁷ История государства и права СССР. Ч. 2. М., 1981. С. 323.

¹¹⁸ Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М., 1966. С. 361; Сб. док. по истории угол. зак-ва СССР и РСФСР (1953-1991). С. 29.

¹¹⁹ История государства и права СССР. Ч. 2. С. 84.

¹²⁰ Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода. М., 1966. С. 362; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С.432.

В дополнение к перечисленным, 19 октября 1940 г. был принят указ «О порядке обязательного перевода инженеров, технологов, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий в другие». П. Н. Кнышевский отмечал: «Совокупность этих законов являла собой законченную систему казарменной экономики с механизмом тотальной мобилизации. Лишь за полгода с 26 июня 1940 г. за самовольный уход с предприятий и учреждений, прогулы и опоздания на работу было осуждено более 2,09 млн. чел., из них свыше 1,7 млн. чел. отбывали шестимесячный исправительно-трудовой срок по месту работы. С начала 1941 г. показатели карательной политики упали, ибо меры принуждения возымели действие и система прижилась, да так, что и в военное время она не потребовала радикального изменения...»¹²¹

1939 и 1940 гг. стали для СССР годами насильственного присоединения и оккупации чужих территорий: Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, Польши и Бессарабии. В этой ситуации в полной мере проявилось значение термина «бандит» в трактовке советской государственной системы. Бандитами стали граждане захватываемых территорий, боровшиеся за свое достоинство и независимость родины (бандеровцы, поляки, прибалты и т. п.). Целые потоки репрессированных хлынули на север необъятного социалистического отечества. Советская власть в полной мере показала и свое отношение к солдатам Красной Армии, попавшим в плен во время финской войны (что послужило образцом для войны 1941-1945 гг.). Бывшие советские военнопленные, возвращенные Финляндией, попали в лагеря Воркуты и почти все погибли¹²².

Весьма характерно, что законодательство 1930-х гг. плавно перешло в 1940-е гг., и новые жестокие законы военного времени не очень сильно отличались от законов мирного времени. Накануне и в первые дни войны был ужесточен режим в советских лагерях: 28 марта 1941 г. была разослана директива НКВД, НКЮ и Прокурора СССР о применении высшей меры наказания к зекам, совершившим побег; 22 июня – директива

¹²¹ См.: Указ. соч. С. 54.

¹²² Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 59; Ч. 2 С. 321.

Наркома внутренних дел и Прокурора СССР о прекращении освобождения по истечении срока наказания в лагерях¹²³.

На 1 марта 1940 г. в лагерях и колониях ГУЛАГа числилось 1688200 заключенных, из них: 28,7 % сидело за контрреволюционные преступления; 5,4 % – за преступления, особо опасные для порядка управления; 1,5 % – за расхищение социалистической собственности; 12,4 % – за хулиганство, спекуляцию и пр.; 9,7 % – за кражи; 8,9 % – за должностные и хозяйственные преступления; 5,9 % – за преступления против личности; 27,5 % – прочие¹²⁴. От заключенных требовали более интенсивного труда: в 1941 г. выработка в лагерях на одного человека в день составляла 9 руб. 50 коп., а в 1944 г. – 21 руб.¹²⁵ Вопреки распространенному мнению о наиболее массовых репрессиях в 1930-е гг., «во время Великой Отечественной войны число осужденных за контрреволюционные и другие особо опасные преступления выросло в 1,5 раза»¹²⁶.

С началом Великой Отечественной войны еще более ужесточилось трудовое законодательство: 26 июня 1941 г. последовал указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» с установлением на предприятиях, в сельском хозяйстве и на транспорте сверхурочных работ от 1 до 3 часов в день; 29 июня 1941 г. – директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Все для фронта, все для победы». «Крупные поражения советских войск, – писал П. Н. Кнышевский, – летом и осенью 1941 г. повлекли за собой дестабилизацию местного и военного управления во многих районах и вызвали социально-политическую напряженность в тылу. Для преодоления нарастающего кризиса власти Сталин пошел по пути ужесточения репрессивных мер. Таков был приказ Ставки ВГК № 270 от 26 августа 1941 г. Не менее жестким явилось постановление ГКО за № 903 «сс» от 17 ноября 1941 г., состоявшее всего из двух пунктов: «1. Привести в исполнение все приговоры о ВМН без утверждения их в высших инстанциях. 2. Особому Совещанию НКВД дано право выносить наказания вплоть до ВМН по ст. 58 п. 1-14, 59 п. 2, 3, 3а, 4, 7, 10, 12, 13 УК РСФСР и СССР» Тотчас прокатилась волна массовых расстрелов»¹²⁷. «Постановление

¹²³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 38, 158.

¹²⁴ Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14.

¹²⁵ Там же. С. 22.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 55.

№ 903 «сс» имело прямое отношение к выполнению мобилизационных, экономических и оборонно-производственных задач и до конца войны оставалось прототипом многих последующих распоряжений и постановлений ГКО» – отмечал П. Н. Кнышевский¹²⁸. Достаточно было намека, и ОСО НКВД интересовалось срывом выполнения производственных заданий как контрреволюционным преступлением.

26 декабря 1941 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» (отменен 13 января 1953 г.). Это указ установил, что самовольный уход с предприятий, в том числе эвакуированных, надо «рассматривать как дезертирство, карать тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет, дела же о виновных передавать в военные трибуналы»¹²⁹.

В апреле 1942 г. последовали указы Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности колхозников за невыработку обязательного минимума трудодней» и «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или за самовольный уход мобилизованных с работы»¹³⁰. Следует отметить, что «невыполнение норм влекло за собой уголовную ответственность, а основанием для привлечения к суду являлся даже простой список соответствующих лиц, заверенный счетоводом»¹³¹. Постановление ГКО № 2005 «сс» от 10 июня 1942 г. стало одной из самых массовых мобилизаций молодежи 14-18 лет и направления в ремесленные училища и школы ФЗО промышленных центров восточных областей¹³².

Красная Армия в первые два года войны понесла огромные потери и даже в масштабах такой страны как СССР людских ресурсов не хватало. Это объяснялось тем, что значительная часть мужчин призывного возраста сидела в лагерях, колониях, тюрьмах, находилась на спецпоселении. Для того чтобы справиться с возникшей проблемой, Сталин пошел на разрешение призыва в армию из лагерей и спецпоселений. По указам Президиума Верховного Совета ССР от 12 июля и 24

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. С. 323.

¹³⁰ Там же. С. 17, 25.

¹³¹ Кнышевский П. Н. Указ. соч. С. 60.

¹³² Там же. С. 62.

ноября 1941 г. освободили осужденных «за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления» в количестве 420 тыс. чел. Освобождали по специальным решениям ГКО и в 1942-1943 гг. Всего с 1941 по 1944 гг. в РККА было передано 975 тыс. бывших заключенных¹³³.

Трудпоселенцы – «бывшие кулаки» – в 1930-х гг. не подлежали призыву в армию. Главное управление РККА 27 февраля 1940 г. разослало указание «О порядке приписки к призывным участкам трудпоселенческой молодежи» (освобожденной из трудпоселков по достижении 16-летнего возраста). Постановление ГКО № 1575 «сс» от 11 апреля 1942 г. разрешило призыв бывших кулаков на военную службу с условие снятия их со спецучета только через год. И, наконец, 22 октября 1942 г. последовал приказ НКВД СССР № 002303 о снятии с учета всех трудпоселенцев и членов их семей, призванных в армию, с выдачей им паспортов. К 1 ноября 1942 г. всего призвали в РККА 607047 чел., а в течение 1943 г. – 102520 чел.¹³⁴

Особого внимания заслуживает вопрос о законодательных актах СССР применительно к военнопленным. Отношение советского государства к своим гражданам, оказавшимся на оккупированной территории и в плену, вылилось в целую серию жестоких директив и законов. Директива Прокурора СССР от 12 октября 1942 г. «узаконила» репрессии против семей дезертиров «как членов семей изменников Родины». За кружку воды, поданной немцам, наказывали, как за измену Родине. Правда, 25 ноября 1943 г. вышло постановление пленума Верховного Суда СССР о различении между изменниками и пособниками врага, несколько смягчившие ситуацию. В 1942-1943 гг. создавались проверочно-фильтрационные лагеря, через которые были прогнаны сотни тысяч советских граждан, вернувшихся из плена и оккупации.

По указу от 22 апреля 1943 г. «О мерах наказания изменникам Родине и предателям и о введении для этих лиц как меры наказания каторжных работ» в СССР появились каторжане (в июле 1944 г. – 5200 чел., в сентябре 1947 г. – 6021 чел.)¹³⁵. Как известно, Сталин отказался подписывать Женев-

¹³³ Земсков В. Н. ГУЛАГ. С. 24.

¹³⁴ Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 4, 5, 19-21.

¹³⁵ Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 24.

скую конвенцию о защите прав военнопленных, заведомо считая их «изменниками Родины». Более того, он обрек их на положение преступников. ГКО 18 августа 1945 г. принял решение о принудительной отправке бывших военнопленных Красной Армии на работу в промышленность, в тюрьмы, лагеря и на спецпоселения¹³⁶.

В действиях Сталина и его окружения присутствовала железная логика – унижить человека в глазах народа, обвинив его в измене Родине, растоптать его достоинство и затем манипулировать в своих интересах. Через проверочно-фильтрационные лагеря с конца 1941 г. по 1 октября 1944 г. пошло, по подсчетам В. Н. Земского, 421199 чел., из них передано в РККА 249416 чел., в промышленность – 30749 чел. и т. п.¹³⁷ Таким образом, «рационально» распределялись людские ресурсы.

Наряду со всеми вышеупомянутыми указами, директивами и постановлениями следует помнить о разнообразной практике репрессивной мобилизации трудовых ресурсов в годы войны: чистке войсками НКВД, органами милиции, госбезопасности и народными дружинами прифронтной полосы и бывших оккупированных территорий с целью осуждения за уклонение от трудовой мобилизации; формировании рабочих колонн из представителей репрессированных народов и других категорий «врагов народа»; использования труда узников ГУЛАГа, военнопленных и такого спецконтингента, как интернированное гражданское население Германии (с конца 1944 г.) количеством более 140 тыс. чел. Репрессивное законодательство и основные направления его развития в годы войны показывают, насколько велико было недоверие власть предержащих к своему народу, руками которого вершилась победа.

4. Репрессивные акты «позднего сталинизма». Переход к законодательной реформе 1950-х гг.

После победы, давшейся ценой явной самоотверженности всего населения страны, от любой разумной власти следовало бы ожидать резкого смягчения репрессивных законов и

¹³⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 41-44, 136, 137, 139-142; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 321, 356.

¹³⁷ Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 4, 5.

широкой амнистии. Действительно, в 1945-1946 гг. такая амнистия прошла, в 1947 г. даже временно отменили смертную казнь. В дальнейшем, однако, все возвратилось «на круги своя». Действия Сталина и его соратников объяснялись вполне прагматичным образом. Победа в войне, достигнутая ценой огромных жертв народа, была использована прежде всего для укрепления сложившейся командно-административной системы. Люди, с их болью, надеждами и мечтами о лучшей жизни, были, как и раньше, принесены в жертву всеильному государству и «гениальному вождю».

В тяжелых условиях послевоенной разрухи, голода 1946-1947 гг. был принят репрессивный указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Срок наказания по нему определялся в 7-25 лет. Под его действие попали десятки тысяч малолетних преступников и вконец обнищавших людей. Именно они и были освобождены по амнистии 1953 г.¹³⁸ Указ от 2 июня 1948 г. угрожал колхозникам, не выработывающим обязательный минимум трудодней, выселением на восемь лет, а указ от 23 июня 1951 г. наказывал выселением за бродяжничество и попрошайничество¹³⁹.

Русский солдат, прошагавший по Европе и крепко задумавшийся о «преимуществах социализма», достаточно быстро «протрезвел». Его интерес к экономическим и культурным достижениям стран Западной Европы натолкнулся на глухой пропагандистский заслон сталинизма. Президиум Верховного Совета СССР 15 февраля 1947 г. принял указ «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». В этом же году появилась новая литерная формулировка приговора внесудебного органа – «п. з.» – преклонение перед Западом или перед упадочной западной литературой, и в период с 1947 по 1953 гг. в соответствии с ней давали 10 лет лагерей¹⁴⁰. Отмененная в 1947 г. высшая мера наказания – расстрел – вскоре была восстановлена, причем сначала для политических, а уже затем для уголовных преступников¹⁴¹. В феврале 1948 г. был принят указ о направлении в ссылку в отдаленные мест-

¹³⁸ История советской конституции. 1917-1956 гг. М., 1957. С. 840, 841.

¹³⁹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 16, 17.

¹⁴⁰ Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 41; История Советской конституции. С. 891.

¹⁴¹ Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 65.

ности СССР освободившихся особо опасных (прежде всего политических) преступников; 26 ноября 1948 г. – указ Президиума Верховного Совета СССР, определявший наказанием за побег из мест ссылки 20 лет каторжных работ. В 1953 г. в политизоляторах появились первые политические, осужденные Особым совещанием к пожизненному тюремному заключению, которое не предусмотрено ни одним уголовным кодексом¹⁴².

Уголовное и трудовое законодательство СССР неумолимо порождало все новые указы о наказании своих задавленными тяготами социалистического существования граждан. Когда сегодня мы пытаемся вычислить, сколько же сидело в тюрьмах и лагерях незаконно репрессированных, нам доказывают, что политических в лагерях было мало, в основном там сидели уголовники. Таким образом, неосталинисты утверждают, что жертв сталинщины было не так уж и много, а в основном наказывались «по закону» и «за дело». Однако суть заключается в том, что жертвами были отнюдь не только осужденные по ст. 58, ибо репрессивных статей хватало и без нее. Когда после смерти «вождя народов» началась кампания амнистий и отмены наиболее одиозных репрессивных законов, мы обнаружили, как много их было.

По подсчетам В. Н. Земского, в 1951 г. из числа отбывавших наказание за уголовные преступления 60 % было осуждено не на основе статей Уголовного кодекса, а на основе подзаконных актов – по указам Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за самовольный уход с предприятия, за побег из мест обязательного поселения и т. п.¹⁴³

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» от 27 марта 1953 г. гласил: «...Освободить из мест заключения... лиц, осужденных на срок до пяти лет включительно... Освободить осужденных, независимо от срока наказания, за должностные и хозяйственные преступления, а также за воинские преступления, предусмотренные ст. 193 п. 4а, 7, 8, 10, 10а, 14-17 УК РСФСР. Не применять амнистию к лицам, осужденным на срок более пяти лет за

¹⁴² Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 46-47, 48; Росси Ж. Указ. соч. Ч. 1. С.255.

¹⁴³ Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 9.

контрреволюционные преступления»¹⁴⁴. Всего было освобождено 1201738 чел., в их числе значительная часть тех, кто попал в заключение за мелкие хищения по указу от 4 июня 1947 г.; освобождены все «высланные», и эта категория репрессированных исчезла¹⁴⁵.

По указу от 8 сентября 1953 г. амнистировали тысячи тех, кто был осужден подзаконными актами от 7 и 22 августа 1932 г. По указу от 28 октября 1953 г. отменялась уголовная ответственность за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней. Только в 1954 г. повысился возраст уголовно наказуемых за любые деяния до 16 лет. Как отмечал А. И. Солженицын: «Сталинские законы о малолетках просуществовали 20 лет – до Указа 24 апреля 1954 г., освободившего тех, кто отбыл более трети срока. Двадцать возрастов свихнули в преступление и разврат»¹⁴⁶.

Только в июле 1954 г. была восстановлена практика условно-досрочного освобождения, прерванная в 1939 г. За это время многие десятки тысяч людей стали закоренелыми преступниками, пройдя воспитание лагерями и тюрьмой. 17 сентября 1955 г. вышел указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», который, наряду с подлинными коллаборационистами, освободил и тех, кто по вине Сталина попал в плен в первые годы войны. 20 сентября 1956 г. этот указ был распространен и на военнослужащих, побывавших в плену и осужденных по ст. 193 п. 22 и ст. 58 п. 16. Закон Верховного Совета СССР «Об отмене лишения избирательных прав по суду» вышел 25 декабря 1958 г.¹⁴⁷

Законодательная реформа 1950-х гг. была вызвана многими причинами. Во-первых, страна была явно перегружена репрессированными по разным основаниям (на 1 января 1953 г. насчитывалось 2753356 спецпереселенцев; только в лагерях и колониях ГУЛАГа (без тюрем и детских трудовых колоний) содержалось 2468524 заключенных)¹⁴⁸. Во-вторых, эффективность подневольного труда после окончания Великой Отечественной войны неуклонно снижалась (это под

¹⁴⁴ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. С. 16.

¹⁴⁵ Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 12, 14.

¹⁴⁶ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. С. 15-17, 22; Солженицын А. И. Указ. соч. С. 97.

¹⁴⁷ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 23, 27, 30; История советской конституции. М., 1957. С. 773.

¹⁴⁸ Земсков В. Н. Спецпоселенцы. С. 16.

тверждают отчеты многих промышленных, строительных предприятий, в том числе отчеты треста «Тагилстрой», бывшего в 40-е гг. Тагиллагом). В-третьих, политика «позднего сталинизма» находила все меньше понимания как среди народа, так и среди «соратников» вождя. В-четвертых, Н. С. Хрущев и группа его единомышленников хотели обрести популярность как внутри страны, так и за рубежом за счет своего отхода от сталинизма.

В декабре 1956 г. были приняты новые (после 1924 г.) Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик. В ст. 3. впервые в советской практике было провозглашено, что наказание может даваться только по решению суда. Кроме того, уголовная ответственность начиналась теперь с 16 лет. Из перечня видов наказания Основы исключали такие меры, как объявление врагом трудящихся на неопределенный срок и поражение политических прав по суду, в том числе и избирательных прав. Верховный Совет РСФСР 27 октября 1960 г. принял новый УК РСФСР¹⁴⁹. Однако все это отнюдь не означало, что советское право рассталось с прошлым. В новом законе СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» присутствовали: ст. 1. Измена Родине...; ст. 6. Вредительство...; ст. 7. Антисоветская агитация и пропаганда (срок от 3 до 10 лет)...; ст. 9. Организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации...¹⁵⁰ Излишне напоминать современнику о том, что сохранилась практика изгнания неугодных лиц из СССР, поражения политических прав и добавилось принудительное лечение в спецпсихбольницах. И еще одна характерная деталь – на указах, отменяющих жестокие законы сталинщины, зачастую встречается гриф «Без опубликования в печати». Тайна свято хранилась и во времена оттепели.

Репрессивное законодательство затронуло судьбы миллионов наших соотечественников, сделав их жертвами идеологии и политики коммунизма. Сложившаяся в настоящее время ситуация с изучением политики репрессий позволяет сделать более точные, чем ранее, подсчеты численности репрессированных в

¹⁴⁹ История государства и права СССР. Ч. 2. С. 417-420.

¹⁵⁰ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 52-58.

1920 – начале 1950-х гг. Лишению избирательных прав в одном только 1927 г. власть предержащие подвергли свыше двух миллионов россиян (из них 1 млн. 400 тыс. чел. на селе, более 700 тыс. чел. – в городах)¹⁵¹.

Судя по данным отдела спецпоселений НКВД-МВД СССР, сконцентрированным в работах В. Н. Земского и Н. Ф. Бугая, общее число спецпоселенцев различных категорий (бывшие кулаки, ссыльные, ссыльнопоселенцы, административно высланные, депортированные) за период с 1930 по 1948 гг. составило 6 млн. 144 тыс. чел.¹⁵²

Основываясь на статистических таблицах В. Н. Земского о численности и движении контингентов ГУЛАГа с 1934 по 1947 гг.¹⁵³, нетрудно вычислить цифру вновь прибывших в заключение за этот временный промежуток – 10 млн. 396 тыс. чел.

Учитывая, что к 1 января 1934 г. в ИТЛ и ИТК находилось 510307 заключенных и сложив это с предыдущей цифрой, получаем общую численность – 10906307 чел. Следует отметить, что в эту цифру не входит тюремное население ГУЛАГа. В среднем 30 % контингента лагерей состояло из осужденных за контрреволюционные преступления. Следовательно, через ИТЛ прошло около 3 млн. 200 тыс. чел. «контрреволюционеров». Эта цифра близка к данным о числе осужденных указанной категории за период с 1921 по 1954 гг. из справки Н. С. Хрущеву от 1 января 1954 г. – 3777380 чел.¹⁵⁴ Поэтому для наших расчетов можно использовать эти официальные данные. Как уже говорилось выше, репрессии в СССР проходили по разным основаниям, а не только по ст. 58. Следовательно, для полноты картины к предыдущим подсчетам следует добавить число осужденных к исправительным работам по указу от 26 июня 1940 г. – 1 млн. чел.¹⁵⁵

Через детские трудовые колонии с 1935 по 1940 гг. прошло более 155 тыс. подростков в возрасте от 12 до 18 лет¹⁵⁶. Многие сотни тысяч людей стали жертвами сталинизма из-за пребывания в плену или на фашистской каторге. Численность «второй эмиграции» (захваченных в плен фашистами и жителей

¹⁵¹ См.: Выборы в Советы по РСФСР в 1927 г. М., 1928. С. 6, 52, 54.

¹⁵² См.: Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Социологические исследования. 1990. № 10. С.24; Он же. Спецпоселенцы. С. 6, 8. Общая цифра получена нами путем сложения числа вновь прибывших на спецпоселение с 1932 по 1940 гг. – 2 млн. 176 тыс. чел., разницы в числе направленных в 1930-1931 гг. и учтенных на 1 января 1932 г. (1803392 - 1317022) – 486370 чел., численности выселенных в период 1941-1948 гг. народов СССР – 3481582 чел. (см.: 40-50-е гг. Последствия депортации народов / Сост. Н. Ф. Бугай // История СССР. 1992. № 1. С. 142).

¹⁵³ См.: Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 14-15; Он же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

¹⁵⁴ См.: Он же. Указ. соч. // История СССР. 1991. № 5. С. 153.

¹⁵⁵ См.: Он же. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 19. К марту 1940 г. на учете в Бюро исправительных работ состояло 312800 чел., а после 26 июня 1940 г. – 1 млн. 264 тыс. чел.; к 1 декабря 1944 г. в БИРах работало 570 тыс. указников из 770 тыс. чел. общего контингента.

¹⁵⁶ Там же.

окупированных территорий, угнанных в неволю и не вернувшихся в СССР из-за боязни попасть в ГУЛАГ) составило примерно 452 тыс. чел. После проверочно-фильтрационных лагерей НКВД в распоряжении этого ведомства осталось около 338 тыс. чел.¹⁵⁷

Таким образом, общая численность спецпоселенцев и заключенных категории контрреволюционеров составляет 9 млн. 921 тыс. чел.; с учетом остальных категорий жертв репрессий – 11 млн. 866 тыс. чел. При этом следует помнить, что в наши расчеты не вошли узники тюрем, лагерей НКВД, относившихся к разным промышленным и иным ведомствам, депортированные народы Прибалтики, родившиеся или вновь прибывшие на спецпоселение после 1948 г., арестованные по политическим мотивам, но не по ст. 58, и поэтому не вошедшие в категорию контрреволюционеров. Кроме того, общая цифра контрреволюционеров достаточно точно просчитана по годовым отчетам ГУЛАГа только за период 1934-1947 гг. Остается назвать хотя бы примерную цифру погибших от репрессий. Подсчет численности расстрелянных и умерших среди спецпереселенцев и заключенных дает итог в 2,5 млн. чел.¹⁵⁸ Таковы результаты применения репрессивного законодательства на практике.

В развитии законодательных основ советского государства с 1970 по начало 1950-х гг. прослеживаются вполне определенные закономерности.

Революция и гражданская война наложили свой яркий отпечаток на законодательную политику партии и государства. Идеология революционной борьбы и вытекающей отсюда логики «революционной законности» стали основой всех законодательных актов. Законоположения, созданные в защиту «революционной законности», базировались на таких ключевых понятиях, как: враги народа и революции; террор; концлагеря; наказание по велению революционной совести; «презумпция виновности» каждого обвиняемого до суда; наказание покушения на деяние, как самого деяния; наказание за недонесение; достаточность признания обвиняемого для его осуждения; обратная сила принимаемых законов (распространение

¹⁵⁷ См.: Земсков В. Н. К вопросу о репатриации советских граждан 1944-1951 // История СССР. 1990. № 4. С. 38; Шевяков А. А. «Тайны» послевоенной репатриации // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 10.

¹⁵⁸ См.: Вышеуказанные работы В. Н. Земскова. Согласно справке Н. С. Хрущеву, к высшей мере наказания за контрреволюционные преступления за 1921-1954 гг. было приговорено 642800 чел.; по данным архива ГУЛАГа с 1934 по 1947 гг. в ИТЛ умерло всех категорий заключенных 963766 чел.; по данным Отдела спецпоселений НКВД-МВД численность умерших спецпереселенцев с 1932 по 1940 гг. составила 389521 чел.; среди депортированных народов с момента вселения до 1 октября 1948 г. – 269080 чел.; в проверочно-фильтрационных лагерях – около 5 тыс. чел. Кроме того, следует учесть, что в 1930-1931 гг. на спецпоселение по официальным данным было отправлено 1803392 чел., а 1 января 1932 г. на учете спецкомендатур состояло только 1317022 чел. Где оказались 486370 чел. нетрудно догадаться – либо умерли, либо сбежали. Предположив, что около 200 тыс. чел. из них умерло, мы можем добавить эту цифру к предыдущим (подсчитано по: Земсков В. Н. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 11, 12, 13, 14, 15; Он же. Спецпереселенцы. С. 6, 8; Он же. ГУЛАГ // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 4, 5).

их действия на период, предшествующих принятию); уголовная ответственность за политические и идеологические убеждения. Использование этих понятий в практике законодательной и исполнительной власти полностью нарушало выверенные мировым опытом способы регулирования взаимоотношений общества и государства.

В истории развития социалистического государства наблюдается параллельное оформление и сосуществование двух структур власти – официальной, в лице Советов на местах, Верховного Совета, Совета народных комиссаров и неофициальной – ОГПУ-НКВД, Политбюро ВКП(б) и т. п. Одновременно шло развитие и двух видов законодательства – показного, в виде Конституций, Уголовного и иных кодексов, обнародованных законов и постановлений; и фактически действующего – подзаконных указов, положений, инструкций, секретных писем и директив. Теневая структура власти и подзаконные акты оказывали преобладающее влияние на жизнь общества. Происходила политизации правовой системы государства. Уголовные кодексы 1922, 1926 гг., как основные источники законов, были основаны на нарушении правовых норм. «Враг народа» был превращен из идеологического противника в уголовника и всегда рассматривался как особо опасный преступник. Политические деяния расценивались как уголовные преступления.

В истории советского репрессивного законодательства есть свои закономерности и этапы. Несмотря на относительно мирный период развития внутренней жизни государства в 1922-1928 гг., именно в этот временной промежуток формировалась законодательная база борьбы с «врагами народа». В УК 1922 г. 17 «контрреволюционных» статей, в УК 1926 г. и того больше. Во всех статьях и законах о контрреволюционных преступниках им определяются суровые меры репрессий, превосходящие по жестокости наказания за уголовные деяния. Таким образом, уже в период нэпа были подготовлены репрессивные законы, использованные в 1930-1940-х гг. В это же время были созданы и многочисленные органы внесудебного преследования. В годы «Великого перелома» и репрессий 1930-х гг. карательные законы

ужесточались за счет многочисленных подзаконных актов и опробовались в массовых масштабах. Конституция 1936 г. формально сделала шаг от «революционной законности» к «социалистической демократии», но жестокая правовая практика подменила собой основной закон, а начавшаяся война отодвинула на дальний план разговоры о демократии. В начале 1930-х гг. в сельском хозяйстве, в 1939-1940 гг. – в промышленности утвердилось репрессивное трудовое законодательство. Сложилась система казарменной экономики, основанная на принудительном труде. С одной стороны, заключенные и спецпереселенцы стали серьезной хозяйственной силой, использование которой планировалось в масштабах страны. С другой, гражданское производство стало все более похожим на лагерь, а вольнонаемные рабочие – на заключенных. Срыв производственных планов в 1940-е гг. рассматривался как «контрреволюционное деяние», его виновники наказывались НКВД. Дела о «контрреволюционных высказываниях» еще с 1938 г. рассматривались в военных трибуналах. Война и победа принесли лишь эпизодические послабления в репрессиях, вызванные неуверенностью «власть предержащих». После того, как испуг миновал, кнут снова обрушился на плечи народа. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. репрессии достигли нового апогея – лагеря и спецпоселения переполнились так, как не было даже в 1937-1938 гг. Принцип «презумпции невиновности» был перенесен с отдельных врагов и классов общества на целые народы, военный плен и угон в фашистскую неволю объявлены государственной изменой, появились каторга и вечная ссылка.

В развитии репрессивного законодательства видны своя логика, прагматический просчет. Сталин и его единомышленники стремились достичь состояния полного управления народом на пути к «великой цели». Перековка идеологического, политического и правового сознания народа шла долго и планомерно. Секретность и подзаконность большинства законодательных актов говорят о продуманности идеологической политики, о сильном сопротивлении россиян развитию репрессивного законодательства. Отсюда принцип исполнительной власти – человек должен как можно меньше знать о своих правах. Многие правовые акты хранились в тайне даже в 1950-х гг., в эпоху «оттепели».

Постепенно Сталину удалось добиться воплощения своих представлений о социализме в жизнь и манипулировать действиями огромных масс людей. Эта система доказала свою эффективность в годы индустриализации и в ходе Великой Отечественной войны. Однако, в конечном итоге, социализма зашел в тупик. Страна превратилась в единый лагерь с низкой производительностью труда и ослабевающей дисциплиной.

Глава 3 Лишение избирательных прав

1. Механизм ограничения прав граждан в ходе избирательных кампаний 1920-х гг.

В апреле 1918 г. Ленин сформулировал идею ограничения избирательных прав: «Избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается»¹⁵⁹. В Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г., впервые определялись категории граждан (ст. 65), которые не могли избирать или быть избранными. Ленин в «Проекте Программы РКП(б)» 1919 г. разъяснил и обосновал данный процесс, соотнеся его только с эксплуататорами, пытающимися сохранить капиталистические отношения. В ст. 7 Конституции 1918 г. декларировалось, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти», а в ст. 65 перечислялись категории лишенцев: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли»; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными, или (и) умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором». Более того, Конституция в ст. 23 безбрежно расширяла возможности практики лишения избирательного права: «...руководствуясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции»¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. Соч. Т. 36. С. 203.

¹⁶⁰ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. 20 июля. № 51. Отдел первый. С. 600, 602, 607.

Вслед за Конституцией 1918 г. последовали инструкции, разъяснявшие механизм реализации норм о лишении избирательного права. В Инструкции 1919 г. фиксировалось: «Кулаки и контрреволюционеры лишены... избирательного права»¹⁶¹. По мере усиления сопротивления со стороны представителей небольшевистских партий, в том числе социалистической направленности, и их внесли в кадастр контрреволюционеров и классово-чуждых элементов. После окончания гражданской войны продолжалась практика массового лишения избирательных прав тех, кто стоял в открытой оппозиции или проявлял скрытое недовольство мероприятиями советской власти.

Политика лишения гражданских прав в те годы развивалась на основе логики революционной «законности» – наказывали тех, на кого указывала стрелка компаса пролетарской бдительности. Дело вершилось быстро, решительно, без «мелкобуржуазных колебаний». Например, под действие декрета «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей», принятого в 1921 г., подходили и «лица, выехавшие из России после ноября 1917 г. без разрешения советской власти»¹⁶².

Инструкция 1921 г. в перечислении категорий лиц, лишенных избирательного права, дополнила ст. 65 Конституции СССР. В пункт «д» включила членов «карательных отрядов белогвардейской милиции», внесла новый пункт «з» «лица, возвратившиеся от белых и не приобретшие гражданства»¹⁶³. В УК РСФСР 1922 г. (ст. 40) разъяснялось, в чем может заключаться поражение прав: «в лишении на срок не выше пяти лет активного и пассивного избирательного права; активного и пассивного избирательного права в профессиональные и другие организации; права занимать ответственную должность, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем и опекуном»¹⁶⁴. В этом же году декрет ВЦИК призвал к высылке «деятели антисоветских политических партий» и узаконил административную ссылку с максимальным сроком в три года¹⁶⁵.

¹⁶¹ Инструкция о порядке перевыборов волостных и сельских советов депутатов. М. 1919. С. 4.

¹⁶² Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952. М., 1953. С. 114. Следует различать гражданские права, как весь спектр прав, которыми обладают граждане определенного государства; избирательное право, как одно из гражданских прав; право гражданства – принадлежность человека к какому-либо государству, подданство.

¹⁶³ НТФ ГАСО. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 174. Л. 1.

¹⁶⁴ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952. С. 121.

¹⁶⁵ Там же. С. 149.

Заверения большевиков о временности ограничительных мер в области гражданских прав к середине 1920-х гг. становились все более редкими, усиливалась формальная регламентация в вопросе о лишении избирательного права, расширялся контингент лишенцев. В период в 1922 по 1931 гг. неизменным атрибутом советской жизни была ежегодная избирательная кампания. С созданием СССР и принятием Конституции 1924 г. численность лишенцев значительно увеличилась. К ним были отнесены не только использовавшие наемный труд или живущие на нетрудовой доход ныне, но и те, кто был таковым до революции. Это положение было распространено на духовенство и членов семей всех указанных категорий. Группа «д» Конституции 1918 г. дополнилась «лицами, прямо или косвенно руководившими» органами государственного аппарата при царе. С 1924 г. мотивом к лишению избирательного права стала «нелояльность по отношению к советской власти»¹⁶⁶. В начале 1920-х гг. избирательные комиссии начали составлять ежегодные «Списки лиц, не имеющих права избирать и быть избранными...» и тиражировать их для ознакомления населения избирательных округов.

В пределах Тагильского округа первый такой список был составлен в октябре 1924 г. и включил в себя 156 чел. (жителей Нижнего Тагила). В списке зафиксированы следующие данные о лишенцах: возраст, время рождения, сведения о занятиях до февральской революции и в 1924 г., причины отстранения от выборов. В примечании к списку указано: «Жены и дети свыше 18 лет, живущие на полном иждивении отца, лишенного избирательного права и не связанные ни с какими партийными, советскими и профессиональными организациями в порядке ст. 65 Конституции СССР, «быть избранными и избирать» в обоих случаях права не имеют»¹⁶⁷. Чуть позже, в дополнении к этому списку зафиксировано еще 68 лишенцев. Сравнительный анализ отпечатанных типографским способом списков 1924, 1926 и 1936 гг. позволяет сделать некоторые выводы. Из лишенцев 1924-1936 гг. так и не имели права голоса 50 чел., 18 – по 1926 г., а 88, видимо, были восстановлены в правах в 1925-1926 гг.

¹⁶⁶ Добкин А. И. Лишенцы: 1918-1936 // Звенья. Исторический альманах. М., 1992. Вып. 2. С. 603-604.

¹⁶⁷ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1858. Ст. 65 Конституции СССР соответствовала ст. 69 Конституции РСФСР.

Одной из наиболее крупных категорий лиц, лишенных права голоса, были крестьяне. Они обычно наказывались за использование наемного труда, часто за нетрудовые доходы, торговлю. Инструкция 1925 г. рассматривала всех крестьян в целом, отдельно – кустарей и ремесленников. Она намного расширила круг лишенцев, так как лишались избирательных прав не только главы крестьянских дворов, но и материально зависящие от них члены семей.

В связи с наличием множества разъяснительных инструкций о порядке лишения права голоса, расплывчатостью формулировок в них, на местах наблюдался большой произвол в действиях. Поэтому инструкция ЦИК СССР от 16 января 1925 г. потребовала «в недельный срок» привести местные документы в соответствие с центральными. В Инструкции от 4 ноября 1926 г. ВЦИК России подчеркнул, что «лишение избирательных прав лиц, не подпадающих под действие ст. 69 Конституции РСФСР и ст. 14, 15 Инструкции, постановлениями местных органов власти – не допускается»¹⁶⁸. Инструкция 1926 г. значительно конкретизировала основания для лишения избирательных прав. В ней говорилось, что таких прав лишаются: «Бывшие министры, их товарищи, директора департаментов, генерал-губернаторы, главноначальствующие при чрезвычайной охране, военные и гражданские губернаторы, вице-губернаторы, губернские и уездные предводители дворянства, чиновники для особых поручений, старшие председатели и члены уголовных департаментов, а также прокуроры судебных палат, следователи по важнейшим делам, председатели, члены, прокуроры и помощники прокуроров и следователи военных судов всех наименований, председатели и члены следственных комиссий, действовавших на территории, занятой белыми контрреволюционными правительствами, члены губернских правлений, земские, крестьянские и уездные начальники, исправники, чины министерства внутренних дел и все служащие тюремного ведомства»¹⁶⁹. Инструкция ВЦИК от 4 ноября 1926 г. разрешила пользоваться избирательными правами тем бывшим офицерам и чиновникам белых армий, которые зарекомендовали себя активным участием в вооруженной защите советских республик¹⁷⁰. Применительно к крестьянам Инструкция трактовала, что к лишенцам относятся земледель-

¹⁶⁸ Добкин А. И. Указ. соч. С. 604.

¹⁶⁹ К перевыборам советов. М., 1927. С. 60.

¹⁷⁰ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1825. Л. 199.

цы, нанимающие более двух сезонных рабочих для уборки урожая или хотя бы одного постоянного рабочего без особых обстоятельств (болезнь, мобилизация и т. п.), или более одного постоянного рабочего при таких обстоятельствах¹⁷¹.

С принятием Конституции СССР 1924 г. и РСФСР 1925 г. и систематизацией процесса лишения избирательных прав установился правовой порядок. Местные избирательные комиссии в промежутке между выборами составляли списки лишенцев, используя при этом документы исполкомов, архивов, ГПУ, финорганов. Не гнушались и частными доносами, которые, правда, со второй половины 1920-х гг. обязательно должны были подтверждаться официальными органами. Списки лишенцев вывешивались на видных местах перед выборами. Учет лишенцев возложили на административные отделы исполкомов, а после 1930 г. – специальные органы по делам лишенных избирательных прав. Упорядочилась и разъяснительная работа. Уральская Областная избирательная комиссия 22 декабря 1926 г. разослала всем райизбиркомам сводку-разъяснение по отдельным вопросам избирательного законодательства, где подробно анализировались наиболее спорные положения Инструкции от 4 ноября 1926 г. Пояснялось, в частности, что не лишаются избирательных прав члены семей низших служащих (городовых стражников, жандармских унтер-офицеров и урядников), «арендаторы и владельцы мельниц, крупорушек и просорушек», не пользующиеся наемным трудом. В сводке конкретизировалось, что могут быть восстановлены в избирательных правах крестьяне и кустари, ранее, но не сейчас, пользовавшиеся наемным трудом; подчеркивалось, что продажа кустарями и ремесленниками продуктов своего труда не может служить основанием для лишения избирательных прав. Особо отмечалось, что все спорные случаи восстановления в правах лишенцев должны решаться только по согласованию с центром¹⁷².

Наиболее массовым процесс лишения избирательных прав стал после 26 ноября 1926 г., когда был принят Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов Советов». В главах 2-3 декрета

¹⁷¹ СУ РСФСР. Отд. 1. 1926. № 75. Ст. 577.

¹⁷² НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1825. Л. 189-191.

определялся порядок лишения и восстановления в избирательных правах.

К составлению очередного списка лишенцев на 1926 г. в Нижнетагильском горсовете подошли особо тщательно (см.: Приложение 1 к главе 3. Ч. 2. Приложения). В типографском виде он включал в себя 559 фамилий, однако наряду с этим, итоговым, существовало шесть объемных списков, написанных от руки или отпечатанных на машинке, а также 20 небольших списков. Были списки, превышавшие по числу лишенцев типографский вариант – один – на 584 чел., другой – на 606 чел.¹⁷³

По списку 1927 г. в Нижнем Тагиле лишили права голоса 530 чел., по Уральской области – 67644 чел. (в 1926 г. – 21255 чел.)¹⁷⁴. Применительно к Уралу наибольшее число «лишенцев» дали зауральские округа (Троицкий, Челябинский, Курганский, Ишимский) и наименьшее – горнозаводские промышленные округа. Процент устранения от выборов в расчете на 1 тыс. чел. в городах Урала выглядел так: Нижний Тагил – 2,7 %, Златоуст – 4,2 %, Свердловск – 6,4 %, Челябинск – 6,4 %, Тюмень – 8 %, Курган – 9,8 %, Тобольск – 10,8 %, Пермь – 11,1%, Ирбит – 12,4 %, Троиц – 15%¹⁷⁵. По отдельным группам лишенцы распределялись следующим образом: а) члены семей, находящихся на иждивении лишенных избирательных прав – 34,9 % к общему числу лишенцев; б) частные торговцы и торговые посредники – 19,9 %; в) лица, прибежавшие и прибегающие к наемному труду в целях извлечения прибыли – 23,6 %; г) служители религиозных культов – 10,1 %; д) лица, подпадающие под действие пунктов «к» и «л» инструкции ВЦИК о пере выборах, – 9,8 %; е) осужденные по суду – 6,2 %; остальные группы – от 2,4 до 3,7 %¹⁷⁶.

Постановление ВЦИК от 28 февраля 1927 г. разрешило восстановление в избирательных правах бывших офицеров белой армии, хотя и не служивших в Красной Армии, но работавших впоследствии в советских учреждениях и организациях и состоящих в профсоюзе. Такие решения были даны на откуп местным властям, и на деле главным фактором в рассмотрении конкретных дел была лояльность лишенца к советской власти. Правящий режим методично, как законными, так и произвольными способами, расправлялся с бывшими

¹⁷³ Там же. Д. 1858; Д. 1825. Л. 2, 7, 8, 9, 14-16, 57-62, 232-240; и др.

¹⁷⁴ Там же. Д. 1826. Л. 19; Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 430. Л. 238.

¹⁷⁵ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 430. Л. 256.

¹⁷⁶ Там же. Л. 238об.

белогвардейцами. В результате около половины заявлений в Уральскую областную избирательную комиссию было возвращено с отказом о восстановлении в избирательных правах¹⁷⁷.

Бдительность советской власти по отношению к «классово-чуждому элементу» нарастала, все скрупулезнее проводилась работа по выявлению кандидатур в списки лишенцев, каралось по ст. 91 Конституции РСФСР присутствие лишенца на избирательном совещании и «незаконное» участие в выборах, сообщение о себе неверных сведений в избирательную комиссию. В инструкции Нижнетагильской избирательной комиссии по перевыборам в сельские, волостные, городские, фабрично-заводские и приисковые советы указывалось, что «сельские избирательные комиссии при выборах должны строго руководствоваться Советской конституцией..., наблюдая за тем, чтобы голосовали только те, кто имеет на это право... и не допуская к выборам кулаков, торговцев, контрреволюционеров и др.»¹⁷⁸

2. Построение «основ социализма» и лишенцы. 1929-1936 гг.

При проведении перевыборов Тагильского горсовета в 1928/1929 гг. количество лиц, лишенных избирательных прав, по сравнению с 1926/1927 гг., увеличилось на 69,4 %. Во время самой перевыборной кампании дополнительно выявили и лишили избирательных прав 81 человека. С увеличением количества лишенцев росла подача жалоб о восстановлении в избирательных правах. В 1928 г. в Нижнетагильский горизбирком поступила 81 жалоба и ходатайство, из которых 17 было удовлетворено, отказали в 53 случаях, в 11 – затребовали дополнительные документы¹⁷⁹. Применительно к масштабам республики в 1925/1926 гг. через ВЦИК СССР прошло 469 жалоб и заявлений, в 1929 г. – уже 35,5 тыс. заявлений о восстановлении в избирательных правах¹⁸⁰.

Накануне 1929 г. подводилась черта в борьбе против нэпа, намечались жертвы-лишенцы в соответствии со стратегией

¹⁷⁷ Меркулова Т. Л. О восстановлении в избирательных правах бывших белогвардейцев // История России по материалам массовых источников. Тез. докл. Екатеринбург, 1995. С. 31.

¹⁷⁸ НТФ ГАСО. Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

¹⁷⁹ Там же. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1826. Л. 19, 22.

¹⁸⁰ Добкин А. И. Указ соч. С. 607.

индустриализации, коллективизации и культурной революции. В 1929 г. процесс лишения избирательных прав тесно вплелся в систему репрессивных мер, связанных с коллективизацией и ликвидацией крестьянства как экономически самостоятельного класса. В постановлении СНК СССР от 21 мая 1929 г. лица, лишённые избирательных прав за систематическое применение наемного труда в сельском хозяйстве или на предприятии, в промысле, официально назывались кулаками. В Нижнем Тагиле горизбирком в 1929 г. составил пять списков лишенцев, в каждом из которых насчитывалось примерно 200 чел. Число лишенцев в Нижнетагильском округе достаточно точно показывает докладная записка «Характеристика хода и итогов перевыборов низового соваппарата Тагильского округа» в окружной исполком от 30 марта 1929 г. (табл. 1).

Таблица 1

Лишение избирательного права в 1928/1929 гг., по сравнению с 1926/1927 гг.

Категория лишенцев, абс.	Год		Увеличение	
	1926/1927	1928/1929	В абс.	В %
Частные торговцы	1303	1567	246	18,9
Служащие и агенты полиции	585	750	165	28,2
Служители религиозного культа	489	640	151	30,9
Лица, прибегающие к наемному труду	344	441	97	28,2
Пораженные в правах по суду	295	316	21	7,1
Живущие на нетрудовые доходы	247	275	28	11,3
Умалишенные	76	128	52	68,4
Члены семей, материально зависимые от лишенцев	965	1163	198	20,5
Всего	4304	5780	1476	34,3

Источник: НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 811. Л. 35.

Кроме того, в своде были подсчитаны «враги народа», проникшие в Советы нового созыва (табл. 2).

Таблица 2

«Засоренность» нового аппарата советов

Районы	Антисоветского элемента	Белобандитов	Бывших торговцев	Служителей религиозного культа	Бывших служителей религиозного культа	Зажиточных и кулаков	Ставленников кулаков	Прочих скомпрометированных	Всего
Наеждинский	9	3	3	-	-	3	4	13	35
Нижнетуринский	1	4	-	-	-	1	2	5	13
Алапаевский	5	-	-	-	-	16	-	-	21
Махневский	3	2	-	-	-	3	3	1	12
Сосьвинский	3	1	-	-	-	-	-	3	7
Ивдельский	27	-	-	-	-	-	7	18	52
Нижнесалдинский	10	5	-	-	-	-	1	7	23
Петрокаменский	23	3	-	-	-	-	8	6	40
Верхотурский	1	3	1	-	1	1	1	2	10
Пригородный	-	1	2	1	-	-	1	1	6
К.-Серебрянский	3	10	-	-	-	6	6	5	30
Лялинский	1	1	-	-	1	-	-	2	5
Всего	86	33	6	1	2	30	33	63	254

Источник: НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 811. Л. 35.

Лишенцы, помимо устранения от выборов, не имели права быть членами профсоюзов и занимать должности в органах власти. Не быть членом профсоюза означало: не иметь работы, доступа к покупке продуктов по заборным книжкам кооперативов, обслуживанию в предприятиях общественного питания. Кроме того, советская власть продолжала политику ограничения гражданских прав принятием новых законов и постановлений. Законодательство Российской республики угрожало верующим и церкви, карая принудительными работами, ликвидацией и конфискацией имущества те религиозные и церковные организации, которые рискнули присвоить себе права «юридических лиц»¹⁸¹. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. в перечень поражения гражданских прав были внесены дополнения: «право носить почетное звание» и «родительские права»¹⁸². В 1930 г. этот кадастр пополнился положением о лишении «права на пенсии, выдаваемые в порядке социального страхования и государственного обеспечения, и на пособие по безработице, выдаваемое в порядке социального страхования»¹⁸³. Стоит ли говорить о том, что даже это отнюдь негуманное законодательство повсеместно нарушалось в сторону ужесточения мер против любого проявления инакомыслия.

Почти все ограничения в правах, относящиеся к сфере уголовного законодательства, имели прямую связь с политикой. Десятки тысяч граждан России, а затем СССР, лишались гражданских прав на многие годы за то, что представляли потенциальную угрозу власти. В 1929-1930 гг. прошла новая волна лишения избирательных прав. Динамика этого процесса в Нижнем Тагиле в 1928-1936 гг. выглядит следующим образом (табл. 3):

¹⁸¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952. С. 131.

¹⁸² Там же. С. 245.

¹⁸³ Там же.

Таблица 2

Лишение избирательного права в Нижнем Тагиле 1928-1936 гг.

Права	Год								
	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936 (до 5 декабря)
Отняты	817	9	515	55	71	7	714	29	93
Возвращены	-	5	79	60	35	3	77	65	83

Источник: НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1858, 1826, 1865 и др.

Из общего списка в 1821 чел. к 5 декабря 1936 г. права были возвращены 407 (22,4 %).

Комплектование новых списков лишенцев происходило теперь в основном за счет крестьянского, «кулацкого» элемента, увеличилось число внесенных в списки торговцев, появилась новая и весьма значительная категория «кустари, ремесленники и старатели». Неуклонно возрастало число лишенцев из «служителей религиозного культа» – свидетельство политики воинствующего безбожия и культурной революции. Тактика «текущего момента» решила сразу несколько задач: выкачивание у населения средств для финансирования индустриализации (за счет ограбления крестьян, конфискации имущества торговцев, предпринимателей, кустарей, ремесленников, выбивания золота у старателей); обеспечение возводимых объектов рабочей силой за счет кулаков-спецпереселенцев; подавление любого протеста в деревне.

Лишенцев, используемых в качестве дешевой рабочей силы на промышленных объектах Нижнего Тагила, привозили сюда в эшелонах. Среди них были: раскулаченные, мобилизованные в трудармию (тыловое ополчение), вербованные под угрозой раскулачивания ОГПУ-НКВД, административно-ссылные и др. По материалам областного архива, в Свердловской области насчитывалось около 30 тыс. лишенных избирательных прав, в Нижнем Тагиле – 1821 чел. (список по городу 1936 г.)¹⁸⁴. Однако это не

¹⁸⁴ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1.

полные данные. Основная масса вновь образующегося населения города была представлена жителями сел и деревень Уральской области. В целом же география происхождения лишенцев весьма обширна. Рассмотрим выборку из 514 человек. Из различных районов Урала прибыли 365 чел., из Сибири – 28, европейской части СССР – 47, из Казахстана и Алтая – 5, из Башкирии и Татарии – 18, Удмуртии и Чувашии – 6, из Москвы и Московской области – 4, с Украины – 9, из Белоруссии – 3, с Дальнего Востока, из Латвии, с Кавказа и других мест – 29 чел.¹⁸⁵

В 1930 г., согласно Инструкции ВЦИК от 20 октября этого же года дело ведения списков лишенцев было передано в административные отделы исполкомов, которые обязывали завести личное дело на каждого лишенного избирательных прав. К пополнению списков активно прикладывали руки опергруппы полномочного представительства ОГПУ по Уралу. Административный отдел Нижнетагильского горсовета опубликовал грозное объявление: «Доводится до сведения всех лиц, лишенных избирательных прав, проживающих в г. Нижнем Тагиле и вновь прибывших в период 1930 г. из других местностей, что таковые обязаны с 13 по 19 ноября включительно зарегистрироваться в городском административном отделе. Лица, не зарегистрировавшиеся в указанный выше срок, и скрывшие, что они лишены права голоса, согласно ст. 69 Конституции РСФСР и принимавшие участие в отчетно-перевыборной кампании, подлежат уголовной ответственности по ст. 91 УК»¹⁸⁶. НКВД РСФСР и Административное управление Уральского областного исполнительного комитета в циркуляре № 47 напоминали: «Административные отделы должны помнить, что лишение избирательных прав – это политическая смерть гражданина со всеми вытекающими отсюда последствиями...»¹⁸⁷

Учитывая суровость принятых мер, власти пытались несколько смягчить и упорядочить практику лишения избирательных прав. В марте 1930 г. ЦИК СССР постановил: «Разъяснить, что дети лиц, лишенных избирательных прав, достигшие совершеннолетия с 1925 г. и лишенные

¹⁸⁵ Там же. Д. 1-1821.

¹⁸⁶ Там же. Д. 1823. Без л.

¹⁸⁷ Там же.

избирательных прав только потому, что они в прошлом находились на иждивении этих лиц, должны быть восстановлены в избирательных правах, если они в настоящее время занимаются общественно-полезным трудом». Получили избирательные права и те, кто имел доход от вкладов в сберкассы и процентов от госзаймов¹⁸⁸.

В циркуляре № 47 под грифом «НКВД РСФСР Административное Управление Уралоблисполкома» сообщалось о недопустимости «перегибов» на почве лишения избирательных прав, приводились примеры незаконных действий. В частности, отмечалось: «Были массовые случаи лишения избирательных прав середняков и даже бедняков по всякого рода поводам. Достаточно середняку иметь сельскохозяйственную машину, которой он обрабатывает свою землю, его лишали избирательных прав, лишали середняков, которые выступали с критикой тех или иных мероприятий местных органов власти, как «антисоветский элемент». Лишали избирательных прав, сводя личные счеты. В материалах Облисполкома есть заявление одного середняка, которого лишили избирательных прав в результате того, что он вызвал на социалистическое соревнование по сдаче излишков хлеба члена сельского совета. Вынужденный принять вызов и вывезти хлеб этот член совета, затаив злобу, добился лишения вызвавшего избирательных прав. Примеров, подобных вышеуказанным, можно привести много¹⁸⁹.

В целях пресечения произвола при исполкомах были созданы комиссии по проверке дел лишенцев и раскритикованы случаи личной мести. Однако, в реальности с начала 1930-х гг. положение лишенцев становится хуже. В ходе начавшейся индустриализации-военизации промышленности директора большинства предприятий Нижнего Тагила обращались с массовыми запросами в комиссии по делам избирательных прав с целью предоставления социально-политических характеристик на рабочих и служащих, военкоматы проверяли на предмет «классово-чуждого элемента» призывников (см.: Приложения 9, 11, 12 к главе 3. Ч. 2. Приложения).

¹⁸⁸ Добкин А. И. Указ. соч. С. 604-605.

¹⁸⁹ НТФ ГАСО. Ф, Р-70. Оп. 1. Д. 1823. Без л.

Поток обращений в избирательные комиссии, многочисленные вопиющие случаи нарушения гражданских прав и протесты россиян заставляли власти делать новые формально-правовые шаги. 30 октября 1931 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О запрещении государственным учреждениям и организациям требовать от граждан представления справок о наличии избирательных прав» (в случае прописки на жительство, взятия на учет органами труда, поступления в учебные заведения и т. п.)¹⁹⁰.

Однако пункт 3 постановления гласил: «Предложить прокурору республику дать указания своим местным органам о необходимости возбуждения преследования в уголовном порядке в отношении всех лиц, давших ложные сведения о наличии у них избирательных прав и пользующихся в связи с этим правами, им не принадлежащими»¹⁹¹. Появление данного постановления было скорее маскировкой реальной жесткой политики, что подтверждает непрекращающийся поток запросов из учреждений и предприятий по поводу классового происхождения работающих там. Росли пухлые тома справок о социальном происхождении граждан г. Нижнего Тагила и района. Кульминация потока этих пришлась на 1933-1934 гг.

С 1923 г. в материалах горсовета Нижнего Тагила появились списки призывников, «отведенных от допуска» в ряды РККА по классовым и моральным признакам Тагильской городской комиссией содействия призыву (в одном списке 112 чел., в другом – 514 чел.). Комиссией был разработан типовой документ – «Запрос о социально-политической характеристике допризывника», который не подлежал разглашению и использовался все 1930-е гг. Особенно многочисленны были запросы военных организаций и справки о социальном происхождении допризывников в материалах горсовета 1936 г. Вот пример такого документа (в сокращенном виде): «В целях предупреждения проникновения в Воздушные силы РККА социально-чуждых и морально неустойчивых элементов, на основании указаний ЦК ВКП(б) и директивы заместителя начальника Политуправления РККА от января 1935 г. войсковые

¹⁹⁰ Там же. Д. 1844. Л. 38.

¹⁹¹ Там же. Д. 1823. Без л.

части должны вести проверку данных о социально-имущественном положении и происхождении состоящих в РККА военнослужащих и их родственников через соответствующие райсоветы (горсоветы) по месту жительства военнослужащего и его ближайших родственников. Прилагая при сем чистый бланк спецанкеты, прошу Вас путем тщательной проверки вопросов, указанных в данной анкете, заполнить ее подробными ответами на командира Воздушных Сил РККА тов. Баширова Степана Андреевича, заверить анкету Вашей подписью и печатью райсовета (горсовета), после чего спецанкету вернуть мне...» Такова суть типового послания начальника Политотдела войсковой части председателю горсовета¹⁹².

Новым этапом в ухудшении положения лишенцев стал 1933 г., когда были введены паспорта и обязательная прописка в городах. В больших городах лишенцев не прописывали ни при каких условиях, исключения бывали очень редки. В Нижнем Тагиле проблема решалась несколько проще – многие тысячи лишенцев проживали в спецпоселках с запретом перемещаться за их территорию.

Лишенцев не только регистрировали, на них составляли черные досье и периодически переселяли с места на место. Так, в 1933 г. по Нижнему Тагилу был составлен «Список антисоветского контрреволюционного элемента, подлежащих выселению» (*так в подлиннике – В.М.К.*) на 247 чел. (см.: Приложение 7 к главе 3 Ч. 2. Приложения). Все эти люди были лишены избирательных прав по разным основаниям и в разные годы, высланы в ссылку или бежали от нее, и теперь вновь объявлялись «врагами революции», выгонялись из города. Интересен адрес некоторых из выселяемых в Нижнем Тагиле – барак № 15 (болото)¹⁹³. Казалось бы – куда уж дальше?

В этом же 1933 г. административные органы снова проявляли «заботу» о лишенцах – появился типовой документ, где четко излагались все пункты обоснования лишения избирательных прав. Уралобком в своих директивах «категорически» обязывал райисполкомы «...организовать быстрое и правильное рассмотрение жалоб трудящихся и повести

¹⁹² Там же. Д. 1876. Л. 269.

¹⁹³ Там же. Д. 1847. Л. 3, Зоб., 4

решительную борьбу с нарушениями революционной законности»¹⁹⁴.

Как уже говорилось выше, преобладающим контингентом лишенцев в 1930 г. стали крестьяне – «кулаки», проживавшие на Урале в спецпоселках и занятые в разных отраслях хозяйства. С 1933 г. и далее начали частично восстанавливать права спецпереселенцев. На основании статьи 41 инструкции ВЦИК о выборах в советы от 1 октября 1934 г. НКВД Нижнего Тагила представило в горизбирком список на 83 поселенца с целью возвращения им права голоса. Согласно постановлению Президиума Свердловского облисполкома от 3 ноября 1934 г. были восстановлены в избирательных правах 901 чел., работавшие в золотоплатиновой промышленности Ивдельского, Исовского, Нижнетагильского и Кабаковского районов (из них по Нижнетагильскому району 134 чел.)¹⁹⁵. В то же время список лишенцев по Нижнему Тагилу возрос с 1934 г. до 1530 чел. и 650 чел. – по сельсоветам района, в 1935 г. в целом по Нижнему Тагилу и району было лишено избирательного права 2304 чел., в 1936 г. список по городу насчитывал 1500 чел.¹⁹⁶

Наиболее подробная и полная инструкция по лишению избирательных прав появилась 2 октября 1934 г. Градация оснований для лишения избирательных прав в период с 1918 по 1934 гг. претерпела значительные изменения. В Конституции РСФСР 1918 г. было восемь общих оснований – «категорий» (например, «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли») и 24 конкретных категории (типа: «частные торговцы, торговые и коммерческие посредники, духовенство, монахи» и т. п.). После выхода в свет инструкций 1919 и 1921 гг. число первых достигло 10, вторых – 29. Конституция СССР 1924 г. и РСФСР 1925 г., инструкции 1925, 1926, 1929, 1930 гг. количество общих оснований увеличили до 12, а конкретных категорий – до 61. Инструкция 1934 г. свела общие основания к трем, зато количество категорий возросло до 72. Кроме того, подробно (в 14 пунктах) разъяснялось, кто может быть лишен избирательных прав¹⁹⁷.

¹⁹⁴ Там же. Д. 1846. Л. 128, 128об., 124.

¹⁹⁵ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1878. Л. 118-125; Д. 1857. Л. 2.

¹⁹⁶ Там же. Д. 1858; Д. 1865; Д. 1866; Д. 1867.

¹⁹⁷ См.: История советской конституции. 1918-1936. М., 1957. С. 685-691.

Первая массовая волна лишения избирательных прав крестьян, связанная с коллективизацией, прошла в 1929-1931 гг. Вторая пришлась на 1933-1934 гг., и достаточно четко выделилось две категории крестьян-лишенцев – раскулаченные и неплательщики налогов. Практически все крестьяне-лишенцы характеризовались властями как «кулаки». Механизм лишения отличался чрезвычайной гибкостью, и в сферу действия инструкции об ограничении в правах попали широкие слои крестьянства. Те хозяйства, которые никак нельзя было назвать кулацкими, облагались заведомо невыполнимым налогом и разорались. Поводом для установления хозяйству твердого задания стало даже родство с раскулаченными. Это дало возможность распространить такой вид репрессий на всю деревню. По замечанию исследователей, «даже вступление в колхоз не было гарантией спокойного существования: до 23 % семей лишенцев, которые в 1930-1931 гг. стали колхозниками, были исключены позднее как враждебные элементы, обложены налогом с последующей конфискацией имущества и лишением прав»¹⁹⁸.

Инструкция от 2 октября 1934 г. несколько смягчила положение крестьян. Согласно пункту «а» этого документа избирательных прав лишались: «Земледельцы, скотоводы, кустари и ремесленники, применяющие наемные труд, сезонный или постоянный, в таком объеме, который расширяет их хозяйство за пределы трудового». Примечание таким образом, объясняло признаки «трудового хозяйства»: «...подсобный характер наемного труда и обязательное участие в повседневной работе наличных трудоспособных членов данного хозяйства»¹⁹⁹.

Анализ архивных материалов административных органов позволил нам представить обобщенную картину процесс лишения избирательных прав в виде табл. 4.

¹⁹⁸ Мазур Л. Н. Крестьяне-лишенцы: реконструкция социального облика по материалам личных дел // История репрессий на Урале в годы советской власти. Тез. науч. конференции. Екатеринбург, 1994. С. 54.

¹⁹⁹ История советской конституции. 1918-1936. С. 686.

Таблица 4

**Динамика лишения избирательных прав по Нижнему Тагилу
в 1924-1936 гг.**

Год состав- ления списка	Категории лишенцев, числитель – абсолютное количество, знаменатель – %								
	Торговцы, предприниматели и их иждивенцы	Служители религиозного культа	Белые офицеры и члены следственных комиссий	Административно- ссылные	Полиция, жандармы, стражники	Лишенные по суду	Кулаки, спецпере- селенцы и члены семей	Кустари, ремесленники, старатели	Умаленные
1924	129/83	13/8	-	-	1/0,6	11/7	-	-	-
Всего 155 чел.									
1926	487/87	25/4	4/0,7	14/2,5	6/1	25/4	-	-	-
Всего 559 чел.									
1928	710/79	51/5,6	17/1,9	23/2,5	42/4,6	51/5,6	1/0,1	-	1/0,1
Всего 898 чел.									
1929- 1936	697/42,4	71/4	93/5,6	38/2	35/2	60/3,6	659/40	99/6	-
Всего 1644 чел.									

Источник: НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1823-1868; Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 430, 811; и др.

Из данных табл. 4 можно сделать некоторые выводы. В течение всего периода существования практики лишения избирательных прав в Нижнем Тагиле наиболее массовым отрядом лишенцев были торговцы, предприниматели и члены их семей; второй по численности группой являлись, до начала коллективизации, служители религиозного культа; третьей – лишенные избирательного права по суду (как по чисто уголовным, так и по политическим мотивам); далее шли – полиция, жандармерия, стражники и белые офицеры, члены следственных комиссий и др.

В 1930-е гг. приоритеты политики поражения в правах заметно изменились. На видное место по количеству лишенцев выдвинулись категории кулаков и спецпереселенцы – более 40 %; кустарей, ремесленников и старателей – 6 %. Внутри каждой группы лишенцев также была заметна определенная динамика – доля торговцев и предпринимателей постепенно снижается (с

83 % в 1924 г. до 42 % в 1929-1936 гг.). То же самое происходило со священнослужителями и лишенцами по суду, а вот «подлинных бывших» – полицейских, жандармов и белых офицеров – выявляют все более скрупулезно: процент первых поднялся от 1924 к 1928 г. с 0,6 % до 4,6 %, в 1930-е гг. поддерживался на уровне 5,6 %; вторых – поднялся с 0 до 5,6 % в 1930-е гг. (см. табл. 4).

Судя по списку 1924 г., репрессии коснулись в большой степени настоящих и бывших торговцев и предпринимателей, менее – членов их семей²⁰⁰. Так, лишенных избирательного права в возрасте до 25 лет насчитывалось всего 5 чел., от 26 до 45 лет – большинство – 72 чел., от 46 до 60 лет – 54 чел., от 61 до 65 – 16 чел. и старше – 8 чел. Вполне очевидно, что из активной жизни исключался наиболее зрелый по возрасту и социальному опыту слой людей. Этот вывод согласуется с мнением А. И. Добкина, который проанализировал списки лишенцев по Ленинграду и Свердловску конца 1920-х гг. Он замечает, что доля родившихся в 1879-1889 гг. среди лишенцев крупных городов составляла около 40 %, что в два раза превышало долю этих возрастов среди взрослого населения города; а удельный вес родившихся в 1890-х гг. – в 1,5 раза. Кроме того, он считает, что процент лишенцев среди «бывших» (чиновников, полицейских, предводителей дворянства, офицеров белых армий) с 1922 по 1925 гг. стремительно рос почти до 30 %, а с 1925 по 1930 г. – упал до 3-4 %²⁰¹. В Нижнем Тагиле эта тенденция не прослеживалась, видимо, по той простой причине, что такого рода представителей «бывших» в провинциальном горнозаводском центре неизмеримо меньше, чем в губернских и столичных городах, а многие из них попадали в категорию административно-выселенных. Следует также заметить, что в период с 1924 по 1930 г. быстро росла среди лишенных избирательных прав численность членов семей, находившихся на иждивении лишенцев. В 1927 г. по Нижнетагильскому округу среди всех лишенных избирательного права членов семей лишенцев – около 35 %. Ситуация несколько изменилась после выхода уже упомянутого нами мартовского (1930 г.) постановления ЦИК СССР. Однако,

²⁰⁰ Следует отметить, что по списку 1924 г. из 113 частных торговцев были таковыми до революции 25, а из 26 эксплуататоров наемного труда – бывших 15 чел.

²⁰¹ Добкин А. И. Указ. соч. С. 605-606.

судя по спискам призывников, отстраненных от набора в РККА, детям лишенцев легче не становилось. Рассматривая «Список лиц, принадлежащих к классово-чуждому элементу и морально разложившихся, не допущенных к призыву в 1933 г. Нижнетагильской городской комиссией содействия призыву» (на 112 чел.), мы видим, что «морально разложившихся» среди них всего 5 чел., а преобладают сыны кулаков – 57 чел., лишенцев – 10 чел., «твердозаданцев» – 9 чел., связанных с чуждым элементом (лишенцами, торговцами, кулаками и др.) – 7 чел. и т. п.²⁰²

Достаточно непросто решается вопрос об общем количестве лишенных избирательных прав с 1924 по 1936 г. Судя по картотеке личных дел лишенцев, хранящихся в архиве, всего лишенных избирательного права по Нижнему Тагилу насчитывалось 1821 чел. Однако дела на них, как известно, были заведены только с 1930 г. и не включили в себя материалы 1924-1929 гг. Исходя из данных официальных таблиц Нижнетагильского горизбиркома, в период с 1928 по 1936 г. права были отняты у 2310 чел., возвращены – 407 чел. В Нижнем Тагиле, по нашим расчетам, за период с 1924 по 1936 г. было лишено избирательных прав чуть более 2300 чел. (что согласуется с цифрами горизбиркома), в районе – более 700 чел., в округе к концу 1920-х гг. – около 6000 чел. Но есть во всех этих расчетах весьма значительный пробел, связанный с численностью раскулаченных-спецпереселенцев в городе, районе и округе. Судя по материалам фонда Нижнетагильской городской инспектуры государственной статистики, спецпереселенцы в городе стали оформляться в статистических сведениях на общих основаниях по линии ЗАГСов только с 1 августа 1935 г. Следовательно до того их и не включали в число лишенцев. Поэтому число лишенцев по Нижнему Тагилу может быть увеличено в десятки раз. Эта проблема, возможно, будет решена только после появления более-менее точной цифры численности спецпереселенцев в Нижнем Тагиле.

Как известно, Конституция 1936 г. формально упразднила рассматриваемый нами репрессивный акт по отношению ко всем гражданам, вне зависимости от их социально-классового

²⁰² НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1840. Л. 49-51.

происхождения²⁰³. На деле же это было иллюзией, мифом, как и вся официальная законодательно-правовая система того времени. Возникшие за годы советской власти основные идеологические, политические, экономические и социальные структуры государства и общества не позволяли воплотить «правильные слова» Конституции в жизнь. Практика лишения избирательных прав, как и другие виды репрессий, нанесла удар по экономически весьма активному слою населения, приведя к его маргинализации. Пострадал последний оплот российской семьи – семьи духовенства и интеллигенции. В результате остались люди сломленные, покорные новой власти. Произошли нравственный надлом общества, смена ценностных установок²⁰⁴. В процессе развития «лишенческого процессе» отработывалась фискальная система – система налогов и доносов. Избирательные комиссии и административные отделы исполкомов приняли активное участие в выявлении «бывших», «социально-чуждых», «эксплуататоров», накопив огромный опыт к моменту репрессий 1930-х гг. Органы ОГПУ-НКВД, горизбиркомы, рабкоры и иные инстанции образовали непроницаемую сеть отлова людей. И, видимо, не случайно, «секретный» документ о запрещении разглашать имена рабкоров был найден нами именно в материалах органов, решавших вопросы лишения избирательных прав. Вот его текст: «...Разглашение должностными лицами имен корреспондентов, а равно содержание записок, передаваемых ими для расследования, является наравне с разглашением не подлежащих оглашению данных дознания следствия или сведений, не подлежащих оглашению, уголовно наказуемым преступлением: виновные привлекаются к ответственности по 104 ст. п. «в» или по 117 ст. УК...» (за подписью председателя Верховного суда РСФСР Стучки)²⁰⁵.

В результате такой длительной подготовки скрыться от возмездия врагам советской власти было просто некуда. «Бывшие», нашедшие для себя «экономические ниши» – места дворников, билетеров, работников железной дороги и т. п. – все время были на учете и поэтому их легко отлавливали в 1937, 1938, 1941 и в

²⁰³ См.: История советской конституции. 1918-1936. С. 769. В дополнение к ст. 139 и в соответствии со ст. 135 Конституции 1936 г., вскоре, 17 марта 1937 г., вышло постановление Президиума ЦИК СССР «О прекращении производством дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности и о ликвидации Центральной комиссии». После этого осталось только две категории лиц, подлежащих лишению избирательных прав: умалишенные и заключенные (см.: История Советской Конституции. 1918-1936. М., 1957).

²⁰⁴ Конкретные примеры этих изменений см.: Книга памяти. Посвящается тагильчанам – жертвам репрессий 1917-1980 гг. С. 28-31.

²⁰⁵ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1830. Без л.

другие годы. Им было суждено до конца жизни находиться под подозрением и контролем. Один из ярких примеров – судьба таких людей с началом Великой Отечественной войны. Осенью 1941 г. на закрытом заседании исполкома Нижнетагильского горсовета принимается постановление «О переселении некоторой части населения из Нижнего Тагила в районы области». В нем говорится: «Переселить из Нижнего Тагила сроком до 5 декабря 8 тыс. чел., не затрагивая рабочих военно-промышленных заводов, предоставив свободную жилплощадь для расселения рабочих танковой промышленности (неквалифицированные рабочие и служащие и работники канцелярского труда), занимающихся частным промыслом и лиц, связанных с сельским хозяйством, имеющих в городе жилплощадь». На 8 декабря 1941 г. комиссией было утверждено к выселению 2183 семьи – 5389 чел., выехало 602 семьи или 1513 чел.²⁰⁶ Заглянув в списки, подготовленные для увольнения их за пределы города, мы обнаруживаем там служивших в белой армии, детей кулаков, репрессированных органами НКВД и т. п. (см.: Приложение 13 к главе 3 Ч. 2. Приложения). Таким образом, за строкой грозного постановления военного времени стоят все те же – бывшие лишенцы.

²⁰⁶ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1879. Л. 1, 4, 7.

Глава 4

Раскулаченные-спецпереселенцы в Тагильском округе

1. Этапы раскулачивания, численность спецпереселенцев и места расселения

Первоначально в планах советской власти переселенческая политика никак не связывалась с раскулачиванием крестьянства. Стихийное переселение крестьян из европейской части России в Сибирь активизировалось в 1920-е гг., что служило основанием для образования Всесоюзного переселенческого комитета (ВПК) при ВЦИКе. В 1925 г. Госплан СССР и ВПК разработали программу решения вопроса переселения на период 1925-1934 гг. Программа предусматривала двухэтапное заселение Уральской области. Однако в конце 1920-х гг. естественный процесс переселения был превращен стараниями преступной власти в гибельную политику спецколонизации,

базирующейся на раскулаченных, переселяемых в малообжитые районы страны в качестве дешевой рабочей силы. Кроме известных решений о раскулачивании, основные направления этой политики были определены в постановлении СНК СССР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области»²⁰⁷. Переселение перешло в ведение ОГПУ.

Начало первому этапу коллективизации-раскулачивания (1927-1929 гг.) положил XV съезд ВКП(б), который предполагал, что преобразование мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективы будет длительным, постепенным процессом. В эти годы «экономическому и полицейскому давлению подвергалась сравнительно небольшая группа населения (3-4 % сельских дворов). На эту относительно зажиточную часть крестьянства была возложена повышенная доля поставок зерна по низким ценам, и, в случае невыполнения этих обязательств, их судили, приговаривая к штрафу в пятикратном размере, полной конфискации имущества и даже к тюремному заключению на 1-3 года»²⁰⁸.

До начала коллективизации и на первом ее этапе наступление на крестьян проводилось путем лишения их избирательных правах. Крестьяне попадали в такие категории инструкций по лишению права голоса, как «лица, прибегающие к наемному труду...», «частные торговцы...», «лица, живущие на нетрудовой доход...», «кустари, ремесленники, старатели». Только в инструкции 1919 г. упоминалась категория «кулаки и контрреволюционеры», потом она исчезла и появилась вновь лишь в инструкции 1934 г. В 1926 г. зафиксирована категория «земледельцы, нанимающиеся более двух сезонных рабочих или одного постоянного...» Поэтому репрессированных крестьян нужно искать среди лишенцев вышеупомянутых категорий, а также осужденных по ст. 60, 61, 62, 107 УК РСФСР 1926 г. и иногда по ст. 58 того же УК.

Постановление СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде» называло кулаками всех лишенных избирательных

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

²⁰⁸ Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. С. 66-67.

прав за использование наемного труда и торговлю²⁰⁹. К концу 1928 г., по мнению Т. И. Славко²¹⁰, согласно критериям этого постановления к «кулацким» в Уральской области можно было отнести только около тысячи крестьянских хозяйств. Под давлением налогового бремени, желая избежать лишения гражданских прав, крестьянство намеренно шло на дробление дворов и семей. В период 1925-1929 гг. число индивидуальных хозяйств на Урале уменьшилось на 80,7 тыс.²¹¹

Эскалация насилия произошла на втором этапе создания «социалистического сельского хозяйства», в начальной стадии сплошной коллективизации – в конце 1929 – 1930 гг. В ноябре Сталин назвал 1929 г. годом «Великого перелома». На конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. он поспешил лично объявить о повороте «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса»²¹². 11 января 1930 г. «Правда» опубликовала передовую статью «Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня». Курс на сплошную коллективизацию окончательно был закреплен постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»²¹³. Планируя борьбу с кулаком, «комиссия Политбюро во главе с Молотовым наметила арестовать около 60 тыс. потенциальных противников (списки составлялись ОГПУ), семьи этих крестьян и еще около 150 тыс. сельских семей ссылались в Северные районы страны, миллион хозяйств (3-4 %) должны были лишиться своего имущества и земли»²¹⁴.

Массовый характер выселение крестьянских семей приняло после публикации постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»²¹⁵. Затем следует секретный приказ № 44/21 ОГПУ от 2 февраля, раскрывающий конкретные задачи ликвидации кулачества²¹⁶, а

²⁰⁹ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932. М., 1989. С. 221-222.

²¹⁰ Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. М., 1995. М. 17-19.

²¹¹ Там же.

²¹² Сталин И. В. Соч. Т. 12. М., 1949. С. 124-125, 169.

²¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984. С. 73.

²¹⁴ См.: Максудов С. Указ. соч. С. 67; Сидоров В. А. Ликвидация в СССР кулачества как класса // Вопросы истории. 1967. № 1. С. 28.

²¹⁵ Собрание Законов Рабоче-крестьянского Правительства Союза ССР. 1930. № 9. С. 105. К этому времени число признаков кулацких хозяйств достигло восьми (систематическое применение наемного труда; использование сельскохозяйственной техники в больших масштабах; сдача внаем сложных сельскохозяйственных машин с механическими двигателями; сдача внаем помещений под жилье или предприятие; занятие торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством, иные нетрудовые доходы; аренда земли, садов и виноградников; эксплуатация населения путем дачи работ на дом при наличии промпредприятия; сдача в аренду этого предприятия).

²¹⁶ Сборник законов и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 107, 108.

Уралобком ВКП(б) 5 февраля в своем постановлении обрисовывает весь план раскулачивания на Урале²¹⁷.

Переход к следующему этапу коллективизации (осень 1930 – 1931 гг.) произошел после короткого затишья, связанного с «ликвидацией перегибов» летом 1930 г. На этом этапе делался упор на окончательное уничтожение крестьянских хозяйств с использованием наемного труда. Именно в это время происходила массовая ссылка раскулаченных крестьян. На данном этапе «кулаков» уже практически не было и выселение касалось третьей категории раскулачиваемых, в которую зачисляли середняков и даже бедняков. Борьба шла с психологией зажиточности, с самой идеей единоличного хозяйства. На первом этапе был сломлен идейный актив деревни, на втором – уничтожали индивидуальные хозяйства вообще. В условиях провала партийного плана коллективизации, массового бегства из колхозов оставалось только практически доказать, что бежать некуда и дорога у крестьян одна – либо в ссылку, либо в колхоз.

Очередная волна раскулачивания поднялась в 1932 г. Она была связана со многими объективными обстоятельствами. Падение сельскохозяйственного производства, вызванное разорением деревни, засухой 1931 г., жестоким голодом зимы и весны 1932 г., заставило крестьян рассчитывать только на себя. Опять начался массовый уход из колхозов в надежде прокормиться за счет индивидуального хозяйства. План по хлебозаготовкам летом 1932 г. был выполнен только на 46 %. Отсюда новая волна репрессий. С середины 1932 г. массовое переселение раскулаченных семей значительно сократилось и «постановлением СНК СССР от 19 мая ОГПУ предлагалось отдельные контрреволюционные элементы в деревне изымать в порядке индивидуального ареста»²¹⁸. На этом этапе власть, опираясь на уцелевшие колхозы, закабалила деревню и выкачала из нее почти все зерно. Такая политика, наряду с неурожаем, привела к массовому голоду и еще большему распространению голодного воровства. В условиях продуктового кризиса партии инициировала закон от 7 августа 1932 г. В 1932 г. по нему осудили 54645 чел.²¹⁹ Преследование крестьянства и массовая ссылка продолжились. Голод 1933 г. нанес деревне страшный урон,

²¹⁷ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 19-21.

²¹⁸ Сапожников А. Г. К вопросу о размещении и условиях жизни спецпереселенцев на Урале в начале 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 89.

²¹⁹ Правда. 1988. 26 августа.

тяжелое положение с продовольствием сохранялось вплоть до урожайного 1937 г.

8 мая 1933 г. Молотов и Сталин подписали «Инструкцию всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры». Ключевым моментом в ее содержании являлась фраза: «ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях»²²⁰. ЦК ВКП(б) и СНК было постановлено: прекратить массовые выселения крестьян, упорядочить производство арестов и разгрузить места заключения, снизив число заключенных с 800 до 400 тыс. чел. Однако даже в той «эпохальной» инструкции двойная мораль вождей проявилась вполне очевидно. В пункте 1 постановляющей части говорилось: «Выселение допустить... в следующих предельных количествах: ...12 тыс. хозяйств»²²¹.

Новый этап в жизни спецпереселенцев – 1934-1936 гг. Начиная с 1933 г. раскулаченных начали частично восстанавливать в правах, отличившиеся в труде и покорности начальству освобождались от спецпоселения. 24 мая 1934 г. вышло постановление ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков». Как отмечается А. Э. Беделем и Т. И. Славко: «В этот период восстанавливались, прежде всего, те, кто перевыполнял производственные задания, являлся ударником, подписался на заем и состоял в группе содействия борьбе с бегством спецпереселенцев»²²². Появился новый термин для крестьян, насильственно сорванных с родных мест, – «трудпоселенцы». Дискриминация против них стала более завуалированной. Надежным средством закрепощения были теперь «дубликат бесценного груза» – паспорт и трудовая книжка. Формы переселенческой политики смягчились – теперь это называлось «вербовкой вольнонаемной рабочей силы». Конституция 1936 г. формально вернула раскулаченным полноправие – избирательные права. Фактически бесправие и недоверие к этой категории советских граждан сохранялись на многие годы и не раз приводили к рецидивам репрессий. Так, в июне 1937 г. Сталиным был утвержден приказ НКВД «Об

²²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 149, 149об.

²²¹ Там же. Л. 58об.

²²² Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале (1930-1936 гг.). Сб. док. Екатеринбург, 1993. С. 26.

операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», по которому предусматривалась скоротечная (4 мес.) кампания арестов, устанавливался их план по республикам и областям, отпускались средства на создание новых лагерей. В Свердловской области предполагалось арестовать 10 тыс. чел., в Челябинской – 6 тыс.²²³

Процесс возвращения прав «бывшим кулакам» был долгим и мучительным. Окончательно эта категория исчезла из отчетов МВД СССР только к 1935 г.²²⁴

Наряду с общими закономерностями развития политики и практики спецпереселения по стране существовали специфические характеристики этого процесса на Урале. Уральская область в конце 1920-х гг. включала в себя территорию нынешних Свердловской, Пермской, Челябинской, Тюменской, Курганской областей, частично Башкирии и Удмуртии. Территория была гигантской – 1757329 км², а население невелико – в 1926 г. только 6,8 млн. чел.²²⁵ Поэтому Урал стал одним из главных районов спецсылки, перед которой ставилась специфическая задача – колонизация Северного Урала и Тобольского Севера.

В 1930-1931 гг. по СССР было отправлено на спецпоселение 381026 семей общей численностью 1803392 чел. На Урал фактически выселили 128233 семьи (по плану – 123547 семей с число 571355 чел.)²²⁶. Спецпереселенцы на Урале размещались преимущественно в северных районах области. Их основная масса была закреплена за леспромпхозами, другая значительная часть – за промышленными организациями и третья, меньшая, направлена на сельхозколонизацию²²⁷. Таким образом, решались проблемы массовой заготовки древесины, разработки рудных и иных богатств Урала и ускоренного строительства целого ряда промышленных центров в наиболее безопасном (в военном отношении) и богатом сырьевом регионе СССР.

В целях более глубокого изучения процесса раскулачивания-спецсылки сосредоточим внимание на одном из наиболее крупных округов Урала – Тагильском. В состав Тагильского ок-

²²³ История России. 1917-1940. Хрестоматия. Екатеринбург, 1993. С. 294-300.

²²⁴ Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 35.

²²⁵ Итоги десятилетия советской власти в цифрах. 1917-1927. М., 1928. С. 38, 39.

²²⁶ См.: Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3; Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. С. 72; История России. 1917-1940. Хрестоматия. С. 262.

²²⁷ Плотников И. Е. Условия жизни ссыльнопоселенцев на Урале в начале 30-х годов // История репрессий на Урале в годы советской власти. Екатеринбург, 1994. С. 70.

руга входили: города Алапаевск, Верхотурье, Кушва, Надеждинск, Нижний Тагил; 16 районов: Алапаевский, Верхотурский, Висимо-Шайтанский, Гаринский, Ивдельский, Кушвинский, Кыновский, Кытлымский, Махневский, Надеждинский, Нижнетуринский, Новолялинский, Петрокаменский, Салдинский, Сосьвинский, Тагильский, Пригородный; 35 городских поселений и 1393 сельских совета²²⁸. И хотя округ существовал с 1924 по 1930 г., как единое социально-экономическое целое он сохранился в 1930-1940-х гг. и далее. По данным переписи 1926 г. территория округа составляла 111228 км² с населением 387832 чел. (сельского – 213356 чел., городского – 174476 чел.), из них в Нижнем Тагиле – 38908 чел.²²⁹

С началом политики ускоренной индустриализации на крестьянство Урала, Тагильского округа, в частности, было возложено непосильное налоговое бремя. Уже в 1927 г. власти ввели новый сельхозналог и финансовые кары за его невыполнение, что мгновенно привело к появлению недоимок среди крестьян. Поэтому 28 декабря 1927 г. вышел совместный циркуляр Уральского областного суда и областной прокуратуры, в котором подчеркивалась необходимость взыскания налога с неплательщиков податей. В результате целого ряда драконовских мер в жертву индустриализации была принесена основная хозяйственная ячейка российской деревни – единоличное крестьянское хозяйство. В инструкции областного суда особо подчеркивалась необходимость применения статей 60 и 62 УК РСФСР, в которых в отношении кулаков предусматривалось длительное лишение свободы с конфискацией имущества. В Тагильском округе нашла широкое применение и статья 61, которая предписывала репрессии за «отказ от выполнения повинности или производства работ, имеющих общегосударственное значение»²³⁰.

7 ноября 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о налоге-самообложении, который вначале составлял 35 % от суммы сельхозналога, а затем, по произволу местных властей, был повсеместно увеличен. По подсчетам А. Базарова, «в течение 1927/28 сельскохозяйственного года из крестьянства

²²⁸ См.: НТФ ГАСО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 12. Л. 57-58; Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 261. Л. 1, 18; Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 70; Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 51. Л. 49.

²²⁹ См.: НТФ ГАСО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 51. Л. 49.

²³⁰ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1927-1952 гг. М., 1953. С. 296.

Уральской области было выкачано по различным видам финансовых платежей без товарного эквивалента 56,7 млн. руб.²³¹

В связи с кризисом хлебозаготовок в 1927-1928 гг. власти стали активно применять статью 107 о спекуляции. Это выразилось в массовых репрессиях против представителей бедняцко-средняцких слоев деревни, наказываемых за отказ сдавать «излишки» продовольствия весной. На север потянулись первые обозы со ссыльными крестьянскими семьями. Когда хлебозаготовительная кампания 1927/1928 г. закончилась и начался частичный пересмотр пострадавших по статье 107, жертвы исчислялись по Уралу тысячами.

С новой кампанией хлебозаготовок следующего 1928/29 г. добавились новые налоги, усилилась репрессивная политика. В 1929 г. сельхозналог увеличился в два раза, было введено и дополнительное самообложение в размере 25 % от основной суммы налога. За сопротивление властям при хлебозаготовках по статье 61 УК предусматривался срок в два года лишения свободы с конфискацией имущества. Штраф за невыполнение в срок государственных платежей к 1930 г. составлял 300 руб. в год при максимуме 1600 руб., что в переводе на сельскохозяйственную продукцию означало сдачу 32 тонн хлеба или 6,5 тонн мяса. Фактически это обрекало наказуемых на осуждение с конфискацией имущества и высылку.

В 1929 г. была провозглашена политика «сплошной коллективизации». К этому времени, согласно циркуляру Наркомюста от 5 сентября 1929 г. и постановлению СНК РСФСР от 29 ноября 1929 г. в качестве мер репрессий в отношении кулаков уже было предусмотрено заключение в концлагеря и расстрел²³².

К октябрю 1929 г. уровень «обобществления» среди крестьянства Уральской области составлял 6-10 %, а к 25 февраля 1930 г. он резко подскочил – до 72 % в Свердловском округе и 62 % в Тагильском²³³. Результаты насильственных мер очевидны. Когда же «лопнули» созданные таким образом колхозы, то уровень коллективизации в 1931 г. по Тагильскому окру-

²³¹ Базаров А. Кулак и Агрогулаг. Челябинск, 1991. С. 21.

²³² Там же. С. 97.

²³³ Там же. С. 161.

гу упал до 12 %²³⁴. Еще до начала массового раскулачивания органами ОГПУ было арестовано по Уральской области около тысячи крестьян. Наряду с другими заработала статья 58 – по ней осудили 380 человек²³⁵.

Из обнаруженных в НТФ ГАСО 28 дел по статье 58, заведенных прокуратурой Тагильского округа в конце 1929 г., суд принял оправдательные приговоры в двух случаях; приговорил к расстрелу – в четырех; к лишению свободы на несколько лет, с поражением в правах, ссылкой и конфискацией имущества – в семи; лишению свободы на срок от двух до пяти лет – в тринадцати. Однако Кассационная Коллегия Областного суда значительно смягчила приговоры местных судов – один приговор был отменен; все четыре расстрельных заменены на более мягкую меру наказания (10 лет лишения свободы с пятью годами поражения в правах и пятью годам ссылки); значительно смягчена формулировка четырех приговоров, не связанных с высшей мерой наказания. Как видно, на этом этапе судебная система еще могла дифференцированно подходить к «кулакам». В то же время следует учесть, что почти все эти «контрреволюционные» дела на практике были обычным хулиганством. Но сей факт констатировался только в прокурорских протестах середины 1950-х гг.²³⁶

Раскулачивание началось в конце 1920-х гг., когда еще отсутствовали законодательные основы этой политики. В 1930-е гг. репрессивный процесс уже зиждился на решениях партии и правительства. Общегосударственная карательная акция по выселению «кулаков» в районы Крайнего Севера и Северного Урала пришлась отнюдь не на самое жаркое время года – вторую половину января – март 1930 г.

Бюро Уралобкома ВКП(б), развивая решение ЦИК и СНК СССР, 5 февраля 1930 г. приняло постановление «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией». Согласно этому постановлению, все кулацкие хозяйства делились на три категории: кулаки I категории (контр-

²³⁴ Рабочий. 1931. 4 февраля.

²³⁵ Базаров А. Указ. соч. С. 163.

²³⁶ НТФ ГАСО. Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 144. Л. 32, 32об.; Д. 130. Л. 31-80, 89-102.

революционный актив, участники повстанческих организаций) подлежали немедленному аресту с последующим оформлением их дел во внесудебном порядке органами ОГПУ; кулаки II категории (наиболее зажиточные и влиятельные кулаки и полупомещики) – принудительной высылке в малонаселенные районы северных округов области; кулаки III категории расселялись в пределах района на худших или окраинных землях. Постановлением предусматривались ликвидация 5 тыс. хозяйств I категории и выселение из округов Урала 15,2 тыс. кулацких хозяйств II категории²³⁷. В феврале-марте 1930 г. ссылка носила массовый характер. По данным И. Е. Плотникова, «на июнь 1930 г. в Уральской области было раскулачено 30 тыс. хозяйств»²³⁸.

Еще ранее, 25 января 1930 г., на закрытом заседании Уралоблисполкома было принято постановление, определившее порядок расселения, первоначальный план и использование выселяемого кулачества на территории северных районов Уральской области. Постановление предписывало сосредоточить кулацкую массу «в таких районах, в которых она не могла бы явиться влияющей силой на местное население и не могла бы материально обрастать», и создать ей «такие материальные условия, при которых она была бы в полной зависимости от государственных промышленных организаций, дающих ей заработок»²³⁹. Ссылных должны были расселять в лесных районах поселками или колониями, чтобы превратить переселенцев в постоянных лесозаготовительных рабочих. Предусматривалось создание при Тагильском и других округах чрезвычайных троек в составе начальника окружного отдела ОГПУ, начальника административного отдела, представителей заинтересованных лесозаготовительных организаций.

Из постановления вырисовывается общая картина расселения кулаков по округам: Тагильский округ – 10 тыс. семей, Ирбитский – 1 тыс., Коми-Пермяцкий – 3 тыс., Верхнекаменский – 10 тыс., Тобольский – 6 тыс. На север Уральской области шли переполненные железнодорожные вагоны, по рекам плыли баржи, дороги были забиты толпами людей, лишенных гражданских прав и своего крова. Выселение

²³⁷ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 19-21

²³⁸ Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4. С. 159.

²³⁹ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 3, 3об.

сопровождалось произволом, насилием над бесправным крестьянством. Во многих местах директива об оставлении части вещей у выселяемых не выполнялась – изымалось все, вплоть до деревянных ложек. Были случаи отправки в кулацкую ссылку женщин накануне и вскоре после родов²⁴⁰. Никакие доводы человеческого разума не могут оправдать того, что за сотни, тысячи километров в ссылку отправлялись кормящие матери с грудными младенцами на руках, дети, старики, инвалиды. Согласно информационному докладу Уральской областной прокуратуры от 2 апреля 1930 г., среди выселенных насчитывалось до 75 % нетрудоспособных, много стариков в возрасте 80-85 лет, которые не могли идти и оказались брошенными на произвол судьбы. Среди конвоируемых на север суровой зимой 1930 г. дети составляли 40 %²⁴¹.

В основной массе раскулачивались кулаки, а середняки. Ни в одном из округов Урала не было четкой градации крестьянских хозяйств. Отсутствовала она и в Тагильском округе, образованном в 1923 г. в результате слияния Верхотурского и Тагильского уездов. Сельское хозяйство в округе носило подсобный характер и давало около 10 % всей производимой продукции. Поэтому число крестьян, выселенных из пределов округа весной 1930 г., было значительно меньше, чем в других округах. На закрытом заседании президиума Тагильского исполкома 14 февраля 1930 г. установленную контрольную цифру в 300 кулацких хозяйств, подлежащих выселению из пределов округа, распределили по основным сельхозрайонам в следующем порядке: Верхотурский – 100, Алапаевский – 75, Петрокаменский – 60, Махневский – 50, Нижнесалдинский – 25²⁴². Главными мотивами раскулачивания были: систематический наем рабочей силы (даже, если это происходило до революции), сдача, а также наем рабочего скота и техники, наличие к моменту коллективизации и механических машин и двигателей, занятие торговлей и ростовщичеством. В любом случае раскулачивались и выселялись крестьяне, считавшиеся неблагонадежными, либо те, с кем деревенский актив сводил личные счета. По мнению неко-

²⁴⁰ НТФ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 57. Л. 16, 17.

²⁴¹ Базаров А. Указ. соч. С. 221.

²⁴² НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 19-21.

торых исследователей, типичным «примером крестьянского раскулаченного являлось такое хозяйство, в котором были одна корова, одна лошадь, три овцы, дом, конюшня, баня, амбар, 2-3 десятины посевной земли»²⁴³. Раскулачивание сопровождалось массовыми нарушениями даже тех драконовских законов. На местах конфисковывали имущество и выселяли из домов, не дожидаясь окончательного оформления дел Тагильским окрисполкомом. В результате «не обеспеченное даже самым необходимым продовольствием и одеждой кулачество и их семьи по Верхотурском району нищенствовали». В Гаринском районе было принято весьма незатейливое решение: выселяемым предложили выйти из домов и поселиться в лесу; аналогичные случаи происходили и в Алапаевском районе²⁴⁴.

Несмотря на строгие директивы о нераспространении политики сплошной коллективизации на промышленные районы, по инициативе местных властей с особой жестокостью раскулачивание проводили и здесь. В списки попали бывшие торговцы, подрядчики, кустари, жены и дети бывших торговцев, старатели, священнослужители.

Вместе с масштабом репрессий рос и аппарат окружного отдела ОГПУ, постепенно подминавший под себя местные власти. ОГПУ разработало план гигантской операции по выселению крестьянства и строго контролировало ее ход²⁴⁵. Райисполкомы должны были безоговорочно выполнять все распоряжения окружного отдела ОГПУ по доставке кулацких семей на сборные пункты, конвоированию, охране и транспортировке людей на север. Окрисполком подготовил инструкцию, где определялся порядок выселения, разработал календарный план выселения и маршруты следования выселяемых. Внутри районов создали сборные пункты, где выселяемых еще раз индивидуально проверяли и формировали больше обозы, которые затем направлялись этапом к местам назначения. Расписание выселения включало четыре этапа. Предполагалось, что последний этап, состоящий из выселяемых Нижнесалдинского и Петрокаменского района, будет

²⁴³ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 12.

²⁴⁴ НТФ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 57. Л. 16.

²⁴⁵ Спецпереселенцами до июля 1930 г. ведал аппарат полномочного представителя ОГПУ по Уралу, затем – Областной комендантский отдел при областном административном Управлении, с отделами на местах.

сформирован вечером 9 марта 1930 г. в с. Гаево. Для сопровождения выселяемых выделялся вооруженный конвой из 15 человек, который следовал от районного сборного пункта до ближайшего райцентра. Основную роль в движении этапов и размещении людей играли назначаемые окротделом ОГПУ коменданты.

О масштабах депортации крестьянства на Урале свидетельствует ряд документов, характеризующих деятельность органов ОГПУ по приему ссыльных. Так, согласно сообщению начальника окружного отдела ОГПУ председателю Тагильского окрисполкома А. Кабакову, в одни только северные районы Тагильского округа на 10 марта 1930 г. принято на вселение 10 эшелонов кулаков с Северного Кавказа и Курганского округа²⁴⁶. К этому моменту расселили около 4 тыс. семейств (более 20 тыс. чел.); кроме этого, пришло распоряжение о принятии двух эшелонов сверх нормы (7800 чел.): в одном – 350 семейств, во втором – 260²⁴⁷. К 12 марта на станции Надеждинск были приняты и отправлены в места расселения 15 эшелонов – 25405 чел., в т. ч. 7820 мужчин, 7431 женщина и 10154 детей. Из этого числа 13 эшелонов пришли с Северного Кавказа и два – уральских. На станции Верхотурье и Лобва прибыло шесть эшелонов: два – издалека и четыре – уральских. Средний состав выселяемой семьи оказался равным 4,8 чел., т. е. значительно меньше, чем было в полных семьях до начала коллективизации. Это объясняется делением крестьянских семей в 1925-1929 гг. и изъятием из кулацких семей взрослых мужчин, арестованных органами ОГПУ до выселения и отправленных в лагеря, тюрьмы и на лесозаготовки.

По данным на 20 апреля 1930 г., на территории Тагильского севера находилось 54547 выселенцев (в Надеждинском районе – 31795, Гаринском – 10164, Сосьвинском – 4360, Ивдельском – 5102, Кытлымском – 3116)²⁴⁸.

Начало третьему этапу коллективизации было положено директивой ЦК ВКП(б) «О коллективизации», поступившей в Уралобком 24 сентября 1930 г. В ней делался акцент на том, что в ряде мест «явно ослабло наступление на кулака». Со-

²⁴⁶ См.: НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 3об.

²⁴⁷ Там же. Л. 80.

²⁴⁸ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1177. Л. 123.

гласно постановлению Президиума Уралоблисполкома от 8 марта 1931 г., было намечено провести дополнительное выселение третьей категории кулачества до начала весенней посевной кампании. По данным И. Е. Плотникова, к июлю 1931 г. в Уральской области было выселено 12 тыс. семей (60 тыс. чел.)²⁴⁹. Весной-летом 1931 г. на Урал прибыла извне вторая – наиболее массовая – волна спецпереселенцев – 47,1 тыс. семей²⁵⁰.

Согласно поголовной переписи февраля 1931 г. «по всем районам ссылки Уральской области», проведенной Областным комендантским отделом, численный состав ее был таков: «всего семей – 31851; всего спецпереселенцев – 134421 чел.; из них взрослых – 85390; детей до 16 лет – 48491». Спецпереселенцы оказались размещены в 31 районе области, в основном северных²⁵¹. Преимущественное выселение в северные районы, как уже говорилось, объяснялось целями колонизации малообжитых районов и привело к численному преобладанию спецпереселенцев над местным населением. Только в районы Гаринского, Пелымского, Никито-Ивдельского, Сухогорского ЛПХ Тагильского округа направили 3 тыс. семей (более 15 тыс. чел.), а в Надеждинском районе ссыльные составляли 50 % населения²⁵².

Первые спецпереселенцы в Нижнем Тагиле появились в связи с заявками от Востокостали и Цветметзолота в «комиссию по кулакам» во главе с заместителем председателя СНК А. А. Андреевым. На заседании комиссии исполкома Нижнетагильского горсовета 23 мая 1931 г. было принято решение договориться с Востокосталью о присылке партии кулаков в 25 тыс. чел. на новое строительство Тагилстроя. Решено также «освободить бараки на лесном поселке»²⁵³, разработать план строительства поселка на 10 тыс. чел.²⁵⁴ 7 июля прошло новое заседание городской комиссии, где говорилось о приеме спецпереселенцев в количестве 500 семейств 15 июля и обеспечении жильем партии спецпереселенцев в количестве 3 тыс. чел., прибывшей ранее (в конце мая 1931 г.)²⁵⁵. 8 июля 1931 г. прошло заседание комиссии Андреева, где приняли решение удовлетворить заявки Востокостали: на 500 семейств спец-

²⁴⁹ Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале. С. 160.

²⁵⁰ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 11.

²⁵¹ См.: Свидетельства истории. Публикация документов. Вып. 4. Тоталитаризм и личность. Екатеринбург, 1994. С. 17, 18.

²⁵² Сапожникова Н. Д., Сапожников А. Г. Некоторые аспекты отношения власти к раскулаченным крестьянам на Урале в 20-х – начале 30-х гг. // Тоталитаризм и личность. Тез. докладов. межд. науч.-практ. Конф. Пермь, 1994. С. 83; Сапожников А. Г. К вопросу о размещении и условиях жизни спецпереселенцев на Урале в начале 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. С. 88.

²⁵³ Речь, видимо, идет о спецпоселке на 2-й площадке Тагилстроя (Старый поселок).

²⁵⁴ Впоследствии 2-я площадка Тагилстроя (Новый поселок).

²⁵⁵ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 23. Л. 9, 11, 12.

переселенцев для Высокогорского рудоуправления из Московской области (срок – 2 августа); 1 тыс. семей для Гороблагодатского рудоуправления из Московской области (срок – с 3 по 6 августа); на 200 семей спецпереселенцев для Нижнего Тагила из Нижегородского края (срок – 2 августа). В итоговом документе заседания объявлялся выговор «директору Тагилстроя т. Трахтеру, отказавшемуся принять направленных по его заявке в Тагилстрой 3 тыс. спецпереселенцев из УССР, вследствие чего они были переадресованы на другую работу»²⁵⁶.

16 июля 1931 г. санврач новостроек города Скалкин сообщил в Нижнетагильский горсовет: «Тагилстроем 15 июля с. г. принято два эшелона спецпереселенцев с количеством до 3,5 тыс. чел. Завшивленность 100 %». Далее следует совершенно секретное (как обычно) сообщение того же Скалкина от 3 августа 1931 г.: «1 августа на Тагилстрой принят эшелон спецпереселенцев – 1260 чел. приблизительно»²⁵⁷. 27 июля 1931 г. по Тагилстрою был принят приказ об организации «района № 1 (Лесной поселок)» по приему новых партий спецпереселенцев и строительству поселка для них²⁵⁸. Согласно материалам архива, в начале осени 1931 г. на второй площадке Тагилстроя была поселена 1541 семья (6838 чел.)²⁵⁹, а к 1 января 1932 г. планировалось разместить 15 тыс. спецпереселенцев²⁶⁰.

Нижний Тагил рос быстрыми темпами: в 1926 г. в нем проживало около 39 тыс. чел., в марте 1931 г. – 59500, к январю 1932 г. – 117700. Во многом этот прирост обеспечивался за счет поступления все новых этапов раскулаченных. Значительное число спецпереселенцев насильно перемещалось вторично – сначала их сослали на север Урала, в тайгу, на лесоповал, затем уцелевших среди смертей и болезней – наиболее здоровых и трудоспособных – гнали в Нижний Тагил. Были и совершенно новые этапы, в которые собирали раскулаченных по третьей категории из различных районов страны.

Четвертый этап спецсылки на Урале начался с весны 1932 г. Отправной точкой его можно считать постановление Бюро Уралобкома ВКП(б) от 8 мая 1932 г. о выселении 4 тыс. семей кулаков. Теперь их, согласно установке Сталина на январском

²⁵⁶ История России. 1917-1940. Хрестоматия. С. 263-264.

²⁵⁷ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 23. Л. 2, 5.

²⁵⁸ НТФ ГАСО. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.

²⁵⁹ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 23. Л. 15, 56. В тексте – 6843 чел. – ошибка в подсчете. Согласно подсчету по предыдущим партиям спецпереселенцев, прибывших в Нижний Тагил, общая численность должна быть 7760 чел. Местонахождение и судьбу 922 чел. выяснить пока не удалось. Возможно, они оказались в спецпоселке ВЖР.

²⁶⁰ Там же. Д. 66. Л. 78-81; Д. 88. Л. 1; Д. 116. Л. 1об.

(1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), стали искать в колхозах, которые якобы они разрушали изнутри. Однако виновниками стали отнюдь не зажиточные, а крестьяне-середняки и бедняки, вынужденные в условиях голода 1932-1933 гг. заимствовать крохи из скудного коллективного урожая. По закону «о пяти колосках» с 7 августа 1932 г. по 1 июля 1933 г. по Уралобласти было осуждено 13914 единоличников, 11215 колхозников и 4929 кулаков²⁶¹.

По данным отдела спецпоселений НКВД к 1 января 1932 г. на Урале числилось 484380 раскулаченных²⁶². В документе «Распределение спецпереселенцев по хозорганизациям Уральской области» от 10 февраля 1932 г. при подсчете получается общая цифра 475684 чел. Расчет по документу, расположенному на предыдущей странице (датированному тем же временем), дает общую цифру высланных в 584433 чел. Если исходить из последнего, то в пределах Тагильского региона на 10 февраля 1932 г. находилось 198920 чел., расселенных в 13 из 16 районов бывшего округа²⁶³. Расхождение в оценке численности спецпереселенцев достаточно ясно объясняются некоторые цифры. По данным Н. П. Шмаковой, «в 1932 г. по Уралу числилось в бегах более 20 % спецпереселенцев, смертность составляла 59,7 % из расчета на 1 тыс. чел., а за 10 месяцев 1933 г. она возросла в два раза»²⁶⁴. Из письма секретаря Надеждинского райкома ВКП(б) М. А. Жданова И. Д. Кабакову следует, что в Надеждинском районе за 1932 г. «было 10 тыс. смертей и 6,5 тыс. дезертировало...»²⁶⁵

Спецпереселенцы на Урале были расселены в 69 районах и трех округах: Коми-Пермяцком, Остяцко-Вогульском и Ямальском с концентрацией примерно в 650 спецпоселках²⁶⁶. Преимущественное расселение раскулаченных на Севере оставалось главной особенностью спецссылки – колонизации. В пределах Тагильского округа на апрель 1932 г. спецпереселенцы составляли по отношению к численности коренного населения в Ивдельском – 150 %, Надеждинском – 75 %, Нижнетуринском – 52 %, Верхотурье – 34 %, Нижнем Тагиле – 11 %²⁶⁷. В ведении леспромхозов Уральской области находилось 274,2 тыс. чел.,

²⁶¹ Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале. С. 160, 161.

²⁶² См.: Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3-5. В кн. Документы свидетельствуют... приведена другая цифра – 540818 чел.; ряд исследователей использует цифру 500 тыс. чел.

²⁶³ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 103-105.

²⁶⁴ Шмакова Н. П. К вопросу о спецпереселенцах на Урале в 30-е гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 104. Например, официальная численность спецпереселенцев в Нижнем Тагиле на июнь 1933 г. – 13884 чел., а с учетом убежавших и умерших – 17968 чел. (См.: НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 66. Л. 78-83 и сведения архива ЗАГСа).

²⁶⁵ История России. 1917-1940. С. 269.

²⁶⁶ Славко Т. И. Указ. соч. С. 73.

²⁶⁷ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 211. В Нижнем Тагиле, по данным на июнь 1932 г., насчитывалось более 115 тыс. жителей, из них спецпереселенцев – 12650 чел. (подсчитано по: НТФ ГАСО. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 35).

треста Уралуголь – 47,7 тыс. чел., Магнитостроя – 40 тыс. чел., Востокоруды – 26,8 тыс. чел., Уралстройматериала – 16,1 тыс. чел., Востокостали – 16 тыс. чел., Союзрыбы – 15,2 тыс. чел., Уралторфа – 8,5 тыс. чел., Уралстройиндустрии – 7,5 тыс. чел.²⁶⁸

В течение 1932 г. на Урал прибыло еще 35533 выселенных, убыло гораздо больше – 154374 чел. Поэтому на 1 января 1933 г. состояло на учете по Уралу 365539 чел.²⁶⁹

Кампания массовых выселений кипела до конца 1933 г. На этот год была установлена уже пониженная квота выселений – 12 тыс. крестьянских семей по стране, из них 1 тыс. семей по Уралу²⁷⁰. По данным В. Н. Земскова, в течение 1933 г. на Урал было выселено, с учетом внутреннего переселения, 61777 чел., убыло 127 тыс. чел., и к 1 января 1934 г. на учете состояло 300313 чел.²⁷¹

Судя по косвенным данным, «в начале 1934 г. на промышленных предприятиях Урала спецпереселенцы составляли от 40 до 80 %, а в лесной – от 50 до 90 % кадрового потенциала»²⁷².

По документам, имеющимся в архивах, пока не представляется возможным восстановить картину спецпереселения в Нижнем Тагиле за 1932 г. Вслед за осенью 1931 г. первые сведения о спецпереселенцах в городе встречаются в отчете горздрава за 1 апреля 1933 г. В нем говорится о шести спецпоселках в Нижнем Тагиле с общим населением 14464 чел. В то же время в других документах этого времени перечисляется восемь районов, где были расселены ссыльные: Тагилстрой (Вторая площадка), Кокстрой, Рудник III Интернационала, Высокогорский железный рудник, Лебяжинский рудник, Кирпичный завод, Вагонстрой и Евстюниха. По сведениям горздрава в июле 1933 г. в Нижнем Тагиле было уже восемь спецпоселков с населением 13884 чел.²⁷³

В период 1934-1936 гг., когда переселенцы осваиваются и «оседают» в новых местах, власти начинают проявлять «заботу» об их благосостоянии, квалификации, надеясь всячески задержать их на производстве в связи с острым дефицитом в рабочей силе. Однако в реальности бегство продолжалось, и потому уже в 1932 г. было провозглашено, что «паспорт являет-

²⁶⁸ Плотников И. Е. Условия жизни ссыльнопоселенцев на Урале в 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 70.

²⁶⁹ Земсков В. Н. Указ. соч. С. 3-5.

²⁷⁰ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 181. Л. 149об.

²⁷¹ Земсков В. Н. Указ соч. С. 3-5.

²⁷² Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 22.

²⁷³ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 66. Л. 78-81.

ся могучим орудием в руках пролетарской диктатуры за учет организованности населения, за укрепление связи его с производством...»²⁷⁴ В 1933 г. началась выдача паспортов, однако спецпереселенцам их вручали очень редко. В марте 1935 г. Отдел трудовых поселений УНКВД по Свердловской области разослал предприятиям директиву о запрещении выдачи трудпоселенцам любых видов документов²⁷⁵. Таким образом, их гражданские права только числились на бумаге.

Возвращаясь к Нижнему Тагилу, можно отметить, что в конце 1935 г. в городе насчитывалось уже десять спецпоселков с населением 8832 чел., в конце 1936 г. в них проживало 15468 чел.²⁷⁶ Поселки для спецпереселенцев строились в разных местах Тагила, в разное время. В результате анализа материалов ряда архивов, сбора устных сведений и современного анкетирования жителей Нижнего Тагила удалось восстановить картину возникновения спецпоселков. Спецпоселение на Тагилстрое (2-я площадка) было создано в 1931 г. и стало самым крупным. В этом же году строился Переселенческий поселок Уральской области на Высокогорском железном руднике и поселок на руднике III Интернационала, в 1932 г. – спецпоселки на Кирпичном заводе и в Евстюнихе, в 1933 г. – спецпоселки на Лебяжинском руднике, Коксохимстрое. В 1934 г. был введен в строй новый поселок (спецгородок) для переселенцев, работавших на Вагонстрое, спецпоселение в Балакино и дом старчества для спецпереселенцев в Шайтанке. В 1935 г. только в районе строительства Уралвагонзавода существовало пять спецпоселков: два на второй площадке УВС, 1 поселок Вагонстрой (III площадка), 1 поселок на ТЭЦ и спецгородок на Пихтовых горах. В отчетах горздрава за 1935 г. упоминается Белогорский трудпоселок прииска им. Кирова, в 1941 г. возникает спецпоселок в Лае. Трудно сказать точно, сколько «раскулаченных» на самом деле прошло через Тагил, известно только, что это – десятки тысяч людей. По распоряжению ОГПУ от августа 1931 г., «спецпереселенцев из числа нетрудоспособных стариков, имеющих родственников, которые их содержат», на учет не принимали. А тех, у кого родственников не было, отправляли в инвалидные

²⁷⁴ Там же. Л. 122.

²⁷⁵ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 202.

²⁷⁶ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 88. Л. 1; Д. 116. Л. 1об.

дома, обрекая на скорую смерть. В Тагиле появилось множество беспризорников в возрасте от 4 до 11 лет. Это были дети умерших ссыльных крестьян, в детдом их брали только с 11 лет²⁷⁷.

О том, как велся учет спецпереселенцев, говорит докладная записка местных властей от 21 марта 1933 г.: «Как общее правило, учет спецпереселенцев поставлен плохо... Бегство среди спецпереселенцев достигло громадных размеров... На Тагилстрое, УВС и ВЖР нет учета смертности. Нередко можно услышать от спецпереселенца, чем умирать, лучше попытаться бежать, хуже не будет... Чрезвычайно большое число нищенствующих, дети и старики ходят по помойным ямам и выбирают отбросы»²⁷⁸.

Спецпереселенцы ввозились в Тагильский округ, район и Нижний Тагил из разных районов СССР, в том числе многие из других округов Уралобласти. В течение 1930-1931 гг. соотношение регионов страны по числу ввозимых из них на Урал было следующим: УССР, Урал, Северный Кавказ, БССР, Татария, Западная область, Нижегородский край, Ивановская область, Московская область, Крым, Нижняя Волга, Центрально-Черноземная область, Средняя Волга и Ленинградская область. Первые спецпереселенцы, поступившие в Нижний Тагил и Кушву по заявкам промышленных организаций летом 1931 г., были из Московской области (по плану – 1,5 тыс. семей), из УССР (фактически 3 тыс. чел.) и из Нижегородского края (по плану – 200 семей)²⁷⁹. Согласно устным сведениям и анкетированию тагильчан в 1990-х гг., преобладали спецпереселенцы из следующих мест (по убывающей): Украины (в основном Полтавская и Харьковская области), Урал (Курганская, Свердловская, Челябинская области и Тагильский округ), Краснодарский край, БССР, Сибирь, Кировская область, Западная область, Марийская, Чувашская, Калмыцкая АССР, Крым, Московская область и др.

Спецпереселенцы, наряду с заключенными и трудмобилизованными, были заняты на строительстве Уральского вагоностроительного, Тагильского металлургического заводов,

²⁷⁷ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 20. Л. 68, 76.

²⁷⁸ Там же. Д. 66. Л. 81, 83.

²⁷⁹ История России. 1917-1940. С. 263-264.

работали на железных рудниках и угольных коях региона. Многие из них бежали со спецпоселений и трудились как вольнонаемные, растворяясь в массе гражданского населения. Численность их в Нижнем Тагиле, по официальным данным, колебалась в пределах 15 тыс. чел., фактически же – гораздо больше. По материалам переписей 1926, 1937 гг. население Нижнего Тагила за время между ними выросло на 379,3 %²⁸⁰. Интересные данные о численности спецпереселенцев приводились в воспоминаниях руководителя Уралвагонстроя Л. М. Марьясина «Записки хозяйственника». Он писал, что в 1933-1934 гг. на УВС трудилось около 6 тыс. спецпереселенцев, 4 тыс. заключенных, 2 тыс. тылополченцев, 2 тыс. коммунистов и комсомольцев специального набора и 250 «перебежчиков» (иностранных граждан, перешедших границу СССР в поисках работы). Таким образом, общая численность работающих на УВС составляла 14250 чел. и из них подневольных – 10 тыс. чел.²⁸¹

Сведения о численности «бывших кулаков» на Урале, Свердловской области и Нижнем Тагиле во второй половине 1930-х гг. весьма скудны. Известно, что к июлю 1938 г. в 243 спецпоселках Свердловской области проживало 171899 чел., из них было занято в тяжелой промышленности 43645 чел., в лесной – 14609 чел. В Нижнем Тагиле находилось 6776 спецпоселенцев, из них 2809 трудилось на Уралвагонстрое, 1727 – на Уралвагонзаводе и 2240 – на Тагилстрое²⁸².

К 1 января 1940 г. в Свердловской области осталось 105677 спецпереселенцев. К началу Великой Отечественной войны в области было 146 спецпоселков с числом проживающих в них 89868 чел. В Нижнетагильском районе насчитывалось 12565 бывших кулаков, в пределах региона – большая часть от их численности по области²⁸³.

Специфика Нижнетагильского региона – преобладание промышленного населения, подсобный характер сельского хозяйства, суровые климатические условия, большие запасы полезных ископаемых и леса – обусловили особенности спецпереселения в его пределах. Большая часть территории Нижнетагильского округа соответствовала географическому понятию

²⁸⁰ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. С. 44, 45.

²⁸¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22664. Л. 359-492.

²⁸² Земсков В. Н. Указ. соч. С. 15.

²⁸³ Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 8-9.

«Северный Урал» - центру политики колонизации. В пределах самого округа раскулачили всего несколько сот хозяйств, зато вселили неизмеримо больше. По данным на 20 апреля 1930 г. в нем размещено 54537 спецпереселенцев, на 30 октября 1931 г. – 78122 и на 10 февраля 1932 г. – 198920 чел. Согласно статистическим данным 1926 г., площадь Нижнетагильского округа составляла 6,3 %, а численность населения – 5,7 % от соответствующих показателей Уральской области. Число выселенных в Нижнетагильский регион кулаков в 1932 г. достигло 34 % от численности спецпереселенцев всей Уральской области. Население региона с 1926 по 1937 гг. возросло за счет раскулаченных в 1,9 раза. Распределение их в пределах округа (численность по убывающей) происходило так: Ивдельский, Надеждинский, Нижнетуринский, Верхотурский и Нижнетагильский районы²⁸⁴.

В г. Нижнем Тагиле в течение 1930-х гг. спецпереселенцы составляли 11-16 % от числа всего населения. В целом за период с 1930 по 1940 г. в городе побывало от 15 до 20 тыс. спецпереселенцев. Однако в определенные промежутки времени они давали до 40-60 % рабочей силы строительных и иных предприятий города. Например, на УВС в середине 1930-х гг. вместе с заключенными они составляли 69 % от численности работающих²⁸⁵. Таким образом, Нижнетагильский регион и его центр стали наиболее концентрированным местом спецсылки в масштабах страны, где проявлялись все ее закономерности и многие особенности.

2. Условия жизни и труд спецпереселенцев

Государственная политика раскулачивания-спецсылки, как и все остальные мероприятия Советской власти, имела преступно-прагматический характер, отягощенный ретивостью исполнителей. С одной стороны, логика вождя, партии и государства связывала коллективизацию с исправлением положения в сельском хозяйстве за счет перехода к коллективному сельскохозяйственному производству с развитой материально-технической базой. Курс на форсированную индустриализацию

²⁸⁴ См.: С. 117, 121, 126, 127, 142, 143 монографии.

²⁸⁵ См.: С. 128, 131 монографии.

требовал значительного притока новых кадров в промышленность. Как справедливо отмечает Т.И. Славко, «партия и правительство предусматривали двоякую цель: взять у деревни дешевые рабочие силы, перераспределив их в промышленность, а за счет конфискации у них движимого и недвижимого имущества и передачи его в коллективную собственность батрацко-бедняцким слоям, поддержать хотя бы минимальный уровень сельскохозяйственного производства»²⁸⁶. Кроме того, применительно к Уралу, вожди хотели решить еще одну «больную» проблему – колонизации малообжитых северных районов и освоения лесных, водных и рудных богатств огромного региона страны.

С другой стороны, кампания «ликвидации кулака как класса» преследовала идеологические и политические цели. Нужно было утвердить в сознании народа утопически-уравнительные принципы коммунизма, опорочив трудовое единоличное крестьянское хозяйство и искоренив психологию зажиточности. Поэтому кулак был объявлен врагом революции и народа, наиболее грамотная и предприимчивая часть крестьянства брошена в тюрьмы, лагеря или заброшена в непригодные для жизни человека районы. Разжигая ненависть к кулаку, строя политику колонизации Урала без предварительного экономического обоснования, не создав хотя бы самую примитивную инфраструктуру для обеспечения жизнедеятельности людей, «власть предержавшие» фактически обрекли людей на голод, болезни и смерть. Спецпереселение превратилось в массовое убийство.

Провозглашенные властью постановления систематически нарушались. Общие цифры выселяемых были непомерно завышены, да к тому же не существовало четкой градации крестьянских хозяйств. Многочисленные жалобы спецпереселенцев свидетельствовали, что вопреки закону о спецсылке выселяли и конфисковывали имущество семей красноармейцев, командного состава РККА, активных красных партизан и участников гражданской войны. Официально определенное соотношение трудоспособных и нетрудо-

²⁸⁶ Славко Т. И. Указ. соч. С. 33-34.

способных среди спецпереселенцев – 6 к 4 – не соблюдалось. Это соотношение в семьях выселяемых на Урал оказалось равным 1,6 к 4,2 чел.²⁸⁷, что закономерно привело к трагедии. Согласно договорам между промышленными организациями Урала (например, трестами «Уралмет» и «Камураллес») и отделом труда, заключенным при посредничестве ОГПУ, предполагалось обеспечивать продовольствием только трудоспособную часть семьи спецпереселенцев. В договорах указывалось: «Остальная часть питается пайком задолженных на работе»²⁸⁸. Комментарии излишни! Кроме того, выселенные снабжались продуктами через местные сельпо, систему лесной кооперации, где о «врагах народа» думали в последнюю очередь. Обман, обвешивание, продажа товаров не по назначению – традиционны в советской торговле, и положенных пайков не получали даже трудоспособные. Истощение и смерть от голода стали одним из основных следствий существования спецсылки.

Вплоть до 1935 г. смертность в Уральской спецсылке превышала рождаемость: в 1932 г. родилось 6540 чел., умерло 32645 чел.; в 1933 г. родилось в спецсылке 3894 чел., умерло 51010 чел. Из более чем 130 тыс. раскулаченных, переданных лесным трестам за три с половиной года, умерло 31240 чел.²⁸⁹ Только по «Западолестресту» убыль ссылки к 1934 г. составила 56 %. При обследовании пяти районов Урала (Коми-Пермяцкий округ, Ныроб, Нижняя Вишера и др.) выявили более 2 тыс. семей (5 тыс. чел.), «не имеющих в своем составе ни одного трудоспособного». Из них 800 чел. опухли от истощения, примерно столько же насчитывалось стариков, не способных ни к какой работе в силу своей дряхлости. Кроме того, в поселках оказалось 2850 беспризорных детей²⁹⁰.

В связи с постановлением Уралобкома ВКП(б) и Тагильского Окротдела ОГПУ первые партии выселяемых на север в феврале-марте 1930 г. должны были расквартироваться среди местного населения, а к концу лета им обязались построить жилье²⁹¹. Полномочное представительство ОГПУ на Урале заранее продумало графики переселения (с точностью до

²⁸⁷ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. 1930-1936 гг. Екатеринбург, 1994. С. 13.

²⁸⁸ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 90.

²⁸⁹ См.: Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3-5; ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 48.

²⁹⁰ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 49.

²⁹¹ Постановление Коллегии Наркомзема РСФСР «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации» было принято 1 апреля 1930 г. (См.: Документы свидетельствуют. С. 382, 383).

часов и минут), хозяйственное обслуживание и трудовое использование спецпереселенцев, решение вопросов их материально-бытового положения, обязало Советы на местах и хозяйственные организации жестко выполнять планы строительства спецпоселков²⁹². Однако, реальностью почти всегда было не правило, а исключение из него. Выселение проводилось в спешке и беспорядке, вопреки строгим директивам об оставлении у выселяемых минимума вещей и продовольствия. У спецпереселенцев изымалось все, и зачастую они оказывались в легкой одежде на уральском севере. Расквартировать огромную массу людей среди немногочисленного местного населения оказалось невозможным не только чисто физически, но и по идеологическим мотивам.

Как уже упоминалось выше, в марте 1930 г. в Надеждинский район прибыло более 25 тыс. спецпереселенцев с Северного Кавказа и из Курганского округа. В пути следования эшелонов до Надеждинска людей довели до истощения, отмечалась высокая детская заболеваемость и смертность. Все прибывающие в Надеждинский узел поселенцы должны были снабжаться горячей пищей и продовольствием на пять дней, однако запланированные продукты не поступили. Тем не менее, раскулаченных отправили дальше по железным дорогам Надеждинского комбината, а затем развезли подводами или отправили пешком в глухую уральскую тайгу. Власти на местах оказались не готовыми к приему ссыльных и не были способны их трудоустроить. По данным рабочей сводки Тагильского окротдела ОГПУ, составленной на 28 марта 1930 г., никаких мер по выявлению трудоспособных лиц со стороны сельских советов не принималось, а если небольшую часть спецпереселенцев и посылали на работы по лесозаготовкам, то райлеспромхоз отказывался их принимать, мотивируя тем, что у них «и так народу много». Вместе с тем были случаи неправильного трудоустройства выселенных. Например, в марте 1930 г. 150 спецпереселенцев устроили на работу в Богословские каменноугольные копи²⁹³. В связи с этим, чтобы «впредь не допустить распространение вредных кулацких настроений»,

²⁹² НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 4, 53, 90-93, 99, 100, 173, 174.

²⁹³ Там же. Л. 82-87. Д. 1219. Л. 96.

на заседании Надеждинского РК ВКП(б) решили категорически запретить прием кулаков-спецпереселенцев на разные работы, в учреждения и организации, а использовать их исключительно на лесозаготовках²⁹⁴.

С самого начала выселения на уральский север судьба спецпереселенцев, возможность их выживания в местах, для жизни непригодных, были поставлены в жесткую зависимость от выполнения Камураллесом и Уралметом взятых на себя обязательств по жилищному строительству, трудоустройству и снабжению кулацких семей. Однако, как свидетельствуют архивные документы, ни одно из этих обязательств названные организации не выполнили.

Уделом крестьян, выселенных в северные районы Тагильского округа в весенне-летний период 1930 г., стали голод и мор в спецпоселках, болезни, невыносимые условия труда и быта. Тяжелейшее положение с продовольственным снабжением сложилось в Надеждинском районе. В марте 1930 г. угрожающая ситуация наблюдалась и в Ивдельском районе. Прибывшие сюда и кое-как размещенные на лесучастках 5108 спецпереселенцев оказались в безнадежной ситуации. Безысходностью проникнуты слова ссыльного И. Петракова, сказанные 5 марта 1930 г. и зафиксированные осведомителем ОГПУ: «Ну что мы здесь будем делать, лес рубить не умеем, земли здесь нет, придется здесь положить конец своей жизни»²⁹⁵. А вот еще одно характерное высказывание спецпереселенцев: «Загнали в лес, где бараки без крыш, нары без жердей, пил и топоров нет, и лежим, как звери, ничего не делаем»²⁹⁶.

Положение в спецпоселках обострилось в связи с отказом Камураллеса и других лесозаготовительных организаций снабжать нетрудоспособную часть кулацкой спецссылки (больных, инвалидов, стариков и детей) продуктами питания. Дневные нормы снабжения работающих (320 г хлеба, 100 г капусты, 6 г сахара, 3 г чая, 9 г растительного масла) вообще не выдавались. Ссылные крестьяне говорили: «Не видать нам больше своей страны, не видать широких полей, пропадем мы здесь голодной смертью и замерзнем... С этим начинается наша тя-

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же. Д. 1219. Л. 86; Д. 1219. Л. 93, 51.

²⁹⁶ Там же. Д. 1219. Л. 95, 96.

желая жизнь на севере. Продали мы уже все подушки, платки и другое барахло, у нас теперь не осталось ничего.., жизнь наша плохая, пропадем мы здесь с голода и холода. Живем мы в переполненных бараках, которые каждую ночь загораются. Когда съедим свои припасы, то будем умирать»²⁹⁷. Летом 1930 г. в районах выселения начался голод.

Вместо оказания реальной помощи продовольствием и спасения жизни выселенных, по решению специальной комиссии СНК, партийных и советских органов весной 1930 г. на север стали отправлять эшелоны с сельхозинвентарем. В районах, практически не пригодных для земледелия, были намечены совершенно авантюристические планы запашки земли и посева. Только в одном Тагильском округе предполагалось освоить 5 тыс. га, что без предварительной раскорчевки леса было абсолютно невозможно. Вместо медикаментов и продовольствия в районы дислокации кулацкой спецсылки пытались забросить 14 тыс. плугов, 12650 борон, 1 тыс. ц семян зерновых культур и 4101 кг – огородных. Только на станцию Верхотурье пришли девять вагонов плугов, 15 вагонов борон – и это в то время, когда округ был до отказа насыщен сельскохозяйственными орудиями. Весенняя распутица и бездорожье не позволяли доставить в назначенные места никому не нужный инвентарь²⁹⁸.

Архивные документы весьма скупо свидетельствуют о трагедии, разыгравшейся летом 1930 г. в северных районах Тагильского округа. В спецпоселках, отрезанных от внешнего мира бездорожьем, свирепствовали голод, цинга и смерть. Работники здравоохранительных учреждений добраться туда не могли. На территории Турьинского врачебного участка, например, в поселке Баяновка, из 300 поселенцев на 29 июля 1930 г. более цингой 93. Все мероприятия по борьбе с болезнью свелись к выдаче больным справок о том, что они нуждаются в усиленном питании, да один раз было роздано несколько лимонов²⁹⁹. Из-за невозможности на месте оказать медицинскую помощь, больных спецпереселенцев бросали у порога городских больниц, переполненных до предела. Многие больные ходили в лечебные

²⁹⁷ Там же. Д. 1221. Д. 173-180.

²⁹⁸ Сидоров В. А. Мероприятия по трудовому перевоспитанию бывших кулаков // Вопросы истории. 1964. № 1. С. 57; НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 122; Д. 1164. Л. 24об.

²⁹⁹ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 351. Л. 50-51, 62, 69.

пункты за 15-20 километров и скоро превращались в инвалидов. По данным ОГПУ, в Тагильском, Тобольском, Ирбитском и Пелымском округах Уральской области с 20 апреля по 1 июля заболели 26 тыс. высланных, умерли 639, сведений по другим округам нет. За этот период в северных районах Тагильского округа заболели 1151 спецпереселенец, посетили амбулатории – 2755³⁰⁰.

К голоду и болезням добавлялось преступно-издевательское отношение со стороны местных советских и партийных органов, аппарата леспромхозов. Бараки строили самого низкого качества, места для спецпоселков выбирали самые худшие, зарплату выдавать не торопились, установили невыполнимые нормы выработки, не давали продукты и одежду, отказывали в медпомощи, избивали, гоняли на тяжелые работы беременных женщин³⁰¹.

1930 г. стал самым трудным для спецпереселенцев, так как никаких условий по их приему и размещению местные власти просто не могли создать. В 1931 г. положение спецсылки несколько изменилось, хотя об улучшении ее состояния можно говорить только условно. Как следует из докладной записки комендантского отдела Уральской области, «всего выстроено, по состоянию на 10 февраля (1931 г. – В. М. К.) 115 поселков, 6213 изб, в них размещено 18639 семей, 75556 чел., что дает на душу заселенных в них спецпереселенцев 0,91 м². Остальные спецпереселенцы в количестве 1321 семей или 5986 чел., размещены по ближайшим к местам работ деревням вместе с коренным населением»³⁰². «Кулацкие» поселки стали основным местом проживания спецпереселенцев. Здесь размещались вновь прибывшие раскулаченные и свозились те из них, которые ранее были размещены среди местного населения, а также в лесных шалашах и землянках. Изолированные от деревень и сел спецпоселки были рассчитаны на проживание 80-100 семей, во главе их стоял комендант, назначаемый сначала ПП ОГПУ по Уралу, а с июля 1930 г. – Областным административным управлением. Комендант со своими помощниками (очень часто с уголовным прошлым) ведали

³⁰⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1а. Д. 51. Л. 40, 60.

³⁰¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1а. Д. 66. Л. 74-77.

³⁰² Свидетельства истории. Публ. документов. Вып. 4. Екатеринбург, 1994. С. 18.

всеми сферами жизни ссыльных. Как отмечается в современной историографии, «органы надзора контролировали все сферы жизни спецпереселенцев, начиная от навязывания своих контрольных цифр в бюджет области на расходы спецссылки до разрешения вступления в брак. Ими регулировались как форма общежития, так и формы организации труда бывших кулаков... В организации труда спецпереселенцев предпочтительной формой считалась артель, труд и поведение которой было легче контролировать надзирателям»³⁰³. Жители поселков лишались права свободного передвижения вне территории спецпоселения. Лишенные своего хозяйства при раскулачивании, спецпереселенцы не имели перспектив сравнительно обеспеченной жизни, так как их продолжали систематически грабить. Норму выработки им, по сравнению с вольными рабочими, установили выше на 50 %, а зарплату наполовину ниже. Платили ее нерегулярно, да и получать оказывалось нечего, так как каждый поселенец 25 % зарплаты отчислял на содержание комендатуры, 25 % - на административные расходы, обязан был выкупать облигации займа пятилетки, делать взносы в ЦРК. Стоимость обмундирования и вооружения одного охранника ОГПУ равнялась расходам на строительство типовой зырянской избы, рассчитанной на две семьи спецпереселенцев³⁰⁴.

Несмотря на строгие директивы, планы жилья для спецпереселенцев катастрофически не выполнялись. К концу 1931 г. по леспромхозам было построено только 51,1 % от потребного количества бараков. Многие сданные в эксплуатацию поселки не годились для человеческой жизни: часть из них была построена на болотах и законсервирована, другие поселки сделаны из рук вон плохо. Ведь чаще всего их возводили сами спецпереселенцы – больные, изможденные люди, которые к тому же были лишены самых необходимых инструментов и подходящей квалификации. Еще хуже обстояло дело со стройкой в городах и на многих «великих стройках»: люди жили в шалашах, землянках или бараках с дырявой крышей, не защищавшей от солнца, холода и дождя. Территория поселков практически была лишена минимальной бы-

³⁰³ Сапожникова Н. Д., Сапожников А. Г. Указ. соч. // Тоталитаризм и личность. С. 83.

³⁰⁴ Там же; Сапожников А. Г. К вопросу о размещении и условиях жизни спецпереселенцев на Урале в начале 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 88.

товой инфраструктуры: не приходилось говорить о канализации, водопроводе, не хватало колодцев и просто чистых водоемов, выгребных ям и туалетов. Спецпоселки стали источником эпидемий и в силу их расположенности в верховьях уральских гор угрожали распространением тяжелых заболеваний большим регионам. В официальном документе констатировалось: «Профилактические мероприятия в спецпоселках почти не проводятся, не во всех из них имеются бани, вошебойки как правило отсутствуют. Медицинская помощь осуществляется, главным образом, из имеющихся учреждений нормальной сети, что при ее общей недостаточности и значительной отдаленности от спецпоселков по существу сводится к отсутствию таковой»³⁰⁵.

В 1931 г. для спецсылки уже старались отбирать сильных и здоровых, отсекая маломощных и убогих. Однако о жизни и здоровье «заботу» проявляли ту же, что и ранее, зная, что на смену умершим пришлют других. По «совершенно секретным» данным официальных органов с 20 февраля по 1 июня 1931 г. в шести округах Уральской области около 26 тыс. больных спецпереселенцев обращались за медпомощью в амбулатории³⁰⁶. Как и в 1930 г., для этого им приходилось совершать изнурительные походы в города и села с вольным населением. Наиболее распространенным заболеванием среди спецпереселенцев стали сыпной и брюшной тиф, корь, скарлатина, дизентерия, грипп, малярия, цинга. Необычайно высока была смертность среди детей. Например, в 1931 г. в Новолялинском районе родилось 87, а умерло 347 чел., в Гаринском районе за август-сентябрь родились 32, умерли 73 чел., только в одном поселке Вторая площадка Тагилстроя в сентябре умерли 164 ребенка и 17 взрослых, в октябре – 207 и 21, соответственно³⁰⁷.

Положение с трудоустройством спецпереселенцев в 1931 г. изменилось. Годом ранее их направляли в основном глухие районы и превращали в «постоянные кадры» рабочих леспромхозов. Однако задача скорейшей индустриализации Урала требовала более равномерного распределения дешевой рабочей силы между лесозаготовительной промышленностью,

³⁰⁵ Свидетельства истории. С. 18.

³⁰⁶ Сапожников А. Г. Указ. соч. С. 88.

³⁰⁷ Плотников И. Е. Условия жизни ссыльнопоселенцев на Урале в 30-х гг. С. 72; Сапожников А. Г. К вопросу о размещении и условиях жизни спецпереселенцев на Урале в начале 30-х гг. С. 88-89; Книга Памяти. Екатеринбург, 1994. С. 49. Подсчет количества умерших по восьми из 16 спецпоселков Нижнего Тагила и прилегающего района, произведенный на основе материалов городского ЗАГСа, дает следующие данные: 1931 – 909 чел., 1932 – 655, 1933 – 731, 1934 – 382, 1935 – 174, 1939 – 80, 1940 – 584, 1941 – 133. Всего за 1931-1941 гг. умерло 3648 чел. Учитывая, что средняя численность спецпереселенцев в Нижнем Тагиле 15 тыс. чел., смертность составляла ¼ от их числа. При этом следует помнить о том, что в половине спецпоселков учет рождений и смертей вообще не велся.

рудниками и строительством новых индустриальных гигантов. Поэтому 11 марта 1931 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) для руководства и контроля за раскулачиванием была создана комиссия во главе с заместителем председателя СНК СССР А. А. Андреевым. Эта комиссия занялась распределением спецпереселенцев на рабочие места по заявкам хозяйственных организаций. В мае 1931 г. комиссия передала все дела по спецпереселенцам в ведение ОГПУ и отныне административно-организационное управление спецсылкой возлагалось на ГУЛАГ³⁰⁸. ОГПУ по указанию комиссии заключило договоры с промышленными организациями, удовлетворив их заявки на необходимое количество ссыльных.

Как следует из переписки первого секретаря Уралобкома ВКП(б) И. Д. Кабакова с заместителем председателя ОГПУ Г. Ягодой (начало 1930-х гг.), на Урале намечалось открыть новый лагерь для того, чтобы помочь промышленному развитию региона. Приоритетными в этом проекте были: освоение и разработка леса в районе Н.-Ивдель и реки Тавда для поставки строевого и поделочного леса для новостроек в Нижнем Тагиле, Свердловске, Челябинске, Магнитной; древесного угля для Надеждинского металлургического завода; разработка каменноугольных Богословских копей и законсервированных Северных железных рудников; проведение железной дороги, соединяющей Урал с «рыбным богатством Оби»³⁰⁹.

Документы ОГПУ и других репрессивно-властных структур позволяют проследить динамику трудиспользования спецпереселенцев в масштабах Урала и Тагильского региона. В 1930 г. раскулаченные направлялись фактически полностью на лесоразработки. Как уже упоминалось, 54537 выселенных на территории Тагильского округа к апрелю 1930 г. располагались в пяти северных районах: Надеждинском, Кытлымском, Ивдельском, Гаринском, Сосьвинском – и использовались в леспромхозах³¹⁰. В 1931 г. часть раскулаченных направили в золотоплатиновую промышленность, на железные и угольные рудники, на строительство промышленных предприятий. В мае распределение спецпереселенцев в пределах Нижнетагильского

³⁰⁸ Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале. С. 162-163.

³⁰⁹ Цит. по: Славко Т. И. Кулацкая ссылка на Урале. С. 119-120.

³¹⁰ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1177. Л. 123.

региона выглядит следующим образом: 15206 семей (около 30 тыс. чел.) – в Серебрянском, Пелымском, Ивдельском, Петропавловском, Николо-Павдинском, Надеждинском, Коссинском леспромхозах; 306 (около 1,5 тыс. чел.) – на сельхозколонизации в Гаринском районе; 317 (примерно 1550 чел.) – в организации Уралсоль в том же районе; 1692 (8 тыс. чел.) – на Заозерско-Ивдельских, Кытлымских и Косьвинских приисках золотоплатиновой промышленности; 1177 (около 6 тыс. чел.) – на угольных копях в Надеждинском районе; около 2,8 тыс. (около 14 тыс. чел.) – на строительстве Саамской железной дороги под Ивделем; 1524 (7620 чел.) – в ведении Туринского рудоуправления³¹¹. К началу августа в Нижний Тагил по заказу треста Тагилстрой и Высокогорского рудоуправления поступило 7760 чел. и примерно 1 тыс. семей (около 5 тыс. чел.) для Гороблагодатского рудоуправления (г. Кушва)³¹². Из сведений о балансе спецпереселенческой «массы» в трестах Ураллеспромы на 30 октября 1931 г. мы узнаем, что всего в лесопромышленности Урала числилось 246707 чел.³¹³, из которых, по нашим подсчетам, 78123 чел. находились в пределах Тагильского региона. По территории бывшего Тагильского округа (ликвидированного в августе 1930 г.) спецпереселенцы в 1931 г. распределялись таким образом: 71202 чел. – в Надеждинском, Богословском, Гаринском, Ивдельском, Петропавловском, Верхотурском, Новолялинском, Марсятском и Коссинском леспромхозах; 2428 чел. – в биржевом хозяйстве; 975 чел. – на углежжении; 3518 чел. – на Лялинском комбинате, лесозаводах Лобвы, Надеждинска и Верхотурья³¹⁴. В ноябре-декабре 1931 г. на таких предприятиях как Тагилстрой и Надеждинский металлургический завод насчитывалось, соответственно, 1538 (6721 чел.) и 460 семей (примерно 1,9 тыс. чел.)³¹⁵.

В докладной записке от 1 марта 1932 г. о состоянии спецпереселенцев, расселенных в Уральской области, говорилось о том, что на 1 января этого года «всего спецссылки 484679 чел.». Из этого количества в промышленности: 218246 чел., в лесопромышленности – 211144 чел., на добыче золота – 16324 чел.,

³¹¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 218. Л. 51-53; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 19. Д. 63. Л. 30631.

³¹² НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 23. Л. 2, 5, 12; История России. 1917-1940. Хрестоматия. С. 263.

³¹³ При этом в документе оговаривается, что в связи с освобождением органами ОГПУ неправильно выселенных, бегством спецпереселенцев и отсутствием порядка в учете, численность высланных завышена. Приводится пример, по сведениям ОГПУ на 1 сентября 1931 г. в лесной промышленности числилось 300682 спецпереселенца, а по данным ЛПХ – только 272220 чел.

³¹⁴ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 64-66.

³¹⁵ Там же. С. 79.

торфа – 8197 чел., рыбы – 17580 чел., сельхозколонизации – 3198 чел. (при этом неизвестно, где находились еще 9990 чел.). В этом же документе, но чуть дальше, говорилось, что на 1 февраля 1932 г. в промышленности числится 116056 семей (467174 чел.)³¹⁶.

Спецпереселенцы в Тагильском регионе, кроме вышеназванных леспромхозов, были заняты на следующих промышленных предприятиях: Уралсоль (851 трудоспособный), Надеждинский завод Востокосталь (484), Тагилстрой (2337), Салдастрой (705), Тагильский кирпичный завод (192), Востокококс (532), Высокогорский железный рудник (1107), Лебяжинский рудник (346)³¹⁷.

От выселенных хотели быстро получить отдачу в виде высокой производительности труда. Но что для этого было сделано? В спецпоселках наблюдались исключительно тяжелые материально-бытовые условия. Вот как они описываются в одном из «совершенно секретных» донесений 1932 г.: «Материалы обследования жилищно-бытовых условий рабочих показывают, что по состоянию на 1 мая 1932 г. приходится по 2-3 м² на человека, но на самом деле в большинстве комнат с площадью в 22 м² живут от 14 до 22 чел. Ввиду недостаточного количества коек или топчанов живущие во многих случаях спят на полу... В большинстве квартир наблюдается грязь, пыль, клопы, вши, духота. Здесь же находятся маленькие дети. Из-за отсутствия столов общего пользования большинство живущих вынуждены есть на койках. Вступившие в эксплуатацию бараки сразу же становятся негодными для жилья... Крыши в бараках крыты толью, но ввиду скверного качества крытья и ввиду того, что полочки забраны лишь в один ряд, сквозь потолок ночами рабочие наблюдают свечение звезд... А когда идет дождь, рабочие вынуждены прятаться под стол, так как крыши протекают. На полу скопляются огромные лужи, образуется толстый слой грязи. В некоторых бараках живут семейные, но перегородок не имеется. Санитарный надзор в поселке отсутствует... До сего времени ни один рабочий не прошел медицинского обследования...»³¹⁸

³¹⁶ Там же. С. 111, 119.

³¹⁷ Там же. С. 120.

³¹⁸ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 49. Л. 30, 31; Д. 48. Л. 162-163.

Спецпереселенцы систематически недоедали, часто умирали от истощения. Перед нами фрагмент секретной записки, посланной из Нижнего Тагила в Уралснаб: «Систематически, из месяца в месяц, недодается муки 70 % при полном отсутствии других продуктов. Хлеб выдавался только утвержденному контингенту. Другим же рабочим не давали в течение 3-4 месяцев ни одного килограмма хлеба»³¹⁹. Такая же картина предстает перед нами в воспоминаниях ссыльного Т. А. Борисенко: «У столовой, где питались иностранцы (на стройке работали иностранные рабочие и специалисты), стояли голодные рабочие-спецпереселенцы. И как только те заканчивали есть, мы наперегонки бросались собирать объедки...»³²⁰

Бегство и высокая смертность среди выселенных резко уменьшали численность рабочей силы. Поэтому власти стремились расширить число трудоспособных. По распоряжению Г. Ягоды в сентябре 1931 г. было принято решение о досрочном освобождении «из заключения на предмет соединения с их семьями всех крестьян-кулаков, осужденных органами ОГПУ по статье 58-10 УК, сроком до трех лет включительно...» Это делалось в случае, если семья осужденного находилась на той же территории, где сидел заключенный³²¹. Весной 1932 г. в некоторых спецпоселках разрешили завести огороды. Однако осенью и без того низкий урожай был взят предснабами в свое распоряжение, а переселенцы фактически за свой труд ничего не получили. В 1933 г. «информация о голоде поступила в Уралобком из двухсот с лишним районов огромной Уральской области. Как и на Украине, многие уральцы были доведены до каннибализма»³²². В то же время партийным, советским работникам и сотрудникам ОГПУ голод не грозил. Вовсю действовала широкая сеть закрытых распределителей для номенклатуры разных рангов.

Где голод – там и болезни. Судя по актам смерти спецпереселенцев, хранящимся в Тагильском горзагсе, самыми типичными причинами смертей были: диспепсия, корь, оспа, дифтерит, дизентерия, скарлатина, туберкулез, истощение. В случае смерти пожилых людей диагноз ставили «по-научному»

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Т. А. Борисенко (1899-1984) – житель Второй площадки в 1931-1964 гг. Воспоминания записаны И. Т. Ковердой.

³²¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 3. Л. 120.

³²² Уральский рабочий. 1992. 16 сентября.

просто: «Умер от старости». Болезни в спецпоселках приобретали эпидемический характер. Однако власти заботились не о здоровье людей. Отмечая в докладных записках массовые заболевания заразными болезнями, их авторы делали вывод: «Это ведет к большой смертности и инвалидности спецпереселенцев, обуславливает потери рабсилы и влечет большие затраты государства на борьбу с заболеваниями, содержание сирот и нетрудоспособных»³²³. На совещании в горздравотделе 14 июля 1933 г. постановили: «В целях немедленного снижения заболеваемости до минимума предложить доктору Аристовскому: организовать проверку правильности выдачи больничных листов и всех симулянтов и врачей, выдавших больничные листы симулянтам, привлечь к ответственности, заменить их классово выдержанными товарищами, добиться снижения себестоимости больничной койки»³²⁴.

Информация об эпидемиях передавалась только в секретном порядке, причем наименование «брюшной тиф» заменялось на шифрованное «номер один», а «сыпной тиф» – «номер два». Состояние больниц в спецпоселках соответствовало общей картине. Вот свидетельство о положении на площадке Уралвагонстроя: «В здании больницы невыносимый холод, больные замерзают. До сего времени топливом больницу не обеспечили. Баня не работает из-за отсутствия воды. Командированные врачи в количестве 9 чел. поставлены в отвратительно-безобразные условия, в течение ряда месяцев не получают абсолютно дров и воды, таким образом, проработав в амбулатории по 10-15 часов в сутки, возвращаются в совершенно холодные помещения... не имея возможности отдохнуть...»³²⁵ Тех врачей, которые проявляли сочувствие к спецпереселенцам, преследовали. Один из сексотов доносил в оперсектор ОГПУ: «На Первой площадке Коксостроя работает врач Богорадовская. Со спецвысланными она обращается особенно хорошо. Есть слухи, что она – классово-чуждый элемент»³²⁶.

Понятно, что дети становились первыми жертвами голода, холода и болезней, царящих в спецпоселках. Судя по актам регистрации смертей, детская смертность и в 1931, и в 1932, и в

³²³ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 45. Л. 33, 33об.

³²⁴ Там же.

³²⁵ Там же. Д. 59. Л. 52.

³²⁶ Там же. Д. 46. Л. 32.

1933 г. стояла на первом месте. Из тех, кто родился в начале 1930-х гг., выжили немногие.

Смертность превышала рождаемость. Тысячи детей потеряли своих родителей, стали беспризорниками и попали в уголовный мир. Весной 1933 г., когда старики и дети, исключенные из разрядок на получение питания как иждивенцы, перешли на подножный корм, и началась массовая их гибель, сверху пришло послабление. Комендантам спецпоселков разрешили «закрывать глаза» на нарушение инструкций о запрете покидать территорию спецпоселков. В высочайшей резолюции говорилось: «Не нужно препятствовать уходу детей в лес в поисках продовольствия». Целыми толпами дети начали уходить в тайгу, «чтобы, заблудившись, умереть от истощения или стать жертвами хищников. Комендантские уголья вскоре полностью очистились от детской нищеты...»³²⁷

С весны 1931 г., в связи с тяжелым положением спецсылки, отсутствием от нее большой отдачи и начавшимися протестами спецпереселенцев, власти начали создавать комиссии по проверке спецпоселков. Из сказанного выше следует достаточно ясная картина условий жизни спецпереселенцев, поэтому в аналитических документах подобных комиссий обратим внимание на раздел «трудиспользование». После выступления «кулаков» Петропавловского леспромхоза Надеждинского района комиссия обследовала спецпоселки на Саамском, Денежкином и Марсятском лесоучастках, где обнаружила проявления особой жестокости к спецпереселенцам. В заключении комиссии пишется: «За отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания, большая часть спецпереселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок»³²⁸. Тогда леспромхоз, с ведома ОГПУ, привлек для работ в лесу детей с 12-летнего возраста и стариков, установил им норму по 2-2,5 м³ древесины в день (средняя норма рабочего – 3 м³). Для выработки непосильной нормы пришлось сутками работать в зимнем лесу, обмораживаясь и умирая от каторжного труда. В то же время на складе лежали телогрейки, полушубки,

³²⁷ Уральский рабочий. 1992. 16 сентября.

³²⁸ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 47-48.

валенки, которые запретили выдавать раскулаченным. В результате большинство спецпереселенцев превратилось в инвалидов. Далее комиссия заключает: «В силу указанных выше причин, выполнение спецпереселенцами норм выработки было, естественно, невозможным. Однако местные партийные и лесозаготовительные организации, не осознав важности утраты в будущем мускульной силы спецпереселенцев, фактически составляющих кадр постоянной рабсилы на лесозаготовках, вместо создания для них надлежащих условий, гарантирующих хотя бы повышение производительности труда спецпереселенцев, стали на путь резких репрессий». Вслед за этим перечислялись варварские издевательства над людьми, которые схожи с «работой» фашистского гестапо, и делался вывод: «Все эти беспричинные издевательства в основном сводились к физическому истреблению спецпереселенцев...»³²⁹ При этом ОГПУ всячески пыталось обелить комендантов спецпоселков, обвиняя во всем (вероятно, вполне закономерно) секретаря райкома партии. Тем не менее, репрессии против бунтовавших поселенцев осуществлялись именно с ведома работников карательного ведомства.

В постановлении бюро Уральского обкома ВКП(б) намечались меры по улучшению хозяйственного использования спецпереселенцев: проведения учета их по производственной квалификации, ускорение строительства жилья силами самих переселенцев, введение сдельно-премиальной оплаты труда на строительстве, обеспечение завоза стройматериалов и инструментов, более разумный выбор мест для строительства, погашения задолженности по зарплате спецпереселенцев, введение учета труда по индивидуальным трудовым книжкам, запрет на разбазаривание продовольственных фондов, предназначенных для выселенных, разрешение иметь подсобное хозяйство и огороды, постановка вопроса об освобождении спецпереселенцев на 2-3 года от заготовки мяса, масла и яиц для государства, развитие кустарных промыслов, улучшение культурно-бытового и медицинского обслуживания, привлечение к

³²⁹ Там же. С. 48-49.

ответственности виновных в преступном отношении к раскулаченным³³⁰. Однако подобные «красивые» постановления не могли избавить спецпереселенцев от советской каторги, ибо в основе всей политики партии стояла ненависть к человеку, названному «врагом» в политических целях. Сами название документов, связанных с раскулачиванием, говорят о нечеловеческом к ним отношении. Вот перед нами достаточно емкий материал о спецпереселенцах в трестах Ураллеспрома с шаблонно-бездушным подзаголовком «Из сведений о балансе спецпереселенческой массы» (30 октября 1931 г.). Начинается он с сетований на плохой учет выселенных, проявления «заботы» о точном учете трудоспособных и напоминанием о том, какие важные задачи по колонизации и освоению северного края предстоит решить с помощью спецпереселенцев. В документе особо подчеркнуто, что председателям райисполкомов и директорам ЛПХ «дана определенная и твердая директива уделять исключительное внимание правильному расселению спецпереселенцев и их хозобустроиванию». Тем не менее все эти строгие директивы в реальности мало что значили, и безобразия в обустройстве и организации их труда оставались прежними. Отмечается, что прошлогодний опыт организации принудительной работы спецпереселенцев в виде артелей, уравнильный принцип оплаты труда, длительные ее задержки и огромные вычеты, не создавали стимула к повышению производительности труда. Выход авторы документа видят в переходе на бригадный (арендный) метод работы, который приводит к повышению норм выработки. Там, где применялся этот метод, средняя выработка поднялась с 1,64 м³ (январь) до 3,88 м³ (апрель), «что составляет 85 % нормы выработки, установленной Ураллеспромом...» Кое-где удавалось вырабатывать 4-5 м³. Тем не менее, спецпереселенцы неохотно переходили к бригадному методу, фактически продолжая работу артелями. Отсутствие элементарных жилищных условий и множество других бед приводили к низкой трудовой дисциплине, падению числен-

³³⁰ Там же. С. 57-59.

ности трудоспособных и занятых на основных работах. По мнению авторов, виновниками этого являются ЛПХ³³¹.

Докладная записка «О состоянии спецпереселенцев, расселенных в Уральской области» от 1 марта 1932 г.³³² показывает некий прогресс в их обустройстве и производительности труда. Наконец-то отмечаются сдвиги в строительстве жилья и встречаются ранее неведомые спецпереселенцам слова – «световая площадь», «клуб», «красный уголок» и т. п. В документе подробно анализируется культурно-воспитательная работа, говорится о проблемах образования, педкадров для школ, работе библиотек, перечисляется шесть названий кружков при школах. С точностью до человека авторы указывают необходимое количество пайков, проявляется забота о быстром пополнении фондов снабжения и дополнительных ассигнованиях на бесплатное детское питание для яслей и школ. В документе отдельно анализируются вопросы, связанные с положением спецпереселенцев в лесопромышленности и на промышленных предприятиях, отмечается улучшение ситуации с питанием, одеждой, организацией труда и учетом спецпереселенцев в «промышленной группе». Согласно аналитической записке, произошли позитивные изменения в организации труда, отношении поселенцев к работе, приведшие к повышению производительности труда и норм выработки. В чем же секрет этих изменений, какие открытия сделали партийные, советские и карательные органы в «перековке» кулака? Оказывается, все очень просто: «режим рабочего времени и выходные дни установлены и соблюдаются наравне с вольнонаемными рабочими», «нормы выработки для спецпереселенцев установлены одинаковые (наконец-то признаны, что у них те же руки и ноги, что у обычных людей) с вольнонаемными», выросло число бригад, развивается ударничество и соревнование между ними, утверждается практика премирования как бригад, так и отдельных работающих. В результате, создав спецпереселенцам более-менее приемлемые условия труда и жизни, власти сумели снизить прогулы до 1-2 %³³³.

³³¹ Там же. С. 63-79.

³³² Там же. С. 106-129.

³³³ Там же. С. 123, 124.

С весны 1932 г. началось наделение спецпереселенцев землей. Люди показали свое умение работать. Одним из позитивных примеров стала организация неуставной артели «Новый путь» на прииске Красный Горняк в 40 км от Нижнего Тагила. В августе 1931 г. на прииски Красный Урал, Метелев Лог и Красный Горняк привезли 280 семей спецпереселенцев из Кунгурского района. Выселенные крестьяне создали животноводческую сельскохозяйственную артель, где в феврале 1932 г. числилось 129 чел. В 1935 г. они переименовали артель в колхоз «Имени VII съезда Советов». При умелом руководстве своего председателя М. Ф. Борисова (из «кулаков») к 1936 г. они добились высокой производительности труда, став первым по благосостоянию среди всех колхозов Висимского района. На одного человека в среднем выходило 300 трудодней³³⁴.

Однако больше было других примеров. По воспоминаниям жителя д. Сулем (60-70 км от Нижнего Тагила), летом 1930 г. к ним привезли раскулаченных с Кубани – 80 семей. После долгих мытарств они создали колхоз и построили деревню Щербаки. Как отмечал очевидец, «урожаи у них были плохие, так как по реке Сулем начинались ранние заморозки и зерновые не успевали созреть. Мужики были трудолюбивые и умные, они могли побороть все трудности на своем пути, но их советы во внимание не принимались...» Ими командовал совершенно недалекий человек из местных комсомольцев. В результате «за пять лет жизни в Щербаках добрая половина людей умерла с голоду от болезней» и к середине 1930-х гг. оставшиеся в живых покинули деревню³³⁵.

Анализ документа о трудовом использовании спецпереселенцев в конце 1933 г. позволяет увидеть наметившуюся позитивную тенденцию в изменении их положения и повышении производительности труда. Однако его составители – начальник Отдела спецпереселенцев ПП ОГПУ Урала Мовшензон и начальник второго отделения Шмелев – говоря на советском «новоязе» (призванном скрыть, а не прояснить истину), проявляют достаточную осведомленность и понимание происходящего. В

³³⁴ См.: НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 12, 19, 1221; Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 2, 17, 66; Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 110, 202, 203; Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 27.

³³⁵ Гилев П. И. История моего края. Рукопись из фонда Музея горнозаводского дела Среднего Урала. Нижний Тагил, 1993.

выводах они пишут: «Несмотря на то, что в большинстве хозорганизаций спецрабсила имеет решающее значение на выполнение производственной программы – в промышленных предприятиях вес спецпереселенцев от 40 до 80 % и в лесных от 50 до 95 % - все-таки некоторые хозорганы не считают необходимым правильно организовывать труд спецпереселенцев, вести наблюдение и учет за выполняемой работой... Кроме того, предлагается учесть, что если спецпереселенцы при всех неблагоприятных условиях – обсчетах, обмерах, при постоянных перебросках разутые, раздетые, работая самотеком – зачастую выполняют и перевыполняют нормы выработки, то каковая будет производительность и эффективность их работы при устранении данных недостатков»³³⁶. Еще дальше в анализе состоянии спецсылки пошел секретарь Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабаков на оперативном совещании райкомендантов ОСП ПП ОГПУ 26 июня 1934 г. Он говорил: «Средств на спецсылку израсходовано больше, чем нужно, а в результате эффективности израсходования средств самые ничтожные. Побег не сокращаются, а даже увеличиваются... От хорошего не побежишь... Здесь разговаривали относительно того, что помещения «плохие», потолки обваливаются, то, другое, третье. Уверяю вас, эти же люди, скажи им, что они сегодня свободны, в том селе, откуда их взяли и куда разрешается ехать, бревна им никто не даст, а через год дом будет построен... Стена валится, потолок проваливается, окна бьются, и палец о палец не ударяется. Это потому, что человек не полюбил своего места и он считает, что здесь он временно живет, не оброс...» То, что сказал Кабаков, исключительно точно и, наверное, принадлежит к «опасным мыслям» того времени. Но истина лежит еще глубже, ибо весь народ в СССР оказался в состоянии спецсылки, был лишен естественных стимулов к труду и лучшей жизни. Потому и провалился к 1933 г. план первой пятилетки, цифры сельскохозяйственного производства в стране упали по всем показателям, а в городах была введена карточная система снабжения.

³³⁶ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 178.

Анализируя условия жизни и труда спецпереселенцев, лишней раз убеждаешься в том, насколько неэффективна социалистическая организация труда. Партия и государство, поставив задачи перехода к коллективному хозяйству в деревне и обеспечения рабочей силой индустриальных строек, решили их преступно-авантюристическими средствами. Огромная трудовая армия раскулаченных, не обеспеченная надлежащими условиями быта и труда, буквально растаяла в уральской тайге. Хотя ни в одном партийном документе не говорилось прямо о физическом уничтожении крестьян, фактически состоялось массовое истребление людей, погибавших от холода, голода, морально-психологического стресса и физического насилия комендантского актива спецпоселков. Принудительная система организации труда давала очень низкую производительность и поэтому, начиная с середины 1930-х гг., государство стало проявлять «заботу» о спецпереселенцах, приближая условия их труда к категории вольнонаемных рабочих. Сельское хозяйство в результате этого эксперимента было развалено и кое-как выправилось к концу 1930-х гг. Тем не менее, ценой огромных человеческих жертв, индустриализация на Урале была обеспечена дешевой рабочей силой и привела к значительным социально-экономическим изменениям в Нижнетагильском регионе. Все эти изменения не принесли зажиточной и благополучной жизни советским людям, так как движение к цели с помощью дьявольских средств могло привести только к нечеловеческой цели. Уральская природа понесла многие невосполнимые потери: были безвозвратно утеряны массивы лесов, загублены многие реки и водоемы, построены уродливые города с индустриальными монстрами в центре, отравляющие своим дыханием все живое на десятки километров, барачно-социалистическая застройка, воплотившаяся первоначально в деревянных бараках, затем, почти в том же виде, перешла в каменную архитектуру. Но главное, была загублена человеческая душа.

3. Сопротивление крестьян-спецпереселенцев и методы борьбы с ними советской власти

В массовом общественном сознании сегодня сосуществуют, наряду со многими другими, два мифа относительно взаимоотношений народа и власти в советский период. Первый, консервативно-коммунистический, исходит из наличия множества врагов у советской власти с момента ее зарождения и до последних дней правления. Этот миф имеет подтверждение в сотнях тысяч уголовно-политических дел, заведенных в 1930-х гг. на «спецов», «кулаков», «правых и левых уклонистов» в партии и всех остальных, заклеянных «врагами народа». Согласно данному мифу, мы должны представлять, что раскулаченные-спецпереселенцы активно и яростно боролись с партией и правительством. Однако в сер. 1950-х гг. возник, а затем нашел свое псевдонаучное обоснование второй миф, радикально-догматический, который, исходя из постулатов забитости и покорности «советских рабов», утверждает, что все «антисоветские дела» придуманы партией и карательными органами и полностью сфальсифицированы. Поэтому уже к 1930-м гг. массовое народное сопротивление сталинизму было сломлено, и боролись лишь отдельные личности, да небольшие оппозиционные группы в партии. Этот миф находит свое подтверждение в тех же сотнях тысяч «антисоветских дел», обвиняемые по которым сегодня реабилитированы, а все показания по поводу их борьбы с властью сочтены вымышленными. Отмеченные два мифа оказали достаточно сильное воздействие как на художественно-публицистическую, так и на научную литературу 1950-1980-х гг. Однако уже в 1930-х гг. возникает и развивается тенденция в литературе, которую не назовешь мифотворческой.

В одном из учебных пособий Национально-Трудового Союза Нового Поколения по поводу сопротивления пишется: «Борьба с большевиками была и есть народная борьба. В ней приняли участие все партии – от крайне левых (анархистов) до крайне правых (монархистов-легитимистов), и все слои насе-

ления – от рабочих и крестьян до аристократов. На эту антикоммунистическую всенародную борьбу толкала сама власть: попранием всех прав, законов и морали, пренебрежением истинными нуждами страны и народа, насилием, террором и бьющей в глаза противоестественностью и бессмысленностью творимого... Ни на минуту эта борьба не прекращалась»³³⁷. Осуществление политики коллективизации и ликвидации кулака было организовано партией как планомерные боевые действия, с привлечением не только всех карательных органов, пропагандистского аппарата в центре и на местах, советских учреждений, но также политкомиссаров и профессиональных военных. Знаменательна фраза руководителя штаба колхозного строительства в СССР Г. Н. Каминского о том, что работа по проведению коллективизации «будет почти фронтовая, потому что в Колхозцентре работаешь прямо, как в ЧК»³³⁸. С началом массового раскулачивания в стране создалась острая политическая ситуация. Первым актом сопротивления крестьян стал массовый забой скота: зимой 1929/1930 гг. количество сельскохозяйственных животных в деревне уменьшилось значительно, чем в годы Гражданской войны³³⁹. В ряде районов страны крестьяне поднялись на восстания (по некоторым подсчетам в 1929 г. в СССР произошло 1300 крестьянских мятежей), которые усмиряла армия во главе с комбригами и командармами – героями Гражданской войны. К концу февраля 1930 г. обстановка накалилась до предела. В закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. подчеркивалось, что ситуация грозила вылиться в «широкую волну повстанческих крестьянских выступлений», и «добрая половина наших «низовых» работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство, и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»³⁴⁰. Именно такое положение вызвало к жизни письмо Сталина «Головокружение от успехов», несколько сократившее административный произвол. Выбор перед крестьянами-единоличниками, однако, остался прежний: или в колхоз, или разорение-раскулачивание.

³³⁷ Ранние идейные поиски российских солидаристов. Москва, 1992. С. 168.

³³⁸ Цит. по: Плотников И. Е. О темпах и формах коллективизации на Урале // Отечественная история. 1994. № 3. С. 78.

³³⁹ Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. М., 1989. С. 23.

³⁴⁰ Там же.

На первом этапе коллективизации (1927-1929 гг.) сопротивление крестьян было еще малозаметным явлением и выражалось в эпизодических актах недовольства. В материалах ОГПУ для Уралобкома ВКП(б) говорится о 378 случаях «кулацкого» террора по Уральской области за 1928 г. Из них: убийств – 26, ранений – 11, избиений – 119, покушений – 36, поджогов – 36, угроз – 131, других видов – 19. Количество участников террора оценивалось в 538 чел., из которых 4 % были из лиц с уголовным, а 8,5 % с антисоветским прошлым. Агенты ОГПУ насчитали 108 кулацких группировок общей численностью 534 чел. Акты террора происходили на почве «ударных кампаний» – 141 случай, «борьбы с кулачеством» – 63, на почве налогообложения – 64, «землеустройства» – 31, и т. п. Направленность террора такова: против работников низового советского аппарата – 118 случаев, работников милиции и угрозыска – 1, работников землеса – 14, культоргов – 13, колхозов и коммун – 35, селькоров – 14, бедняцкого актива – 119, членов партии и комсомола – 55. На Тагильский округ пришлось 26 случаев «террора»³⁴¹.

С эскалацией насилия в 1929-1930 гг. усилились и протесты, быстро прошедшие путь радикализации средств и методов борьбы: от отказов вступать в колхоз, антиколхозной агитации – к уничтожению скота, имущества, террору против партийных и советских функционеров, групповым вооруженным выступлениям. В 1929 г. ОГПУ отмечает по области 886 актов террора, из которых – 50 убийств, 33 ранения, 226 избиений, 146 покушений, 314 поджогов, 77 актов вредительства³⁴².

Нижнетагильский окружной отдел ОГПУ в конце 1920-х гг. наладил работу по наблюдению за политическими настроениями рабочих, крестьян в связи с меняющейся ситуацией в стране и систематически составлял аналитические сводки, докладные записки в виде «пятидневок», «десятидневок», а по экстренным случаям – почтотелеграмм (см.: Приложения 2-8 к главе 4. Ч. 2. Приложения). Зондировалось настроение на заводах, в городах, селах, деревнях в связи с перебоями в снабжении, хлебозаготовительными кампаниями, коллекти-

³⁴¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 6. Д. 488. Л. 53-70.

³⁴² Там же. Оп. 8. Д. 101. Л. 195.

визацией, раскулачиванием-спецпереселением и т. п. Рабочие сводки ОГПУ по Нижнетагильском округу за ноябрь 1929 г. говорят о следующих видах антисоветских проявлений: угрозах и терроре в адрес колхозных активистов в деревнях: Кулига Арамашевского сельсовета Алапаевского района, Подкина Водяниковского сельсовета Махневского района, селе Семеново-Титово Верхнесосвинского сельсовета Надеждинского района и др.; антисоветской агитации на Нижнетагильском, Новолялинском, Верхнесалдинском, Верхнетурунском и Надеждинском заводах, на Уралмедьстрое, прииске Кытлым, среди «обывателей» г. Кушва³⁴³. Например, рабочий И. К. Дашлыгин (Нижнетагильский завод) говорил: «...Крестьяне везут хлеб, а сами плачут, так как сдавать хлеб их гонят силой...»³⁴⁴ На Надеждинском заводе в антисоветской агитации замечено около 20 человек. Рабочий И. Миклин заявил: «Нам нужно меньше бы строить заводов, а обратить внимание на сельское хозяйство, а то мы с постройкой заводов останемся без хлеба»³⁴⁵. Кладовщик конторы депо железной дороги Копылов высказался: «Вот до чего мы дожили, то есть довели нас коммунисты-правители, что у нас даже хлеба не стало». Помощник прораба на Уралмедьстрое техник М. К. Мешков был не менее категоричен: «А что Советская власть сделала полезного за 12 лет? Все только разрушила и ничего не создала. Обобрали крестьян налогами, забрали весь хлеб...» Гражданка М. М. Бузунова из Верхнетурунского завода высказалась еще более определенно: «Скоро ли будет война, тогда бы скорей свернули коммунистам голову»³⁴⁶.

ОГПУ тщательно разработало план выселения кулаков по Уралу, в т. ч. и в Тагильском округе, наметив эту акцию на февраль 1930 г. Властям казалось, что хорошо спланированная карательная операция не вызовет протеста и завершится в кратчайшие сроки. Однако инициаторы выселения просчитались. Насилие вызвало сопротивление. В январе-марте 1930 г. по Уралу зафиксировано 260 случаев террора³⁴⁷. Примерами этой борьбы здесь стали: бунт крестьян многих районов Уралобласти и избиение колхозных активистов, «коровий бунт» в пос. Крутоярский Каракульского района

³⁴³ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 811, 1162.

³⁴⁴ Там же. Д. 811. Л. 318.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Там же. Л. 319, 320.

³⁴⁷ Документы свидетельствуют. С. 32.

Троицкого округа в марте 1930 г., распространение в этом округе идеи переселенческого движения на Дальний Восток, появление антиколхозных, антисоветских прокламаций в селе Рутяжево Пермского округа, вооруженное восстание в селе Ашап Октябрьского района Прикамья в мае 1930 г.³⁴⁸

Главные события в Нижнетагильском регионе разыгрались 7-8 марта 1930 г. в д. Северной (40 км от Тагила) Нижнесалдинского района. Попытки доставить на сборный пункт в Салду три кулацкие семьи, главы которых были арестованы, вызвали мощный протест всей деревни. Толпа крестьян встретила милиционеров криками: «Приехали грабители, забирают честных людей, не дадим своих в обиду!» – и не позволила увести выселяемых. Второй наряд милиции был встречен толпой в 300 человек. Раздавались возгласы: «Нет у нас кулаков, они нас кормили, не дадим выселять, уходите пока живы!» С той и другой стороны раздавались выстрелы, и представители власти едва унесли ноги. Крестьяне выставили вооруженные посты и патрули, сельсовет был окружен; сидящих там партийцев и милиционеров не выпускали. В третий раз насильников выгнала толпа крестьян из 400 человек, собранная по зову колокола. Затем от райкома ВКП(б) и райисполкома к крестьянам д. Северной было послано обращение, где их действия расценивались как восстание против властей. Это смутило крестьян, и они прекратили организованное сопротивление, после чего более полусотни сотрудников ОГПУ и коммунистов прибыли на место происшествия и арестовали 20 зачинщиков и вывезли семьи раскулаченных³⁴⁹. В ходе следствия по делу выступления в д. Северной ОГПУ сделало вывод: «Руководящая головка беспорядка В. В. Степанов, Д. А. Шашкин, П. А. Шашкин, Е. Ф. Вязовик, И. Г. Захарченко, Г. В. Захарченко, А. П. Гасин, И. Т. Андросенко, Ф. Ф. Вязовик, И. И. Карпенко, Т. М. Приходь, П. Т. Катаев и др. являются нашими учетниками, проходят как участники антисоветской группировки, ядро которой было оперировано, большая часть из них имеют уголовное прошлое, ряд судимостей»³⁵⁰. Такое заключение свидетельствует об определенной антисоветской традиции в деревне.

³⁴⁸ См.: Плотников И. Е. О темпах и формах коллективизации на Урале. С. 87; Иванова М. А. Сопротивление насильственной коллективизации // Тоталитаризм и личность. Пермь, 1994. С. 91.

³⁴⁹ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1219. Л. 65-67.

³⁵⁰ Там же. Л. 67.

В докладной записке ПП ОГПУ по Урале о политсостоянии Уралобласти за 1930 г. отмечались многие факты протестов крестьян, в том числе в д. Деево Алапаевского района Тагильского округа, где сами выселяемые в разговоре с крестьянами заявили: «Пусть нас раскулачивают, пусть все возьмут, ничего не жалко, только бы из деревни не выгоняли»³⁵¹.

Сельские жители бежали от принудительной коллективизации и непосильных налогов. Яркий пример тому – судьба д. Большие Галашки Тагильского округа. Здесь все население выступило против колхоза, часть семей бежала в Сибирь. В результате в этой деревне колхоз так и не был создан. Внешнее спокойствие выселенных крестьян в марте-апреле 1930 г., в связи с отсутствием хлеба, нечеловеческими условиями жизни и крайне низкими нормами снабжения сменилось разговорами о скором падении Советской власти, о начале крестьянских восстаний на Дону, Кубани, призывами прекратить работу на лесозаготовках, строительстве поселков. Эти разговоры все чаще фиксировались осведомителями ОГПУ в связи с конкретными планами вооруженных восстаний. Индивидуальный протест выражался в побегах, которые в начале 1930 г. еще не приобрели массового характера и пресекались окротделом ОГПУ; массовой подаче жалоб о неправильном раскулачивании, невыносимых условиях труда и быта; письмах на родину, которые подвергались перлюстрации. Документы ОГПУ сохранили описание массовых выступлений как против населения, так и против исполнителей этих акций. Выселенное крестьянство не стало молчаливой жертвой жестокого эксперимента. Уже весной 1930 г. в спецпоселках все чаще раздавались призывы отказаться от постройки бараков и лесозаготовок. 31 марта 1930 г. в 17 квартале Марсятского лесничества при выходе на работу артели 25 человек, Яков Пищинский, пользующийся авторитетом среди спецпереселенцев, призывал прекратить работу, не ходить на постройку бараков. Он говорил: «Нам бараки строить не нужно, потому что вместе с весной нас унесет голод. Ведь сейчас уже продуктов не выдают, а

³⁵¹ Там же. Л. 60.

что будет? Вы посмотрите, как крестьяне начинают бастовать из-за того, что в коммунах гибнет скот»³⁵².

В сводках Нижнетагильского ОГПУ за март 1930 г. анализируется «политсостояние» переселяемых «кулаков». В рабочей сводке от 10 марта 1930 г. ОГПУ доносит: «Переселяемые кулаки большинства прибывающих эшелонов соблюдают внешние спокойствия (*так в оригинале – В.М.К.*) и никаких проявлений не отмечается, но вместе с тем, зарегистрированные случаи прибытия эшелонов с ярков выраженным враждебным настроением. Характерным примером может служить эшелон, прибывший 6 марта из СККрая (*Северо-Кавказского – В.М.К.*) Кубанского округа Славянского района, в числе населения которого было много офицерства и главным образом белого»³⁵³. Типичны некоторые реплики прибывших, например: «Обедов ваших не надо, дайте нам пулеметы, вот их возьмем». Попав на Богословский завод и Самский рудник, в беседах с местным населением кубанцы говорили: «Ровно через 9 месяцев будем на Кубани», «Весной будет война, все перевернется». Один из «кулаков» Новочеркасского района на пересыльном пункте в Ивделе сказал: «Обманным образом нас Советская власть загнала сюда, когда отправляли, то говорили, что там вам будет хорошо хлебопашеством заниматься, а вышло, что на полях не пашут»³⁵⁴. Агенты ОГПУ отмечали: «Весть о прибытии ссыльных кулаков и самый факт их прибытия явились свежей и сильной струей в жизни антисоветского элемента»³⁵⁵. Началось бегство кулаков, разговоры о восстании. Такие настроения были зафиксированы на Надеждинском заводе и Самском руднике, где кубанец Ф. С. Клименко в бараке среди высланных и заключенных говорил: «Нам необходимо организовать с заключенными из колонии, нас здесь 25 тыс. человек, да заключенных очень много, совместно выступить против СССР, через такую организацию мы безусловно сможем сделать ущерб государству». В беседе с высланными С. Разумов, В. Карманов, М. Печерицын излагали целую программу борьбы с советской властью, заканчивая ее изложение словом: «Россия

³⁵² Там же. Д. 1162. Л. 51.

³⁵³ Там же. Л. 52.

³⁵⁴ Там же. Л. 55.

³⁵⁵ Там же. Л. 52, 53.

дружным натиском буржуазии и русского казачества в 1932 или 1933 г. будет восстановлена»³⁵⁶.

Местное население относилось к кубанцам по-разному: одним казалось, что они богатые бездельники, другие точно понимали суть вещей и сочувствовали им. В Гарях комендант спецпоселка не мог найти для себя молока, а высланные получали его от крестьян; в с. Ивдель местный житель приготовил для раскулаченных баню, говоря: «Эти люди страдают ни за что». Другие замечали: «Нас также скоро вышлют, нам это же будет, народ выслан ни за что». Жительница села Верхотурье Е. А. Бодрова жалела детей спецпереселенцев, проклиная власть: «Да скоро ли все это кончится, скоро ли все коммунисты здохнут, тогда бы и народ перестал мучиться». Рабочий электроцеха г. Алапаевска И. Шаньгин среди своих товарищей эмоционально отмечал: «Ну и дела в городе творятся, нагнали сейчас крестьян человек около 500 и охраняют их как преступников. Крестьяне все одеты ничего, а вот охранники ходят на бандитов – у кого пимы оборванные, у кого пальтишко все в заплатах. Рожи у охранников зверские, кто с обрезом, кто с чем и видно по его роже, что он не пощадит... делается властью что-то нехорошее»³⁵⁷.

Некоторые осуждали прибывших за безделье, пьянство. Однако дело было в том, что трудоустроить их оказалось негде, то и дело слышались отговорки: «У нас и так народу много». Но когда 150 «кулаков» по ошибке попали на Богословские копи, их быстро прогнали в спецпоселок и наказали тех, кто дал им «легкую работу»³⁵⁸. Понятно, что условия пребывания в ссылке заставляли людей думать о побеге и сопротивлении. Доносчики ОГПУ отмечали: «С приездом кулачества имеющийся запас географических карт в киоске ЦРК моментально был разобран, причем спрос на последние особенно усилился в настоящее время. Указанный факт говорит за то, что кулаки интересуются место расположения и путями выхода»³⁵⁹. Переселенцы, особенно казаки, находились в ожидании войны и политического переворота.

³⁵⁶ Там же. Л. 62, 63.

³⁵⁷ Там же. Л. 95, 96.

³⁵⁸ Там же. Л. 95.

³⁵⁹ Там же. Л. 205.

После появления в «Правде» статьи Сталина «Головокружение от успехов» антисоветская агитация усилилась. Этот номер газеты стал продаваться как нелегальное издание в сопровождении реплик, подобной этой: «Все пропало. Коллективы развалились. Против организации коммун пишут газеты»³⁶⁰. Усилились разговоры о войне, восстании, о возвращении царской власти. Ленина называли антихристом, Сталина – его помощником. Таким образом, в глазах раскулаченных вожди не обладали особым авторитетом. В апреле 1930 г. в селе Андрюшки Гаринского района на кладбище были сломаны памятники, разорваны и разбросаны по дороге траурные флаги с могил коммунистов³⁶¹.

Беспредел государственной жестокости вынуждал крестьян бунтовать. В районах кулацкой ссылки появились тысячи банд. Формировались повстанческие ячейки, «при которых существовали боевые бандгруппы из беглых кулаков» и других репрессированных. Действовали они на территории Пермского и других округов. Выступали под лозунгами: «За новый строй без коммунистов!», «За свободную торговлю!», «За вольный рынок!», «За неспасение хлеба государству и оставление его на местах!»³⁶² В сентябре 1930 г. ликвидировали повстанческие организации численность около 100 человек в районах Ирбитского, Нижнетагильского и Тюменского округов. Они состояли преимущественно из бежавших спецпереселенцев³⁶³. Яркое свидетельство борьбы раскулаченного крестьянства – события на Турьинских рудниках Надеждинского района весной 1930 г. Более 600 чел. выступили против попытки ОГПУ с помощью ОСНАЗа отправить временно размещенных на Турьинских рудниках спецпереселенцев дальше в тайгу. Они добились освобождения арестованных и разгрузки эшелона, предъявив требования: «Дайте нам землю, хлеб. Живыми в лес не увезете!»³⁶⁴

В период наиболее массовой ссылки (осень 1930 – 1931 гг.) и сопротивление крестьян становится массовым: в первой половине 1931 г. антисоветские проявления были отмечены на Урале в 22,5 % колхозов (около 35 % – террористические действия

³⁶⁰ Там же. Л. 174, 175, 205.

³⁶¹ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1219. Л. 140.

³⁶² Базаров А. Кулак и Агроулаг. С. 268.

³⁶³ Там же. С. 269.

³⁶⁴ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1219. Л. 178.

против активистов, до 40 % – «имущественный террор» – поджоги, порча имущества, скота и т. п.)³⁶⁵. Сначала партийные, советские и карательные органы решили действовать по старинке, путем ужесточения наказаний раскулаченных и спецпереселенцев: арестов, штрафов, избиений, террора на работе, на улице и во время отдыха. Непременным атрибутом каждого спецпоселка стала «каталажка» – арестное помещение, по своим условиям сходное с пыточной камерой. Раскулачивание, ссылка и продолжающиеся издевательства в спецпоселках-концлагерях вызвали активное сопротивление спецпереселенцев. 20 апреля 1931 г. состоялось выступление спецпереселенцев Петропавловского леспромхоза Надеждинского района. Именно здесь, потерявшие человеческий облик бригадиры, десятники, коменданты и их помощники при полном одобрении секретаря райкома ВКП(б) Маслова устроили настоящий геноцид против переселенцев с Кубани под лозунгом: «Мы кубанцев всех уничтожим, живыми никто не вернется». В конце марта – начале апреля 1931 г. сюда привезли переселенцев из Западной области (в основном Смоленской и Брянской губерний), которые возмутились произволом и начали готовить выступление против своих мучителей. Это выступление состоялось 20 апреля, охватив 300 семей спецпереселенцев с участков Усть-Калье и Усть-Канда. Восставшие намеревались продвинуться по железной дороге до станции Сама и г. Надеждинск. Нашлись помощники среди железнодорожников. После неудачи первого выступления, началась подготовка второго под лозунгом: «Если не удовлетворят продовольствием, то обязательно уйдем с мест поселения». Подготовка выступления велась в Денежкинском и Марсятском УЛПХ. Всего по этому делу арестовали 53 поселенца. Опасность произошедшего события воздействовала на партийных и советских преступников в чиновничьих мундирах, и наряду со спецпереселенцами арестовали девять работников ЛПХ, восемь бригадиров, четыре десятника, восемь работников поселковых комендатур и два работника кооперации¹⁶³⁶⁶⁰. В мае последовало постановление бюро обкома ВКП(б) о пересмотре руководящего состава ко-

³⁶⁵ Иванова М. А. Сопротивление насильственной коллективизации. С. 91.

³⁶⁶ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 50-52.

мендантского управления на местах, некоторые коменданты, десятники и бригадиры были арестованы³⁶⁷. В июле 1931 г. было принято постановление ЦИК СССР о сроках ссылки кулаков. В нем говорилось о восстановлении в гражданских правах через пять лет после высылки, при условиях прекращения борьбы против Советской власти, колхозов и честного, добросовестного труда³⁶⁸.

Докладные записки Тагильского горотделения ОГПУ о политсостоянии Тагильского района за 1931 г. свидетельствуют, что антисоветские, антиколхозные настроения были широко распространены как в рабочей, так и в крестьянской среде. Рабочие, недовольные нормами выработки, расценками, задержкой зарплаты и перебоями в снабжении, бросали работу и требовали расчета. Некоторые рабочие критически оценивали положение в деревне. Например, на ВМЗ один из них говорил: «Коллективизация это есть полнейшая разруха для сельского хозяйства, надо развивать единоличное хозяйство»³⁶⁹. Крестьяне – бедняки и середняки, которых коснулась коллективизация, выражали свое недоумение и протест словами: «Как быть, не знаю? Отбирают последнюю корову, семь человек и без молока, что делается, от кого исходит, понять нельзя, хозяйство приходится бросать, уезжать в Тагил работать»; «Наше дело бедноты очень плохое, что мы будем делать, если не имеем посева, придется уходить на производство»; «Раз нам хлеба и мяса не дают – сеять не надо». За январь-апрель 1931 г. в Тагильском районе по отрывочным данным ОГПУ на селе было зарегистрировано три случая террора и пять случаев угроз, отмечено усиление антисоветской агитации³⁷⁰. В Лайском сельсовете один из раскулаченных говорил: «Людей, которые являются настоящими хлеборобами, жмут до слез. Отбирают остатки, а лодырей колхозников поощряют, потому что их власть». Другой, по характеристике ОГПУ – подкулачник, сказал: «Где колхозы имеются, крестьяне режут и бегут от них. В колхоз силой тянут, в них идут, потому что колхозникам первое место. Неколхозников скоро дожмут до слез»³⁷¹.

³⁶⁷ Там же. С. 25.

³⁶⁸ Там же. С. 56, 57.

³⁶⁹ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 22. Л. 45, 46.

³⁷⁰ Там же. Л. 7, 8, 10.

³⁷¹ Там же. Л. 10, 11.

По данным статистики, на Урале в первой половине 1931 г. участились нападения на колхозы. Из них 19,4 % оканчивались поджогами, 34,7 % – насилием над активистами, 15,8 % – порчей машин, 4,6 % – отравлением скота³⁷².

Тотальному обобществлению крестьянство противопоставило отрицание колхозной собственности. Однако четко сформулировать свои мысли безграмотным и малограмотным людям было сложно, и на практике это отрицание выразилось в безразличии к общественной собственности, нерадивом к ней отношении и растущем воровстве зерна и других продуктов сельскохозяйственного производства. Кража зерна была вызвана инстинктом самосохранения людей в обстановке голода 1931-1933 гг. В сводке ОГПУ отмечалось: «Хищение хлеба подчас принимает массовый организованный характер, причем во всех стадиях производственного процесса, начиная с обрезания колосьев на полях и кончая транспортировкой на склады»³⁷³. В «Инструкции всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры», подписанной Сталиным и Молотовым 8 мая 1933 г., этот этап сопротивления крестьянства характеризовался следующим образом: «Дальнейшее сопротивление кулацких элементов, вредительство в колхозах и совхозах, вскрытое в 1932 г., широко распространившиеся массовые хищения колхозного и совхозного имущества...»³⁷⁴ В 1932 г. ко всем другим актам протеста добавилось массовое бегство из спецпоселков, а также из колхозов, деревень и сел в город. По наблюдениям исследователей, в 1932 г. из колхозов Уральской области выбыло 35,4 тыс. крестьянских хозяйств³⁷⁵. Все вышеозначенные формы протеста крестьян-раскулаченных сохранились до сер. 1930-х гг. Новая волна крестьянского террора поднялась в 1932-1933 гг. За июнь-сентябрь 1933 г. оперсводками зафиксировано в Уральской области 42 убийства, 35 покушений, 21 отравление, действие многих банд³⁷⁶. Начальник Управления НКВД по Свердловской области И. Решетов докладывал Г. Ягоде в ноябре 1934 г. о том, что из переданных в «Западолес» и «Свердлес» 130613 спец-

³⁷² Документы свидетельствуют. С. 491-493.

³⁷³ Цит. по: Иванова М. А. Указ. соч. С. 92.

³⁷⁴ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 22. Л. 58.

³⁷⁵ Иванова М. А. Указ. соч. С. 92.

³⁷⁶ Там же.

переселенцев за 3,5 года бежало 60214 чел. (см.: Приложение 9 к главе 4. Ч. 2. Приложения)³⁷⁷.

Протест крестьян против политики раскулачивания и коллективизации, как хорошо видно из вышесказанного, носил поистине массовый, народный характер. Формы его были весьма разнообразны: устные и письменные заявления, саботаж и забастовки, бегство, систематическое нарушение антигуманных законов диктатуры, хищение государственное имущества, террор и вооруженная борьба. Понятно, что этот протест мог быть только стихийным и неорганизованным явлением в обстановке, когда уровень политического сознания и элементарной грамотности многих крестьян был чрезвычайно низок, отсутствовали какие-либо политические партии, выражавшие их интересы, а сами жертвы оказались совершенно безоружны перед лицом вооруженной и жестко централизованной власти.

Тем не менее, это сопротивление оказало несомненное воздействие на Сталина и его окружение, заставило несколько разнообразить арсенал методов и средств воздействия на крестьян и общество в целом. На начальном этапе раскулачивания-спецссылки преобладали прямые репрессивные методы и средства. Партия организовала широкую пропагандистскую кампанию под лозунгом «ликвидации кулачества как класса» и достаточно спокойно относилась к массовой гибели крестьян. Крестьянство было разделено на категории, которые натравливали друг на друга. Используя ненависть люмпенизированной части деревни к зажиточным, умеющим хорошо трудиться и «за себя постоять» крестьянам, партийные пропагандисты породили обстановку второй гражданской войны. Результатом этой войны стало исчезновение основы сельскохозяйственного производства, а также вражда и злоба, посеянные как во взаимоотношениях односельчан, так и в отношении между городом и деревней. Власть использовала в войне с крестьянством сохранившиеся общинные традиции. В июне 1930 г. за подписью председателя Тагильского окрисполкома появился документ, излагающий порядок организации контроля за

³⁷⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 48, 49.

оставшимися в деревне раскулаченными и другими неблагонадежными элементами (см.: Приложение 1 к главе 4. Ч. 2. Приложения). Всех раскулаченных разбивали на десятки (десятидворки) и назначали во главе них старосту, обязанного доносить обо всех антисоветских высказываниях и «преступлениях», совершенных во вверенной ему десятке. В документе резюмировалось: «Институт выделенных старшин надо максимально использовать для получения сведений о настроении десятков. Полученные сведения немедленно же направлять районному уполномоченному ОГПУ»³⁷⁸. В постановлении бюро Уралобкома от 5 февраля 1930 г. рекомендовалось: «В отношении кулацких семейств... учитывать возможность их расслоения с противопоставлением..., отдельных элементов молодежи, остальной части кулачества и возможность организации особого рода производственных артелей»³⁷⁹. Артель была идеальной организационной формой для доносов и круговой поруки.

Постановление коллеги Наркомзема РСФСР от 1 февраля 1931 г. настаивало на том, что спецпоселки «должны находиться вне района сплошной коллективизации и по возможности между этими районами, чтобы последние оказывали идеологическое воздействие на население поселков...»³⁸⁰ В Положении о спецпереселенцах от 31 марта 1931 г. утверждался принцип «групповой и индивидуальной поруки» спецпереселенцев «за точное выполнение существующих правил режима». Здесь же говорилось о штрафных командах как форме наказания поселенцев³⁸¹. ОГПУ позаботилось о четком разделении спецпереселенцев и вольнонаемных на производстве и 30 июня 1931 г. решение об этом приняла комиссия Андреева³⁸². Спецпоселки строили как можно дальше от районных или иных центров. Хорошо известна изначальная установка кампании раскулачивания-спецпереселения – «не давать переселенцам обрести хозяйство», чтобы навсегда оставить их рабами леспромхозов.

Усиленное бегство переселенцев, систематические прогулы на производстве, саботаж, низкая квалификация труда и

³⁷⁸ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1221. Л. 139-140, 141.

³⁷⁹ Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 32.

³⁸⁰ Там же. С. 36.

³⁸¹ Там же. С. 40, 41.

³⁸² Плотников И. Е. Как ликвидировали кулачество на Урале. С. 163.

активное сопротивление вызвали изменения в методах управления спецссылкой. Во второй половине 1931 г. был взят курс на «отрыв» детей спецпереселенцев и молодежи от родителей и создание на этой почве «нового» человека. Нужда в квалифицированных кадрах промышленности дала толчок новым формам организации труда – от артели к бригаде, к использованию социалистического соревнования и ударничества, сдельно-премиальной оплаты труда и различных поощрений за перевыполнение норм выработки.

«В спецпоселках в 1930/1931 уч. г. не было ни одной школы и ни одного учителя», а учились только те дети из ссыльных, которые жили вместе с коренным населением. «К весне 1931 г. только 15,5 % детей спецпереселенцев были «охвачены» школьным обучением». Взрослым и молодежи предлагались в 1930-1932 гг. лишь платные курсы ликбеза и «Красные уголки». На 1 марта 1932 г. из 31,4 тыс. неграмотных переселенцев только 21,3 % были охвачены ликбезом. Если весной 1931 г. для культурно-массовой работы среди молодежи действовали единичные избы-читальни и красные уголки, то к марту 1932 г. – работали 50 изб-читален, 277 красных уголков и 348 кружков (драматических, хоровых, музыкальных, безбожников, политические). Через все эти пропагандистские формы образования молодым спецпереселенцам внушалась новая мораль, позволяющая считать своих родителей «врагами народа». К марту 1932 г. всеобщим обучением (7-летним) уже было охвачено 82,2 % детей спецпереселенцев в возрасте от 8 до 11 лет. Постоянным страхом для карательных органов было наличие большого количества учителей из числа спецпереселенцев на начало 1932 г. – 42,2 %. Их срочно, путем мобилизации педкадров на Украине, Северном Кавказе, Белоруссии заменяли на вольнонаемных – «настоящих патриотов своей страны». Для повышения квалификации кадров промышленности переселенческую молодежь вовлекали в школы крестьянской молодежи, фабрично-заводские училища, школы ученичества массовых профессий. Желание учиться всячески поощрялось³⁸³.

³⁸³ Сапожников А. Г. К вопросу о размещении и жизни спецпереселенцев на Урале в начале 30-х гг. С. 89; Раскулаченные-спецпереселенцы на Урале. С. 20, 21.

Одной из типичных была картина детского образования и воспитания в спецпоселках Нижнего Тагила. На 1 сентября 1931 г. общий контингент учащихся-спецпереселенцев составил 2505 человек, из них русских – 1548, украинцев – 502, татар – 37, эстонцев – 2, мордвы – 2, немцев – 52. Школьники ходили в лаптях и рваной одежде. В школах не было ни парт, ни классных досок, с перебоями доставлялись вода и дрова, печи едва теплились. Направленные из Уралоно учителя сбегали с работы. А те педагоги, которые оставались, должны были свято выполнять директивы Уралоно и ОГПУ. Инструкции гласили: «Задача школы – оторвать детей от идеологического влияния семьи, разложить семью, воспитать ребенка в коммунистическом духе и развивать в детях классовую ненависть к врагам советской власти (кулакам и т. д.)». Учителей обязывали разоблачать родителей в глазах детей, показывая им «в ярких образах всю сущность исторически злейшего врага крестьянства (*т. е.* «кулака» – *В.М.К.*), трудящихся масс, обнажать перед ними клыки этого матерого хищного волка-эксплуататора...» Тех же «воспитателей душ», которые не подчинялись инструкциям, предупреждали: «За обнаруженное дальнейшее оппортунистическое отношение к развертыванию этой работы лица будут немедленно привлекаться к строжайшей ответственности»³⁸⁴.

За 1932-1933 гг. в спецсылке значительно выросло число школ и культурно-массовых заведений, стали функционировать десятки детсадов и яслей, началось освобождение спецпереселенцев, зарекомендовавших себя преданностью властям и ударным трудом.

Народный комиссариат просвещения стремился сблизить школы в спецпоселках по видам деятельности и особенностям воспитательного процесса с обычными школами (см.: Приложение 10 к главе 4. Ч. 2. Приложения). В одном из указаний Наркомпроса заведующим отделами народного образования на местах, говорилось: «Необходимо довести до сознания каждого педагога, что школа в спецпоселке является школой советской, что ее ответственнейшей задачей является отвоение школьников спецпереселенцев из-под кулацкого влияния своих

³⁸⁴ См.: Книга Памяти. Екатеринбург, 1994. С. 49-50.

родителей... Надо уяснить, что учащиеся школ на спецпоселках пользуются одинаковыми правами голоса, как в обычной советской школы, с полным правом иметь свои выборные ученические детские организации, голос на ученических собраниях и слетах...»³⁸⁵ В то же время в инструкции по обследованию учебно-воспитательной работы школ в спецпоселках тот же Наркомпрос советовал: «1. Приведите конкретные случаи, когда имела место со стороны учащихся нездоровая критика мероприятий советской власти (защита кулачества, религии и т. п.). Кто выступал – отдельные ученики или группы. Как реагировал на это выступление педагог и школа в целом... 2. Если в среде учащихся возникали или существуют какие-либо организации реакционного (контрреволюционного) характера – назовите каждую из этих организаций, опишите ее занятия и способы ликвидации данной организации...»³⁸⁶

После принятия 24 мая 1934 г. постановления ЦИК СССР «О порядке восстановления в гражданских правах бывших кулаков» – расширилась практика восстановления избирательных и иных прав спецпереселенцев. Промышленность Урала получила тысячи квалифицированных рабочих из числа спецпереселенцев, которые работали не хуже, а иногда и лучше, чем вольнонаемные. Но, как уже говорилось ранее, социалистическое государство «отечески» держало руку на горле раскулаченных и после формального возвращения им избирательных прав Конституцией 1936 г. Действовали запреты на выдачу паспортов и трудовых книжек, ограничивались передвижение и смена работы. Всегда было вероятно возвращение практики репрессий, что и произошло в 1937 г., когда только в пределах Свердловской и Челябинской областей Урала было решено репрессировать 16 тыс. «бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Пролетарская диктатура, чаще ударяя кнутом и иногда одаривая пряником, сумела искалечить сотни тысяч крестьян, превратив их в покорных рабов. Значительная часть из детей спецпереселенцев поверила в мифы социализма и двинулась по пути зла в тупик «развитого социализма». Другим же пришлось скрыть свои истинные чувства и затаить их на долгое время, подчиняясь силе и общему ослеплению.

³⁸⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 22. Л. 11, 11об.

³⁸⁶ Там же. Л. 12, 12об.

Глава 5.

Репрессии по контрреволюционным делам. 1928-1940 гг.

1. Борьба за новую генеральную линию партии. 1928-1934 гг.

Прошедший в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), определяемый в советской партийной литературе как съезд коллективизации, наметил приоритеты нового этапа классовой борьбы. Их очень легко вычленишь по пропагандистским клише центральной и местной печати. В качестве образца возьмем лишь одно издание – газету «Рабочий» (орган Тагильского окружкома ВКП(б), Окрпрофбюро и Окрисполкома).

Анализ подшивки «Рабочего» за 1928 г. позволяет выделить такие главные пропагандистские проблемы как: угроза войны и подготовка к ней, разоблачение «кулацкого террора» и отпор «классовому врагу» при выборах в советы, активизация деятельности «безбожников», осуждение деятельности «шахтинских заговорщиков», статус и роль рабселькора в разоблачении «врагов народа»³⁸⁷.

Методы идеологической обработки населения тесно увязывались с политикой партии, а эффективность их использования

³⁸⁷ См.: Рабочий. 1928.

обеспечивалась иерархической структурой государства, в котором массовые периодические издания являлись «приводным ремнем» диктатуры. Вождь и политики, подвластные ему, искусно обосновывали необходимость «вынужденных» репрессивных мер против врагов социализма. До приговора по Шахтинскому делу в газете идут материалы под названием «Не допустим роста спецеждства», а после появления приговора в печати – «В Верхотурье свила гнездо шайка «бывших людей» (о врагах-спецах)³⁸⁸.

Продолжала развиваться система массового доносительства и закреплялся статус «бдительного ока народа» – рабселькора. В постановлении ЦК партии от 28 августа 1926 г. рабселькорское движение было определено как одна из форм рабоче-крестьянской общественности. Постепенно расширялись права рабочих и сельских корреспондентов, их полномочия закреплялись в ряде секретных постановлений. Периодическая печать обосновывала роль рабселькора и внедряла стереотипы его восприятия в сознание народа. В январе 1928 г. в «Рабочем» печатался материал «Рабкор – ходячая прокуратура. Кто прав? Слово за хозяйственниками», в феврале – «Рабкоры, будем помогать партии и советской власти выполнять решения XV съезда партии, крепить связи с газетой «Рабочий», РКИ и прокуратурой». Материал августовского номера уже совершенно категоричен – «Рабкоры требуют применить высшую меру наказания к убийце»³⁸⁹.

К концу 1920-х гг. рабселькоры фактически стали агентурой ОГПУ, которое проявляло ответную заботу о них. Им присваивались псевдонимы, несанкционированная расшифровка которых, согласно циркуляру суда РСФСР, является «уголовно наказуемым преступлением»³⁹⁰. Страницы «Рабочего» пестрили довольно грозными и революционными псевдонимами-кличками: Игла, Шило, Лезвие, Острый, Оса, Горн, Око, Зуботычка, Игрек, Зеро, Дьявол, Чорт, Фуганок, Дикий, Нетерпеливый, Скороход, Пардон, Красный сокол, Штурвал, Следопыт, Прокатчик, Маломальский, Мастерской, Рабкор № 4342,

³⁸⁸ Рабочий. 1928. 27 марта

³⁸⁹ Там же. 26 июня; 31 августа; 15 ноября; 24 января.

³⁹⁰ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 1. Д. 1830. Без л.

Вопиющий, Рабкоровский, Чернорабочий, Деревенский, Заречный и др.

Схема действия рабселькора была проста. Обнаруживая «врагов народа», он писал агентурное донесение в ОГПУ, которое в интересах этого ведомства часто превращало в газетную статью и попадало на страницы «Рабочего». Редакция газеты посылала подлинник заметки в орготдел горсовета с визой «Для расследования». «Рабочий» ждал ответа без напоминания, и вскоре следовал результат³⁹¹. Таким образом, организовывалось «всенародное обличение замаскировавшегося врага», и ОГПУ только оставалось выполнить свою роль – расправиться с ним.

Рабселькоры начинали поиск конкретных врагов партии и их разоблачение: «бывших» (дворян, белогвардейцев, торговцев, жандармов...), нэпманов, священнослужителей. Каждая корреспонденция-донос обрекала на преследование главного героя такого материала. В 1929 г. подобные доносы стали все более частыми и персонифицированными.

Ключевыми темами «Рабочего» в год «Великого перелома» являлись следующие: «пролетарская сплоченность» на очередных выборах против «кулака, нэпмана и попа», «штурм религии», борьба с правым уклоном и примиренчеством, подготовка к чистке партии, разоблачение «бывших».

На страницах газеты называлось более 20 конкретных врагов, среди них преобладали «бывшие» и «кулаки», которых спешили лишить избирательных прав; раскрывались заговоры троцкистов в Верхотурье, происходила смена редакции «Рабочего» за троцкистские ошибки. Партактив Нижнего Тагила отмечал болезненные явления в рядах парторганизаций округа: в Никито-Ивдельской привлекалось к ответственности до 90 % состава, в Гаринской волости «коммунисты эволюционировали вправо, систематически снабжая хлебом чуждые элементы», происходило «разложение» группы ответственных работников Кушвинского района и т. д.³⁹²

В 1928-1929 гг. появились первые узники, осужденные по ст. 58 и числившиеся за Полномочным представителем ОГПУ по Уралу. По состоянию на 7 августа 1928 г. в Нижнетагильском Ис-

³⁹¹ Там же.

³⁹² См.: Рабочий. 1929. 3 января; 4 января; 24 января; 31 января; 14 февраля; 8 сентября; 18 сентября; 19 сентября.

правдومه по ст. 58-13 находилось два человека, чуть позже за ПП ОГПУ числилось в нем 20 человек. Были единицы таких заключенных в Надеждинском и Верхотурском труддомах. В декабре 1929 г. в Нижнем Тагиле по ст. 58 осудили 28 человек. Все они являлись крестьянами, попавшими под суд за хулиганство. Поскольку рука была поднята на сельских активистов, этих людей обвинили в контрреволюционных намерениях и антисоветской агитации³⁹³.

Следует отметить, что работа ОГПУ по выявлению врагов в этот период мало скрывалось от глаз обычного гражданина, сознание которого уже было отправлено доносительством во имя классовых интересов. Полномочный представитель ОГПУ по Уралу, фиксируя в своих докладных записках антисоветские проявления и проставляя гриф «совершенно секретно», на самом деле в нем не нуждался, ибо эти секреты через газеты были хорошо известны тагильчанам. ОГПУ инспирировало деятельность агентов-рабселькоров, а те, в пылу разоблачительной деятельности, поставляли жертвы карательному ведомству и толпе, жаждущей крови «бывших».

Сталин, проведя две партийные чистки: в советских и вузовских ячейках 1925 г. и деревенских ячейках 1926 г., отдал команду о генеральной чистке партии 1929-1930 гг.³⁹⁴ В Тагильской окружной парторганизации она шла с 15 июля 1929 г. по 7 мая 1930 г., как чистка партии и советского аппарата. В результате по округу было проверено 12535 коммунистов и «вычищено» 942 чел.; 1175 чиновников советского аппарата и «вычищено» 151 чел., получили выговор – 151 чел. Газета «Рабочий», как зеркало, отразила подробности этой «созидательной» деятельности. Вот типичные заголовки-темы номеров газеты за 1930 г.: «Ликвидация кулачества как класса», «Выявление агентов и пособников кулака в городе и селе»; «Чистка партии и советского аппарата»; «Ликвидация вредителей в рабочем снабжении»; «Борьба с клеветниками за генеральную линию партии»; «Двурушники и примиренцы за работой»; «Выявление лишенцев»; «Разоблачение лжеударников». Всего в газете фигурирует 70 фамилий врагов, которых выявили и сурово

³⁹³ НТФ ГАСО. Ф. Р-74. Оп. 1. Д. 79. Л. 38об.-39, 47об.-48об., 240, 259-259об., 447-447об.; Ф. Р-116. Оп. 1. Д. 144. Л. 32об.-35.

³⁹⁴ Авторханов А. Г. Технология власти // Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 108.

наказали. «Рабочий» осветил несколько «крупных» антисоветских дел. В январе «трудящиеся» дали «жестокий отпор кулацкой троице» в лице Мартынова, Сулимова и Фирсова, за агитацию против колхозов был разоблачен рабочий Долгоруков из Верхней Салды, действия рабочего Суховольского в Нижней Салде были осуждены по ст. 58 с наказанием в 10 лет концлагеря и 5 лет поражения в правах. В Надеждинске осудили за вредительство четырех рабочих: Вафина, Старкова, Шейхутдинова, Козина; первый из них был приговорен к расстрелу, остальные получили разные сроки наказания. Осудили за выступление с антисоветскими лозунгами рабочих Алапаевского завода Закожурникова, Воробьеву, Щепочкину, Шомполову, Говырину³⁹⁵. Еще в январе 1930 г. на имя Тагильской окружной контрольной комиссии пришло анонимное письмо от 13 рабочих Алапаевского завода (см.: Приложение 1 к главе 5 Ч. 2. Приложения). Одновременно оно было послано в ЦК ВКП(б), Областной и Окружной комитеты ВКП(б). В нем, в частности, говорилось: «Или у вас сидят в верхах контрреволюционеры и делают жизнь не так, как пишут в газетах, или у вас сидят в верхах слепые и не видят, до чего довели жизнь и нас, рабочих... Попробовали мы в заводе попросить прибавки пайка, так сразу нам сказали, что это правый уклон, где же тут власть была у нас в 1918 г., где все было по-нашему, а теперь за нами шпионят, ладно ли говорил... В газетах только одно вранье все пишут, что там завод пустили, да там работа идет полным ходом, а товары все черти съели, ничего в газетах нет хорошего – только сплетни, читать нечего, только друг друга подъедают, да подковыривают»³⁹⁶. Начальник окротдела ОГПУ сразу взялся за дело – обнаружение авторов. В марте были арестованы вышеуказанные пять человек, но являлись ли они настоящими авторами письма – сказать трудно.

В октябре 1930 г. «Рабочий» описывал итоги разбирательства по деятельности оппортунистов, двурушников и примиренцев в самой редакции газеты, а также в ряде учебных заведений города. Редактор «Рабочего» Калигин, его заместитель Копытцев и журналисты Шмаков, Дудоров, Данилин, Кондратьев,

³⁹⁵ Рабочий. 1930. 21 марта; 26 марта.

³⁹⁶ НТФ ГАСО. Ф. Р-21. Оп. 1. Д. 1219. Л. 14-16.

Кузнецов были исключены из партии и уволены. В горно-металлургическом техникуме подвергли чистке 16 человек. Пострадали преподаватели и студенты педтехникума, рабфака³⁹⁷. В чем же обвиняли журналистов? Например, Калигин, по мнению твердых коммунистов-сталинцев редакции, не вел борьбу за генеральную линию партии, выбрасывал материал о правом и левом уклонах. Как раз в это время подвергся разгрому «право-троцкистский блок Сырцова, Ломинадзе, Шацкого», а обвиненные журналисты на свой страх и риск распространяли брошюру Сырцова³⁹⁸. Кроме того, они нанесли кровную обиду рабкорам. Последние жаловались, что члены редакции «Рабочего» старались обо всем писать сами, гонясь за гонораром и зажимали их – рабочих корреспондентов. Был придуман и соответствующий уничижительный термин – «оппортунисты-строчкогонны»³⁹⁹. Настроение рабселькоров было одновременно весьма боевое и тревожное, так как еще в мае в д. Ясьва «кулаки» убили селькора Худоярова. По этому делу осудили семь человек, одного приговорили к расстрелу. В следующем месяце страницы газеты были отведены для сражения с «правооппортунистической контрреволюционной «лощеновщиной» и «крюковщиной». Студент Крюков в педтехникуме «напал на генеральную линию партии» и заявил, что темпы, взятые пролетариатом, «невыполнимы», говорил о прекрасном материальном положении рабочих на Западе. Его поддержали два студента второго курса. Слушатель Лощенов на рабфаке при осуждении дела «Промпартии» высказался в поддержку «спецов», его поддержал Новоселов⁴⁰⁰.

Публикации в газетах были напрямую связаны с основными направлениями идеологического обеспечения политики репрессий. В напряженной обстановке, вызванной крахом ускоренной коллективизации, неурожаем, срывом хлебозаготовок, партии нужно было оправдать свои действия, развеять возникшие у людей сомнения. С этой целью неудачу взваливали на правых и левых оппортунистов, объясняя просчеты недостаточной пролетарской твердостью в проведении генеральной линии ВКП(б).

³⁹⁷ Рабочий. 1930. 26 ноября; 21 ноября.

³⁹⁸ Там же. 1930. 26 ноября.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Рабочий. 1930. 28 ноября.

Сомневающих сначала предавали «суду народа», а затем сурово наказывали. С помощью массированного идеологического прессинга партийно-государственная машина стремилась переломить общественные настроения в свою пользу и продолжить борьбу за социализм.

Немало пришлось потрудиться в год массовой коллективизации идеологам, политикам и функционерам советского государства, ибо сопротивление народа нарастало. Роль ОГПУ в жизни страны становилась все более заметной, и потому это ведомство «от души» поздравили в тринадцатую годовщину со дня его создания. Фотографии старых тагильских чекистов А. С. Черепанова, И. В. Сега, П. М. Дудина появились на страницах газет, а в статье «На переломе великой пятилетке» писалось: «В обстановке ожесточенной классовой борьбы в городе и деревне тагильские рабочие и административно-технический персонал строили новую доменную печь № 1, «печь имени ОГПУ»⁴⁰¹.

«Битва» с оппозиционерами, регулярные «чистки» коснулись всех предприятий города. Большевики Высокогорского железного рудника сражались с «кулацкой агентурой» в 1927-1929 гг. В год «Великого перелома» на ВЖР прошла партийная чистка – появились первые жертвы нового этапа «ожесточенной классовой борьбы». Однако чистка не принесла желаемых экономических результатов как в масштабах страны, так и в Тагиле. Первая пятилетка оказалась под угрозой срыва, сдвигов в производительности труда не происходило. Дело заключалось не во «вредителях», а в системе хозяйствования. На Урале развитию промышленности мешала система округов. Началась реконструкция. Наряду с приказными методами использовали материальные стимулы к труду, возобновилось движение хозрасчетных бригад. Однако дело шло по-прежнему туго и снова «закручивались гайки», вздымались волны кампаний по выявлению «вредителей». В 1929 г. партийно-хозяйственное руководство рудника было полностью заменено, директором назначили А. А. Давыдова. Он увидел корень бед в отсутствии механизации рудничных работ и с энтузиазмом взялся за преобразования: перешел к открытой добыче руды, пустил ка-

⁴⁰¹ Там же. 1930. 19 декабря.

натную дорогу в Граневой выработке. Результаты не замедлили сказаться: повысилась производительность труда, и в 1933 г. (впервые с 1930 г.) был выполнен план работы.

Наступление коммунистов на российскую деревню привело в конце 1920-х – начале 1930-х гг. к продовольственному кризису. Трудности с продовольствием в городах власти привычно объясняли происками оппортунистов и вредителей. В 1930 г. ОГПУ раскрыло заговор вредителей в рабочем снабжении. О результатах бодро писала печать: «Революция безжалостно сметает своих врагов. Вредители рабочего снабжения расстреляны. Шлем пролетарский привет бдительному стражу Октября – ОГПУ!» Расстреляно было 45 человек, многие из них – дворянского происхождения. Партия, проводя классовую политику в условиях резкого сокращения сельскохозяйственной продукции, решила снабжать рабочих через систему закрытых распределителей. При этом пропагандистская машина убеждала советских граждан, что «бывшие» объедают рабочих, подделывают документы и получают неположенные им продукты. В Нижнем Тагиле с 15 по 25 октября 1930 г. проводилась проверка заборных книжек и состава населения, находящегося на снабжении в ЦРК, к 15 октября было решено оформить сеть закрытых распределителей⁴⁰². Созданная система снабжения, однако, отнюдь не улучшала питание рабочих, а лишь укрепляла привилегии партийной и советской номенклатуры.

Политико-экономические характеристики Нижнетагильского района, по данным исполкома горсовета на 1 мая 1931 г., сводились к следующим цифрам: всего населения в Нижнем Тагиле – 56 тыс. чел., в районе – 19 тыс. чел. Кулаков и «прочего нетрудоспособного населения» в городе насчитывалось 28,8 %, самодеятельного населения 25872 чел. (рабочих – 12976, служащих – 7762, прочих – 5174). Согласно данным административного отдела горсовета, «по числу классово-чуждого и антисоветского элемента Тагильский район занимает первое место по бывшему округу или 5,2 % к общему числу населению района. Лишенцев до 900 чел., закоренелых обывателей и церковников – до 100 чел., нэпманов, кулаков и зажиточных – до 900 чел.

⁴⁰² Там же. 11 октября.

Кулачество и зажиточная часть после небольшого затишья вновь повела усиленную агитацию против большевистского сева, против колхозов, угрожая местным работникам и колхозницам расправиться штыком, усиленно проповедуется «война». При проведении отчетно-перевыборной кампании Советов оживилась деятельность классовых врагов на заводах и рудниках»⁴⁰³. Многочисленные спецзаписки ОГПУ – «О прорывах на Высокогорском рудоуправлении», «Ход борьбы за выполнение промфинплана и ликвидации прорыва на Тагильском заводе», «О политнастроении инженерно-технического персонала и состоянии хозрасчетных бригад» – вскрывали деятельность антисоветских «элементов» на предприятиях⁴⁰⁴. Путем жесткого контроля настроений и действий людей власть пыталась решить многие чисто экономические проблемы.

Политическая ситуация в Нижнетагильском округе и его центре заметно усложнилась с началом массового переселения на Урал раскулаченных. Особое недовольство проявляли прибывшие издалека: крымские спецпереселенцы и раскулаченные казаки с Кубани, Дона. Их антисоветские высказывания и действия привели к десяткам арестов по ст. 58 п. 10⁴⁰⁵. Подвергали аресту и местных крестьян, искусственно формируя из них «кулацкие группировки». Так, например, было арестовано почти все семейство Авдюковых (6 чел.) из д. Сартаково Петрокаменского района. Тройка ПП ОГПУ по Уралу осудила их за антисоветскую агитацию на сроки от 3 до 10 лет или на высылку в районы Северного Урала⁴⁰⁶.

В 1931 г. основными направлениями партийной пропаганды в газете «Рабочий» стали: борьба с контрреволюционным троцкизмом, меньшевиками, правыми и левыми оппортунистами (в связи с письмом Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма»), борьба за большевистскую линию в изучении истории партии и партийной учебе; борьба за хлебозаготовки, против массового сокрытия товарного зерна; обсуждение шести условий из речи Сталина 23 июня 1931 г. и борьба за их осуществление⁴⁰⁷. Положение рабкора стало еще более устойчивым и

⁴⁰³ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 2. Л. 188, 185, 186, 215.

⁴⁰⁴ Там же. Д. 22. Л. 64-68, 89-104, 107-108, 119.

⁴⁰⁵ См. напр.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43891, 43535.

⁴⁰⁶ См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43448, 43518.

⁴⁰⁷ Шесть условий победы социалистического производства (из речи И. В. Сталина перед хозяйственными руководителями страны 23 июня 1931 г.):

- организованно набирать рабочую силу в порядке договоров с колхозами;
- ликвидировать текучесть рабочей силы, уничтожить уравниловку, правильно организовать заработную плату, улучшить бытовые условия рабочих;
- ликвидировать обезличку, улучшить организацию труда, правильно расставить силы на предприятии;
- добиться того, чтобы у рабочего класса в СССР была своя собственная производственно-техническая интеллигенция;
- изменить отношение к инженерно-техническим силам старой школы. Проявлять к ним побольше внимания, заботу и смелее привлекать их к работе;
- внедрить и укрепить хозрасчет, поднять внутривидовое накопление (См.: Рабочий. 1932. 28 мая).

определенным, судя по типичным заголовкам статей о его деятельности: «Рабкор – разоблачитель, организатор борьба за план и темп»⁴⁰⁸.

В марте 1931 г. главное внимание в газете было уделено разгрому контрреволюционеров – меньшевиков, разоблачению кулацких вылазок. В апреле-мае прошла чистка комсомольских организаций города, и за связь с кулаками были исключены из комсомола Истомин, Трошков, Егошин и другие, в педтехникуме разоблачена «мансуровщина». Слушатель педтехникума, «кулацкий подпевала» Мансуров на литературном диспуте 8 мая критиковал пролетарскую литературу и сказал, что в ней, кроме Есенина, нечего читать. По его мнению, пролетариат, как господствующий класс, не может создать литературу, подобную творчеству Пушкина, Лермонтова. Творить может только кулак, ликвидируемый сегодня как класс, ибо всегда настоящая литература вырастает из противоборства с господствующим классом. Статья в «Рабочем», посвященная «мансуровщине», называлась «Кулацкий подпевала Мансуров под маской чудачества клеветает на генеральную линию пролетарской литературы»⁴⁰⁹.

Оппортунизмом объясняла газета почти все неудачи в хозяйственной жизни. Типичен в этом смысле заголовок статьи «Изгнать правый оппортунизм из практики молокозаготовок»⁴¹⁰. Идеологическая установка на классовую борьбу вызывала чисто физические действия. В корреспонденции «Суд. Месть классового врага» говорилось о наказании «подкулачников» за избиение колхозников. И. Н. Аристов, Ф. П. Аристов, Е. П. Аристов, А. В. По-Чи-Кун, И. М. Крюков и другие из деревни Зырянка Егоршинского района были осуждены на сроки от 3 до 5 лет по ст. 58 п. 8 УК РСФСР⁴¹¹.

Обсуждение письма Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» требовало усиления массовой бдительности и разоблачения новых врагов. Таковыми стали: рабочий механического цеха завода им. Куйбышева меньшевик Кирюшин и коммунисты электроцеха того же завода Нехорошков и Оносов. Кирюшин 23 декабря при обсуждении политического письма говорил: «Трудности являются результатом ком-

⁴⁰⁸ Рабочий. 1931. 9 мая.

⁴⁰⁹ Там же. 12 мая.

⁴¹⁰ Там же. 19 мая.

⁴¹¹ Там же. 13 июня.

мунистических идей..., найдутся другие люди (*кроме большевиков – В.М.К.*), которые могут быть руководителями рабочих»⁴¹². За такие высказывание его заклеили контрреволюционером, троцкистом-меньшевиком. Нехорошков и Оносов 24 декабря на собрании партийной ячейки электроцеха выступили с тезисом развития «вперед легкой промышленности, а не тяжелой». Нехорошков не захотел признавать своей ошибки, и был исключен из партии как «агент классового врага», Оносов повинился, и его простили⁴¹³. Всего за 1931 г. «героями» публикаций «Рабочего» стали 16 «классовых врагов».

В следующем 1932 г. масштабы классовой борьбы, в связи с неудачами в выполнении пятилетнего плана, расширились. Определяющими темами газетных публикаций были: бдительность в борьбе за генеральную линию партии; борьба против «оппортунизма и гнилого либерализма» (на основе идей статьи Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма»); активная пропаганда шести условий победы социалистического производства, выдвинутых Сталиным. Планы первой пятилетки совершенно очевидно провалились, на производстве царил анархия, не улучшалась трудовая дисциплина, низкой оставалась производительность труда. Развившееся после дела Промпартии «спецеество» лишало промышленность опытных инженеров-профессионалов. Поэтому одним из «шести условий» стало изменение отношения к «инженерно-техническим силам старой школы». Отсюда новая тема в газетных публикациях: «За невнимание к материально-бытовым нуждам специалистов – к ответу!»⁴¹⁴ Классовый враг, с целью установления дисциплины на производстве, стал выявляться среди прогульщиков, недисциплинированных и неумелых рабочих. Проходной темой оставалась – «Сломить кулацкий саботаж!» «Героями» публикаций на тему классовой борьбы стали 47 тагильчан. В январе 1932 г. на страницах «Рабочего» развернулась кампания борьбы с оппортунистами, троцкистами и примиренцами в Совпартшколе и Ваногостроительном техникуме, во время которой пострадало 11 человек. 4 января в «Рабочем» было опубликовано постановление бюро Уралобкома ВКП(б) о ходе

⁴¹² Там же. 26 декабря.

⁴¹³ Там же. 1932. 28 мая; 30 мая.

⁴¹⁴ Там же.

обсуждения письма Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». Оно гласило: «Беспощадно разоблачать троцкистских контрабандистов, оппортунистов всех мастей и носителей гнилого либерализма»⁴¹⁵. Постановление бюро РК ВКП(б) по вагоностроительному техникуму и СПШ было принято 1 января 1932 г. Заведующий учебной частью техникума, преподаватель диамата Шепчинский на своих занятиях осмелился ставить перед студентами провокационные, «троцкистские» вопросы типа «Какую бы форму носила коллективизация в случае успеха интервенции и победы «промпартии»? Студенты Мерзляков и Гамберг отрицали ленинское положение «политика – концентрированная экономика», настаивали на тезисах: «Советы в деревне захлестываются мелкой буржуазией» и «Переход к НЭПу означал сдачу позиций Октября партией буржуазии». Разоблаченные «троцкисты» и их «пособники-примиренцы» были исключены из партии, комсомола и уволены с работы⁴¹⁶.

В августе 1932 г. оппортунистов обнаружили в Стандартжилстрое. Согласно постановлению бюро Нижнетагильского РК ВКП(б) и Президиума городской Контрольной комиссии о состоянии Стандартжилстроя, «оппортунисты» Дьяченко, Тумилович, Панков и Фоминых были исключены из партии. Член парткома Тагилстроя Дьяченко, в частности, обвинялся в том, что в статьях в газету «За металл» протаскивал троцкистские установки и «расхолаживал трудовой энтузиазм рабочих»⁴¹⁷. В этом месяце завершилось дело о «пособниках классовых врагов» в Туринском районе. За левацко-оппортунистическое руководство, выразившееся в нарушении революционной законности, финансовой и налоговой дисциплины, были изгнаны из партии и уволены: Бродягин – секретарь РК ВКП(б), Попов – председатель РИКа, Никифоров – председатель районной контрольной комиссии, Белоусов – заорг РК ВКП(б), Коровин – председатель колхозсоюза, Шишмакова – заведующая райфо, Коледа – райпрокурор и Ленская – зав. бюро жалоб⁴¹⁸.

⁴¹⁵ Там же. 4 января.

⁴¹⁶ Там же. 11 января; 2 января.

⁴¹⁷ Там же. 24 августа; 22 января.

⁴¹⁸ Там же. 3 августа.

В сентябре в газете публиковались материалы по чисто уголовному делу в действиях «шайки расхитителей социалистической собственности» на товарном дворе станции Нижний Тагил. Однако и это дело было использовано для разжигания классовой ненависти. Почти все 15 осужденных оказались в прошлом «добровольцами белой армии, агентами колчаковщины и сектантами». Суровость наказания – 4 смертных приговора – явно зависела от политических, а не правовых установок⁴¹⁹. В декабре 1932 г. появились разоблачительные материалы о «чужаках» на НТМЗ и ВМЗ. Выявленные «кулаки», «рвачи» и «вредители», дети священнослужителей были исключены из партии и уволены с работы. Пострадало шесть человек⁴²⁰.

В газете систематически публиковался «дневник чистки партии» в связи с постановлением ЦК ВКП(б); широко освещался процесс вредителей на железнодорожном транспорте страны и Урала. Чистками 1925, 1926, 1929-1930 гг. партий изгнала из своих рядов более 800 тыс. чел. Выросла степень послушания партийных функционеров. Однако это не сделало партию ни «однородной», ни «монолитной», ни «дисциплинированной». В случае столкновения вне рамок партии, в случае вынужденной апелляции борющихся к народу, дело Сталина могло быть проиграно с большей степенью вероятности, и этой опасности Сталин не упускал из вида. Вопрос о безоговорочном подчинении себе партии был для Сталина вопросом жизни и смерти. Он хотел превратить ее в такую же фикцию, как Советы и профсоюзы, проведя новую, на этот раз более радикальную и универсальную чистку.

Генеральная чистка намечается на заседании Политбюро 10 декабря 1932 г., а 12 января 1933 г. это решение подтверждается объединенным пленумом ЦК и ЦКК. В нем речь шла уже не о чистке партии от «социально чуждых элементов» или «бывших оппозиционеров». На сей раз сталинское руководство нашло более эластичное и удобное определение для подлежащих чистке – «ненадежные». В постановлении пленума ЦК и ЦКК говорилось: «Объединенный пленум... поручает Политбюро ЦК и Президиуму ЦКК организовать дело чистки таким образом,

⁴¹⁹ Там же. 26 сентября.

⁴²⁰ Там же. 9 декабря; 24 декабря.

чтобы обеспечить в партии железную пролетарскую дисциплину и очищение партийных рядов от всех ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов»⁴²¹. Машина чистки была запущена, и за 1933-1934 гг. из партии исключили 362429 чел.⁴²²

В Тагильской парторганизации чистка началась 15 июля 1933 г. с цеха колес Гриффина на УВЗ. На 1 января 1934 г. в Нижнем Тагиле из партии исключили 22,3 % коммунистов, при этом в ОРС УВЗ – 54 %, горсовете – 53,6 %, в деревенских парторганизациях – 29,3 % их состава. Согласно градации комиссии по чистке, 27 % были исключены как «классово-чуждые», 23,9 % – как нарушители дисциплины, 15,6 % – за пассивность. В резолюции по итогам чистки говорилось: «Наиболее резко выявлены потеря классовой бдительности и зажим самокритики в ячейках: советских, ОРСовских, транспортных, партийной организации ВМЗ, где у руководства важнейшими участками партийной и советской работы находились классово-враждебные и чуждые элементы (Маньков – зам. председателя горсовета, кулак; Орлов, начальник хозяйственного управления горсовета, белогвардеец, семеновец; Корякова, секретарь горсовета, дочь тюремного палача; Ульянов, секретарь ячейки цеха № 3, кулак и др.), отдельные коммунисты, стоявшие во главе руководства этих организаций (Лабзенков – горсовет, Неволин – ОРС, Черепанов – Тагильская железная дорога, Потоскуев – секретарь парткома ВМЗ), потеряли классовую бдительность и сжились с врагом»⁴²³. По состоянию на 6 января 1934 г. из партийных ячеек горсовета, горно и юстиции было вычищено более 40 членов и кандидатов ВКП(б). В 1933 г. на Урале в результате чистки были сняты председатели почти всех крупнейших горсоветов. За этот год по 2364 сельсоветам Уральской области заменили 1789 председателей⁴²⁴. В докладе председателя Нижнетагильской городской Контрольной Комиссии и Рабоче-крестьянской инспекции Вейса говорилось о том, что в 1932-1933 гг. к партийной ответственности привлекли 699 чел., исключили из партии из этого числа 353 чел. В масштабах

⁴²¹ Там же. 1933. 12 мая.

⁴²² Авторханов А. Г. Технология власти // Вопросы истории. 1994. № 2-3. С. 111.

⁴²³ Рабочий. 1934. 6 января.

⁴²⁴ Винниченко О. Ю. Номенклатура и репрессии 30-х гг. // История репрессий на Урале в годы Советской власти. Тез. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 16.

Свердловской области за 1931-1933 гг. из рядов ВКП(б) исключили 17617 чел.⁴²⁵

В публикации «Рабочего» за 1933 г. названо более 60 врагов партии и народа. В январе Тагильская партколлегия городской Контрольной Комиссии ВКП(б) приняла постановление о троцкистской контрабанде Носова и Соловьева. В февральских номерах газеты разоблачены «антисоветские элементы» на ВМЗ число в шесть человек⁴²⁶. По причине перенасыщенности Нижнего Тагила спецпереселенцами городская милиция проводила регулярные чистки города накануне пролетарских праздников. Такая чистка была проведена в период с 25 апреля по 1 мая, в результате изъяли «классово-чуждого и социально-вредного элемента» 264 чел. С 25 августа в Нижнем Тагиле началась выдача паспортов и к 10 сентября их получили 10 тыс. чел., временных удостоверений – 442. При выдаче паспортов на производстве выявили «социально-чуждого элемента» 132 чел., «преступно-деклассированного» – 50, бежавших из высылки кулаков – 3 чел.⁴²⁷

С июльских номеров «Рабочего» начал печататься «Дневник чистки». В августе были выявлены враги и «буржуазные перерожденцы» в железнодорожном цехе, прошел судебный процесс над «руководителями преступной бесхозяйственности» в Тагильском отделении Пермской железной дороги. Перед судом, как «транспортные вредители», предстали шесть человек во главе с Н. П. Юровым-Юровским – начальником отдела тяги района и Ф. Г. Овчинниковым – начальником депо по станции Нижний Тагил. Обвинения были сформулированы на основе статей 58 и 59 УК. Рабочие на митинге 13 августа потребовали от суда применить к виновникам высшую меру социальной защиты⁴²⁸.

В сентябре на страницах «Рабочего» уже разоблачали и исключали из партии «перерожденцев-двурушников» Потоскуева и Скопцова (ВМЗ)⁴²⁹. В октябре нашли и разоблачили врагов на ВМЗ и медном руднике – братьев Ульяновых, Швецова и Францева⁴³⁰. Весь 1934 г. подводились итоги генеральной чистки. В книге «Были горы Высокой» по этому поводу говорится: «Чистка 1933 г. – большой итог в жизни рудника.

⁴²⁵ Попов Н. Н. Сталинские репрессии на Урале во второй пол. 30-х гг. // Там же. С. 75; Рабочий. 1934. 18 января.

⁴²⁶ Там же. 1933. 8 февраля.

⁴²⁷ НТФ ГАСО. Ф. Р-70. Оп. 3. Д. 66. Л. 4, 122.

⁴²⁸ Рабочий. 1933. 17 августа; 24 августа.

⁴²⁹ Там же. 9 сентября.

⁴³⁰ Там же. 16 октября.

Почти все, что происходило у Высокой в последние полвека, получило свое отражение в чистке»⁴³¹. Всего на ВЖР прошло 38 собраний, посвященных этому мероприятию, в них участвовало около 7 тыс. чел. Причем группа горняков-коммунистов посещала собрания всех цехов изо дня в день. Естественно, что о работе на это время пришлось забыть. Однако итоги оказались поразительны: по мнению авторов упомянутой книги, именно чистка повысила производительность труда до 128 %, а рудник выполнил программу 1933 г. и попал на всеуральскую Доску почета имени XVII Партсъезда. В то время как энтузиасты-коммунисты, презрев свои должностные обязанности, пылко разоблачали «кулацкую агентуру... – оппортунистов, двурушников, мошенников»⁴³², директор рудника Давыдов предпринимал отчаянные усилия по сохранению квалифицированных кадров рабочих. Именно его талант руководителя позволил добиться высоких показателей в работе и вывести рудник из кризиса.

Такая же ситуация сложилась и на Уралвагонстрое. Невыполнение планов строительства объясняли в духе теории классовой борьбы и с упоением чистили ряды партии, рассчитывая таким образом решить не только политические, но и хозяйственные проблемы. После 1933 г. численность партийной организации УВС резко сократилась. Однако из тупика строительство вывело совсем не это, а механизация работ и внедрение новых технологий строительства под руководством Г. З. Павлоцкого и Л. М. Марьясина.

В августе 1933 г. в Нижнем Тагиле и районе было арестовано 26 чел., обвиненных в принадлежности к «контрреволюционной диверсионно-вредительской и шпионской организации, охватывающей целый ряд промышленных объектов, промпредприятий, электростанций и военных заводов Урала». Экономический отдел ПП ОГПУ по Уралу, видимо, решил, провести судебный процесс по этому делу образцово-показательно. Брошюра о нем была распечатана типографским способом (см.: Приложение 2 к главе 5. Ч. 2. Приложения). В ноябре следствие по делу № 11071 завершилось – 1 чел. был приговорен

⁴³¹ Были горы Высокой. М., 1935. С. 382.

⁴³² Там же. С. 383-384.

к расстрелу, 12 – к десяти годам ИТЛ, пять – к пяти годам ИТЛ, восемь – к ссылке в Карелию на три года (Беломоро-Балтийский канал). Все осужденные проходили по ст. 58 пп. 4, 6, 7, 11⁴³³. В обвинительном заключении, в частности, говорилось: «Организация был связана и руководилась германским подданным, шефмонтером фирмы «Броун-Бовери» Э. Либгардтом, ныне работающим на Урале по индивидуальному договору в качестве консультанта «Востокостали» по воздухоудвному хозяйству... Деятельностью контрреволюционной организации были поражены: 1) снарядные заводы № 63 и 72 (в Нижнем Тагиле и Верхней Туре – В.М.К.); 2) Нижнетагильская электростанция; 3) Кушвинский металлургический завод; 4) медный рудник III Интернационала; 5) Висимский и Исовской золотоплатиновые прииски; 6) теплоэлектроцентраль Березниковского химкомбината... Целью организации было свержение советской власти при помощи интервентов капиталистических стран. Практическая деятельность была направлена по линии: 1) разрушения промышленных предприятий и электростанций путем прямой диверсии и вредительства; 2) сбора шпионских сведений о работе военных заводов и золотоплатиновой промышленности и политических настроениях населения»⁴³⁴. Без сомнения, дело об этой организации было частью борьбы с «заговорами спецов» и дела «Промпартии». Истоки шпионской деятельности Э. Либгардта находили в 1927 г.⁴³⁵

Каковы же результаты грандиозной «очистительной» работы, насколько изменились условия жизни и труда уральцев и что они сами об этом думали?

О настроениях молодых тагильчан в 1934 г. ярко свидетельствовало письмо 15-летнего студента горно-металлургического техникума Михаила Корякова⁴³⁶. В нем, в частности, говорится о голоде в уральской деревне и сложной ситуации с продовольствием в Нижнем Тагиле. Коряков писал: «Коммунисты отделились от рабочих закрытыми партактивами, а рабочему дали «ударные» магазины, в которых ничего нет, кроме муки, сечки, пальто..., капусты, соли, изредка консервы..., иногда сахар, просо, мясо и больше почти ничего нет, но есть прибитые до-

⁴³³ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 19420. Т. 1. Л. 72 (листы брошюры, находящейся в деле); Т. 9. Л. 488-492.

⁴³⁴ Там же. Т. 1. Л. 1 (брошюры).

⁴³⁵ Там же. Т. 9. Л. 506-509; Т. 1. Л. 3 (брошюры). Все осужденные по этому делу реабилитированы Военным трибуналом Уральского военного округа в июле 1956 г.

⁴³⁶ Свидетельства истории. Публикация документов. Екатеринбург, 1994. С. 25-28.

щечки, на которых черным по белому: «Ударнику – ударное снабжение»... Развивается кража днем – на глазах у всех отбирают у маленьких ребят паек или чаще видишь женщин, рвущих на своих головах волосы – вытащили деньги с документами. И все это происходит на глазах милиции... В почете – даже у партработников – взятка...» Автор письма, вместо ответа от вождя, вполне естественно ждал, что его уберут из техникума как «кулацкое отродье». В сводках ОГПУ таких признаний – многие десятки.

2. Подготовка и осуществление «Большого террора». 1935-1938 гг.

Как ныне хорошо известно, в конце 1934 г. Сталин планировал новое наступление на народ и партию, избрав поводом для этого убийство С. М. Кирова. Поэтому весь следующий 1935 г. проходит под знаком разоблачения троцкистско-зиновьевских бандитов и убийств Кирова.

Газета «Рабочий» в 1935 г. вела идеологическую обработку населения по следующим направлениям: борьба с троцкизмом как главной опасностью, выявление врагов на предприятиях города и в селах, разоблачение троцкистских группировок и заговоров, борьба с саботажем стахановского движения. Число врагов на газетных страницах «подросло» до 233 чел., из них 200 чел., арестованных по делу Кедуна, приводилось без фамилий. В январе были выявлены четыре «троцкиста-контрабандиста» в педтехникуме и на Ивановском руднике. В феврале за защиту позиций Зиновьева исключены из партии, как троцкисты Бондин (НТМЗ) и Мартемьянов (Тагильское отделение железной дороги). В апреле, в ходе следствия по убийству Кедуна, арестовали 200 чел. и выявили «клеветника на партию» среди преподавателей на курсах Союзторгучета – Чернышева. В апреле-мае были произведены аресты по делу об убийстве Быкова, бдительные пионеры разоблачили врагов среди учителей Черноисточинской школы. В июле – осуждено 15 человек по делу Кедуна-Быкова. В августе выявлены девять врагов на разных предприятиях города, которые были изгнаны из партии и лишены гражданских прав. Неко-

которых из них арестовало НКВД. В сентябре – исключены из партии десять «врагов народа» на ВМЗ, в ноябре – привлечены к суду за саботаж стахановского движения шесть человек⁴³⁷.

В январе 1935 г. прошел процесс над «убийцами» Кирова во главе с Зиновьевым и Каменевым. На местах разразилась новая волна арестов, захватившая десятки тысяч бывших участников оппозиции и всех других подозреваемых. Однако жертв оказалось больше в центре, чем на периферии. В Нижнем Тагиле последствия этого процесса проявились достаточно слабо. Город принял ссыльных, клейменых аббревиатурой «КР» – Кировский расстрел. Это были члены семей, родственники и близкие знакомые тех, кого расстреляли за организацию убийства Кирова.

Тем не менее, в Нижнем Тагиле были свои основания для оттачивания оружия классовой борьбы, свидетельством чему являлись два процесса: суд над «враждебной группировкой» во главе с А. Н. Слобцовым и суд над убийцами осодмильца Д. Кедуна и рабкора-коммуниста Г. Быкова. В обоих делах политические мотивы тесно переплетены с уголовными. В июле 1934 г. были арестованы работники краеведческого музея Т. К. Боташева, М. А. Зылева, О. А. Кротова и ее брат, техник-металлург А. А. Кротов. Их обвинили в краже музейных ценностей, что и подтвердило следствие. Директор краеведческого музея А. Н. Слобцов в краже замешан не был, ничего о ней не знал, и его вина заключалась лишь в слабом контроле за деятельностью своих сотрудников. Однако Слобцов давно уже считался «бельмом на глазу» социалистического Тагила. Грехов за ним водилось немало: член следственной комиссии при Колчаке (установившей факты красного террора), защитник церкви (помог спасти мощи Симеона Верхотурского, защищал от разрушения Входа-Иерусалимский собор и т. п.) и вообще «гнилой интеллигент». Поэтому при соответствующем давлении музейные воры обвинили А. Н. Слобцова в «антисоветском влиянии». В октябре 1934 г. он был арестован за антисоветское искажение экспозиции музея, а 3 января 1935 г. состоялся суд над «враждебной группировкой» во главе со Слобцовым,

⁴³⁷ Тагильский рабочий. 1935. 18 января; 28 января; 15 февраля; 27 апреля; 6 апреля; 29 мая; 24 августа; 23 сентября; 24 ноября.

протаскивавшей «антисоветские настроения в экспозиции музея». В результате А. Н. Словцов получил восемь лет тюрьмы, а истинных уголовных преступников осудили на меньшие сроки наказания⁴³⁸.

Архивные изыскания тагильского краеведа С. В. Ганжи прояснили суть дела Словцова. Иначе выглядела ситуация по делу «Кедуна-Быкова», которое еще ждет своего исследователя. Однако и то, что известно, наталкивает на размышления. 13 февраля 1935 г. был убит работник группы содействия прокуратуре Д. Кедун, а в ночь на 13 апреля – рабкор Г. Быков. В апреле по этим убийствам арестовали 15 человек и судили их на выездном заседании военной коллегии Верховного суда. В числе обвиняемых оказались: убийца Кедуна П. Криворучкин, убийца Быкова П. Мокров и их «пособники-вдохновители» – Я. Мокров, И. Сеченев, В. Чернышев, В. Чернышева, И. Перепелкин, П. Пестов, А. Криворучкина и еще семь человек. Приговор суда гласил: «Мокрова П. и Мокрова Я., Сеченева И. и Криворучкина П., Перепелкина И. и Пестова П... подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять с конфискацией имущества»⁴³⁹. Остальных приговорили к разным срокам лишения свободы. Заместитель заведующего орготделом горсовета П. О. Пестов самим Быковым именовался не иначе как «осведомитель шайки бандитов, их идейный вдохновитель и враг рабочего класса, пролезший в аппарат горсовета». Эта формулировка популярного рабкора «Тагильского рабочего» почти ни у кого тогда не вызвала сомнений. Однако в июле 1991 г. Пестов был реабилитирован как репрессированный по политическим мотивам (см.: Приложение 19 к главе 5. Ч. 2. Приложения)⁴⁴⁰. Этот факт многое меняет в оценке происходившего в те годы. Рабкор Быков работал в финансовой секции горсовета. Вместе с Д. Кедуном они «выявляли спекулянтов, торговцев, бывших белогвардейцев-эксплуататоров, добивались конфискации их имущества за злостную неуплату налогов и лишения их избирательных прав»⁴⁴¹. Статьи Быкова в газете для многих «врагов» стали фактически судебным приговором. В пылу ожесточенной классовой борьбы это казалось

⁴³⁸ Там же. 1992. 2 декабря. Осодмилец – член отряда содействия милиции.

⁴³⁹ Были горы Высокой. 1960. С. 414.

⁴⁴⁰ См.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 44097. Т. 2. Л. 222-234 (Приложение 1990-х гг.). Прокуратура СССР 23 июля 1991 г. реабилитировала как «необоснованно осужденных» всех проходивших по делу «Кедуна-Быкова», за исключением подлинных убийц: П. Криворучкина и П. Мокрова.

⁴⁴¹ Были горы Высокой. 1960. С. 409.

праведным делом, и Быков стал героем. Однако с точки зрения демократических норм права его статьи являются ни чем иным как доносами, приведшими к наказанию невинных людей⁴⁴². Одной из таких жертв и стал П. Пестов. Этим мы ни в коей мере не пытаемся оправдать убийц Д. Кедуна и Г. Быкова. Очевидно, однако, что так называемые «классовое чутье» и «революционная бдительность» при решении судеб живых людей все чаще являлись в 1930-е гг. орудием преступлений.

С 1935 г. расправа с врагами народа становилась более тайной и масштабной. Главным орудием расправы вместо парткомов стали кабинеты НКВД. По сведениям А. Г. Авторханова, 13 мая 1935 г. ЦК ВКП(б) принял решение о создании Особой Комиссии безопасности Политбюро для руководства ликвидацией врагов народа. Предполагалось проведение во всей партии двух проверок: гласной проверки партдокументов всех членов партии через парткомы и негласной проверки политического лица каждого члена партии через НКВД⁴⁴³. «Психологи из НКВД, – писал А. Г. Авторханов, – приступили к делу и на основе «таблиц о признаках» вели в течение 1935-1936 гг. глубоко законспирированную работу по учету бывших и по установлению будущих врагов народа»⁴⁴⁴. Так готовилась «ежовщина».

Наступил 1936 г. В течение этого года газета «Тагильский рабочий» заклеила более 70 врагов народа. В январе наказали шесть человек за дурное прошлое, троцкизм и примиренчество с ним, преследование сельских стахановок. В марте подводили итоги по проверке сельсоветов, и оказалось, что в 11 из 27 советов Тагильского района председатели «разложились, срослись с классовым врагом»⁴⁴⁵. В связи с этим нужно отметить, что в Свердловской области за январь 1935 – июнь 1936 гг. сменилось 63,5 % председателей райисполкомов, 54,3 % председателей сельсоветов, 57,1 % секретарей. Погоня за количеством судебных дел привела к тому, что в 1935 г. в Свердловской области был признан недействительным каждый четвертый приговор⁴⁴⁶.

⁴⁴² Судя по первому изданию «Былей...» Г. Быков был секретным агентом ОГПУ (см.: С. 447).

⁴⁴³ Авторханов А. Г. Технология власти // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 72-73.

⁴⁴⁴ Там же. С. 73.

⁴⁴⁵ Тагильский рабочий. 1935. 3 января; 4 января; 6 января; 18 января; 22 марта; 14 августа.

⁴⁴⁶ Винниченко О. Ю. Указ. соч. С. 17; Филатов В. В. К вопросу о репрессиях в отношении управленческих кадров Урала. История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 129.

В августе 1936 г. открылся московский процесс по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра». В результате этого судилища Сталину удалось добиться перелома в своей борьбе с оппозицией – получить санкцию на ее физическое устранение. В 1936 г. расстреляли 16 лидеров оппозиции, заочно приговорили к смертной казни Троцкого. Незамедлительно по всем лагерям прошли массовые расстрелы троцкистов⁴⁴⁷. Следили за августовским процессом и в Нижнем Тагиле, стремясь не ударить лицом в грязь. Только по партийной линии в этом месяце было наказано 19 троцкистов. А к сентябрю было разоблачено уже 34 троцкиста. Газеты знакомили тагильчан с процессами над «троцкистами – вредителями и диверсантами» на рудниках Кузбасса, Кемеровском руднике⁴⁴⁸. Фигура «врага народа» становилась все более мощной, а поведение его – все более коварным.

Начиная с 13 мая 1935 г., в течение двух лет работы Комиссии безопасности Политбюро, появился разработанный в деталях план «большого террора». Сущность его, по наблюдениям А. Г. Авторханова, «заключалась в следующем: 1. Все взрослое мужское население и интеллигентная часть женского населения СССР была подвергнута негласной политической проверке через органы НКВД и его агентурную сеть по группам: а) интеллигенция, б) рабочие, в) крестьяне. 2. По каждой из этих групп было установлено в процентах число, подпадающее под ликвидацию. 3. Была выработана подробная «таблица признаков», по которой люди подлежат ликвидации. 4. Был выработан календарный план, предусматривающий точные сроки ликвидации этих групп по районам, областям, краям и национальным республикам»⁴⁴⁹. Этот план был приведен в исполнение после телеграммы Сталина и Жданова в адрес Политбюро из Сочи 25 сентября 1936 г. о назначении Ежова на пост наркомвнудела. «Одновременно в печати, – как отмечал Авторханов, – развернулась грандиозная кампания «по разоблачению и выкорчевке врагов народа»⁴⁵⁰.

Заголовки материалов 1937 г. в газете «Тагильский рабочий» достаточно точно передают смысл действия властей: «Процесс

⁴⁴⁷ Жарова Н. Л. История Отечества. М. 1992. С. 300-301.

⁴⁴⁸ Тагильский рабочий. 1936. 1 сентября; 22 ноября.

⁴⁴⁹ Авторханов А. Г. Технология власти. С. 73.

⁴⁵⁰ Там же.

антисоветского троцкистского центра»; «Фашистский ублюдок - Марьясин»; «Вредительство на руднике III Интернационала» (г. Высокой, УВС, Коксохимстрое...); «Враги на железной дороге» (в горсовете, горкоме, торговле, заводе Куйбышева, ЛПХ, комсомоле, архитектуре, гороно, физкультурных обществах, прокуратуре); «Процесс над вредителями в Таборинском районе»; «Контрреволюционная вредительская и диверсионная группа правых Надеждинской конторы заготзерно»; «Рыковско-бухаринские бандиты – контрреволюционная бандитская шайка правых в сельском хозяйстве и животноводстве Нижнетагильского района». Для того чтобы оттеснить вражескую сущность выявленных вредителей, Сталин советовал нажимать на чувство патриотизма. Поэтому из газеты в газету переходила тема «О любви к Родине».

В 1937 г. состоялся второй московский процесс по делу «параллельного троцкистского центра», и были приговорены к расстрелу Г. Пятаков, Л. Серебряков и другие, обвиненные в антисоветской деятельности и шпионаже. В 1938 г. прошел третий московский процесс по делу «антисоветского троцкистского блока», решивший судьбу Рыкова и Бухарина. Штамп «враги народа» ставился на своих и «чужих», знакомых и родственниках, неграмотных мужиках и академиках⁴⁵¹. К началу весны 1937 г. террористическая машина была хорошо отлажена. На февральско-мартовском пленуме ВКП(б) была дана команда на места о расправе, и террор начался.

В апреле 1937 г. был пущен в ход механизм перевыборов местного партийного руководства. Шумная кампания в печати сопровождалась массовыми доносами на «врагов народа».

На XX съезде партии Н. С. Хрущев рассказал, как отдел НКВД по Свердловской области «открыл» так называемый «Уральский штаб восстания – орган блока правых уклонистов, эсеров и священников». Его руководителем называли секретаря Свердловского обкома, члена ЦК ВКП(б) И. Д. Кабакова. По словам Н. С. Хрущева, «число арестов по обвинению в

⁴⁵¹ Жарова Н. Л. Указ. соч. С. 301.

контрреволюционных преступлениях возросло в 1937 г., по сравнению с 1936 г., больше, чем в десять раз»⁴⁵².

Набирала силу волна репрессий в Нижнем Тагиле. 23 декабря 1936 г. на отдыхе в Сочи был арестован руководитель Уралвагонстроя Л. М. Марьясин. Его обвинили во вредительстве и организации покушения на С. Орджоникидзе. 4 января 1937 г. в Нижнем Тагиле состоялась XIV партконференция, где И. Д. Кабаков и Ш. С. Окуджава (первый секретарь горкома ВКП(б) выступили с разоблачениями «троцкистской банды Марьясина». А 9-10 февраля на собрании городского партактива сам Окуджава признался в троцкистских ошибках⁴⁵³. В Нижний Тагил прибыла комиссия во главе с начальником Главстройпрома Гинзбургом и кандидатом в члены ЦК ВКП(б) Павлуновским для проверки вредительских дел на УВС. Однако комиссия, вопреки велению свыше, сделала вывод: «Ознакомление с Уралвагонзаводом привело нас к твердому убеждению, что вредительская работа Пятакова и Марьясина на стройке не получила большого развития»⁴⁵⁴. Такие выводы никак не удовлетворяли центр. 28 февраля 1937 г. раздался грозный оклик Молотова на пленуме ЦК ВКП(б), где он обвинил комиссию в политической близорукости и назвал Окуджаву вместе с Марьясиным вредителями-троцкистами (см.: Приложение 3 к главе 5. Ч. 2. Приложения). Окуджава еще 16 февраля был освобожден от должности и арестован как «троцкист-двурушник». 14 марта 1937 г. XIV пленум Свердловского обкома исключил его из своего состава как «врага народа»⁴⁵⁵. В этом же году арестовали управляющего трестом «Востокоруда», директора ВЖР А. А. Давыдова. Окуджава, Марьясин и Давыдов по приговору НКВД были расстреляны. В мае 1937 г. арестовали и Кабакова, которого тоже приговорили к высшей мере наказания.

Кампания по уничтожению «врагов народа» охватила массы людей. В январских номерах «Тагильского рабочего» в связи с публикацией материалов о процессе «антисоветского троцкистского центра», разжигалась ненависть против троцкистов, которые в Нижнем Тагиле представлены «фашистскими ублюдками» Марьясиным и Туроком (последний – глава Тагильского отде-

⁴⁵² Цит. По: Лейбович О. Россия. 1941-1991. Док-ты, материалы, комментарии. Пермь, 1993. С. 98.

⁴⁵³ 37-й на Урале. Свердловск, 1990. С. 135.

⁴⁵⁴ Молотов В. М. Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов. М. 1937. С. 42.

⁴⁵⁵ 37-й на Урале. С. 188-193.

ления железной дороги). Известный корреспондент, давно бичующий врагов народа, Л. Вилкомир начал подбираться к директору «Востокоруды» Давыдову. Правда, пока его материал носил довольно нейтральное название «Упрямство» (проявленное Давыдовым в связи с увольнением некоего Титова). Февраль начался с публикации приговора «антисоветскому троцкистскому центру» и «праведный» гнев рабкоров обрушился на местных «вредителей-троцкистов». «С большевистской энергией» ликвидировались последствия вредительства «банды Турока» на железной дороге им. Кагановича – разоблачено и наказано девять человек. Разоблачался враг в лице главного геолога рудника III Интернационала Лепинского, «троцкистского подхалима» – редактора газеты «Вагоногигант» Фейгина, и теперь уже безоговорочно были занесены в список врагов Окуджава, Давыдов, Денисов (секретарь парткома УВЗ) и другие. В апреле был распутан «клубок преступлений» руководящей верхушки Нижнего Тагила и распущено бюро Тагильской городской парторганизации (пострадало более 16 человек). В июле «враги и вредители» были обнаружены в целом десятке организаций города: горно, ОРСе Тагилстроя, спортобществе «Металлург», заводе Куйбышева, Ленинском РК, ВЛКСМ, комитете комсомола УВЗ, в отделе кадров ВЖР, в школе № 3. В августе была раскрыта группа из восьми «вредителей» на г. Высокой, «враги народа» на УВС, железной дороге... (см.: Приложения 4, 5 к главе 5. Ч. 2. Приложения). В сентябре была разоблачена и осуждена (пять человек приговорены к высшей мере социальной защиты) «контрреволюционная вредительская группа правых» из девяти человек в Таборинском районе. В этом же месяце был обнародован приговор по делу ряда руководящих работников ГК ВКП(б), горсовета во главе с секретарем ГК Пальцевым и председателем горсовета Грушиным (13 человек)⁴⁵⁶.

Редакция «Рабочего» внимательно следила за реакцией читателей и, делая обзоры писем трудящихся, давала запрограммированные свыше установки. Вот одна из них: «Наш любимый вождь, тов. Сталин, поставил перед нами задачу –

⁴⁵⁶ Тагильский рабочий. 1937. 12 января; 27 января; 30 января; 1 февраля; 2 февраля; 12 февраля; 21 февраля; 22 февраля; 9 апреля; 12 августа; 24 сентября; 18 сентября. Л. Н. Пальцев, например, был осужден 16 сентября 1937 г. по закону от 7 августа 1932 г. за «вредительство в сельском хозяйстве». Верховный суд РСФСР 26 марта 1938 г. возвратил дело на доследование. 10 августа Л. Н. Пальцев был обвинен уже по ст. 58 п. 7, 8, 11 к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитация последовала 16 мая 1956 г. (см.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 3. Л. 103-104).

выкорчевать до конца предателей Родины – троцкистов, бухаринцев и иных двурушников, трудящиеся приняли эту задачу, как боевой приказ, в своих письмах они помогают срывать маски с врагов и их пособников»⁴⁵⁷.

В октябре 1937 г. «сорвали маски» с вредительской и диверсионной группы правых в Надеждинской конторе Заготзерно, все шесть участников которой приговорены к высшей мере наказания. В ноябре «вражеские покровители и их приспешники» были разоблачены на многострадальном руднике III Интернационала (пять человек во главе с директором рудника Мигачевым)⁴⁵⁸. В этом же месяце приговорены к ВМН по ст. 58 п. 7-11 шесть человек, входивших в «контрреволюционную шайку правых, проводивших вредительско-диверсионную работу в сельском хозяйстве и животноводстве Нижнетагильского района»⁴⁵⁹. В декабре очередь дошла до прокуратуры, где нашли «слуг немецко-японских шпионов» в лице руководителей – Упенюка, Холодова и Насекина. В статье Л. Погодина «Еще раз о работе прокуратуры» писалось: «Почему Тагильская прокуратура оказалась в стороне от разоблачения вражеских гнезд в районе? Разве у нее не было исчерпывающих материалов, чтобы своевременно изобличить банду Уткина и Трусуна, разве у нее не было исчерпывающих материалов, чтобы своевременно разоблачить пермяковщину в Тагилторге и вредителей на Тагилстрое? Все эти материалы были. Трудящиеся Тагила своевременно предупредили о вредительской работе Пермякова и его компании, но вражеское руководство прокуратуры в лице Холодова и Насекина сигналы трудящихся ложили под сукно, а жалобщикам отвечали: «Дайте исчерпывающие материалы, докажите вредительство фактами». Подобные ответы вызывали законное возмущенное массе»⁴⁶⁰.

По публикациям «Тагильского рабочего» можно проследить степень безумия этого самоистребления. Например, в январе 1937 г. с митинга рабочих завода Куйбышева было направлено письмо наркому Ежову с просьбой приговорить к расстрелу «фашистских ядовитых змей Иуды Троцкого» – Пятакова, Радека, Турока, Марьясина. Затем пострадали многие из этих

⁴⁵⁷ Там же. 24 июля.

⁴⁵⁸ Там же. 3 октября; 28 ноября.

⁴⁵⁹ Там же. 22 ноября. Осужденные по этому делу: В. К. Уткин, С. Е. Рыбников, П. В. Страхов, П. Н. Тошин, П. Л. Веников, Н. Ф. Жмаев были расстреляны 17 февраля 1938 г. В 1955 г. дело было пересмотрено, и все эти жертвы реабилитированы 25 августа (см.: ГААОСО. Оп. 2. Д. 2. Т. 1. Л. 442-447 и Л. 5 (наблюдательное дело).

⁴⁶⁰ Тагильский рабочий. 1937. 23 декабря.

митинговавших. Очень многих исключили из партии. В июне 1937 г. на второй Свердловской конференции ВКП(б) назвали цифры «вычищенных» из партийных рядов: с 1934 г. исключены 18 тыс. чел. (из общего числа членов парторганизации области 48 тыс. чел.). Через год исключили еще 4478 чел.⁴⁶¹ Следует заметить, что почти за каждым исключенным следовал арест. Репрессии на Урале организовывались твердой и безжалостной рукой испытанных соратников диктатора – Андреева, Жданова, Кагановича.

В 1937 г. число арестованных нарастало от месяца к месяцу. Аресты явно планировались. Заметны попытки властей объединить обвиняемых вокруг одного дела, чтобы доказать существование террористических повстанческих организаций. Так, в конце 1936 – начале 1937 г. была арестована целая группа жителей пос. Висим: И. И. Мартилов, С. В. Евстратов, П. Т. Скакун, П. М. Ермилов, П. А. Самойлов. Им вменялись в вину участие в троцкистской заговорщической организации и подготовка к убийству Кирова. Более того, их дело пытались объединить с делом тагильчан В. Р. Носова, А. Н. Аганичева, А. Л. Пунтуса (правда, неудачно). Всех «заговорщиков» расстреляли в Свердловске⁴⁶². В 1937 г. арестовали преподавателей горно-металлургического техникума: химии – И. К. Хлопотова, горного дела – Ф. К. Францева, немецкого языка – И. И. Штэрба. Всех обвинили в проведении контрреволюционной деятельности – организации повстанческой группы и диверсиях. И. К. Хлопотова приговорили к расстрелу, другие попали в лагеря⁴⁶³. В октябре был арестован глава земельного отдела Ленинского райисполкома В. К. Уткин, и 22-24 ноября состоялся открытый показательный процесс над «группой Уткина»⁴⁶⁴. В нее включили: С. Е. Рыбникова, П. В. Страхова, П. Н. Трусына, П. Л. Веникова, Н. Ф. Жмаева и обвинили в создании «организации правых», связи с «врагами народа» Окуджавой, Пальцевым, Грушиным и во вредительстве в животноводстве. Приговор гласил: всех расстрелять.

Как уже говорилось, в конце 1936 – начале 1937 г. НКВД было сфабриковано дело об Уральском штабе восстания, суще-

⁴⁶¹ 37-й на Урале. С. 5, 6.

⁴⁶² Тагильский рабочий. 1991. 20 марта.

⁴⁶³ Там же. 1937. 22 ноября.

⁴⁶⁴ Там же.

ствовавшим якобы с 1929 г. По этому делу арестовали председателя Свердловского облисполкома В. Ф. Головина, командующего УралВО комкора И. И. Гарькавого, затем И. Д. Кабакова. После переизбрания бюро обкома в июне 1937 г. из 11 его членов в новом составе остался только один – начальник управления НКВД Д. М. Дмитриев⁴⁶⁵. Еще в 1934 г. была признана неудовлетворительной работа его предшественника И. Ф. Решетова, которого арестовали 8 июня 1937 г., а 30 октября расстреляли. Дмитриев послушно исполнял установки центра и прослыл мастером фальсификаций (за что позднее был расстрелян).

В октябре 1937 г. Дмитриев сообщил наркомун внутренних дел Ежову о ликвидации на Урале «Российского общевойскового союза». В сообщении говорилось: «Показаниями арестованных установлено, что офицерско-фашистская организация была создана той частью членов РОВС, которая стоит за установление в России военно-фашистской диктатуры по образцу диктатуры в Германии в противоположность другой части его, стоящей за реставрацию царской монархии... Актив Уральской офицерско-фашистской организации составляли кадровые офицеры царской армии – махровые контрреволюционеры... организация охватывала ряд крупных промышленных центров области: Свердловск, Пермь, Тагил, Ворошиловск, Надеждинск, Кудымкар...»⁴⁶⁶ В пределах Нижнетагильского региона к участникам этой организации отнесли: «руководителя Тагильского повстанческого округа», «резидента германской разведки» А. В. Булгакова, работавшего начальником отдела снабжения НТМЗ (в прошлом – «капитан царской армии, петлюровский полковник»); его помощника М. Ф. Окулова; заместителя главного бухгалтера Нижнетагильского шамотного завода (в прошлом – «генерал-майор царской армии»); «немецкого и японского агента», стихийно работавшего переводчиком при немецких специалистах в управлении Тагилстроя (в прошлом – «белый офицер»); «агента немецкой разведки» Миончинского, преподавателя металлургического техникума в Надеждинске и сотни других.

⁴⁶⁵ Попов Н. Н. Указ. соч. С. 75.

⁴⁶⁶ «Актив – кадровые офицеры». Публ. док.-ов. В. Лебедев // Источник. 1994. № 1. С. 94-96.

В Нижнем Тагиле Булгаков «руководил резидентурой германской разведки, охватывающей Уралвагонзавод, Тагилстрой и другие промышленные объекты Тагила. По заданиям немцев... развернул шпионскую и диверсионную деятельность...» В Надеждинске Миончинский создал диверсионную группу на металлургическом заводе и военном заводе № 76. Кроме того, «агент РОВС Котельников создал организацию из бывших белоказаков спецпереселенцев, среди которых было много офицеров, насчитывающую около 100 участников»⁴⁶⁷.

Агентуру РОВС раскрыли и в Сибири. Всего по делу РОВС арестовали 399 чел., из них «князей – 2, контрадмирало – 1, генералов – 8, полковников – 42, капитанов и штабс-капитанов – 43, поручиков, подпоручиков и прапорщиков – 69, дворян – 27, фабрикантов и помещиков – 35, попов – 9»⁴⁶⁸.

Дмитриев установил связь РОВС с Уральским повстанческим штабом и докладывал: «Летом 1936 г. офицерско-фашистская организация вошла в состав контрреволюционного повстанческого подполья, формируемого так называемым Уральским повстанческим штабом, организованным по инициативе правых в 1935 г. и объединившим повстанческую деятельность правых, троцкистов, эсеров и церковников на принципах блока...»⁴⁶⁹ Составной частью этого контрреволюционного подполья считалась «фашистская повстанческая организация церковников» во главе с московским митрополитом Зориным, митрополитом свердловским Холмогорцевым, архиепископом свердловским Сафонием и др. В Нижнем Тагиле за принадлежность к организации арестовали священников Гальянской церкви Г. Я. Кондакова, Александровской церкви А. А. Слоцова, Казанской церкви Менщикова и других (всего более 10 чел.)⁴⁷⁰.

Круги после ареста Кабакова и других руководителей области разошлись по всему Уралу, затронув тысячи людей. Если в 1936 г. в Свердловского области было арестовано 2428 чел., то в 1937 г. – 28724, а в 1938 г. – 17016 чел.⁴⁷¹

В конце 1937 – начале 1938 г. по Нижнетагильскому району НКВД сфальсифицировал несколько коллективных дел в связи

⁴⁶⁷ Там же. С. 96-102.

⁴⁶⁸ Там же. С. 103.

⁴⁶⁹ Там же. С. 107.

⁴⁷⁰ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 1. Л. 86-92, 93-96.

⁴⁷¹ Хаустов В. Н. репрессии второй половины 30-х годов // История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 101.

с «Уральским штабом восстания» (см.: Приложения 7-12, 14, 15 к главе 5. Ч. 2. Приложения). С 19 по 23 декабря 1937 г. в Нижнем Тагиле проходило экспресс-следствие по делу № 30190 (23 человека). Обвинительное заключение гласило: «В процессе следствия по делу вскрытой на Урале контрреволюционной офицерско-фашистской повстанческой диверсионно-террористической организации установлено, что на территории прииска «Красный Урал» существовала контрреволюционная организация, руководимая Уральским повстанческим штабом, ставившим своей целью ведение активной подрывной работы в золотоплатиновой промышленности и подготовку террористических актов над руководителями партии и правительства, и что руководителями данной организации являлись враги народа Головин, Булгаков и другие»⁴⁷². По постановлению Особой тройки УНКВД Свердловской области от 30 декабря 1937 г. все проходившие по этому делу были расстреляны (реабилитированы в один день – 20 марта 1938 г.)⁴⁷³. Параллельно шел процесс с аналогичным обвинением на 36 чел. Особенностью этого дела являлся состав арестованных – почти все они были из спецпереселенцев. Результат то же – 35 чел. расстреляны (два – 25 марта, четыре – 27 марта, остальные – 20 марта 1938 г.), один умер в тюрьме от «гнойного аппендицита»⁴⁷⁴. Всего в деле № 18171 шесть томов следственного материала. В томе № 4 изложено следствие на 66 человек (все расстреляны 20, 27 марта и 4 апреля 1938 г.), в томе № 2 – на 43 человека (все расстреляны 20 марта 1938 г.)⁴⁷⁵. В итоге по этому делу проходило 208 человек, все приговорены к ВМН, расстреляны (за исключением двух, умерших в тюремной больнице и похороненных без вскрытия), а впоследствии реабилитированы. Оба вышеуказанных дела чекисты связали с Уральским штабом восстания и репрессировали тагильчан, занятых на разных производствах: прииске «Красный Урал», на ВЖР, руднике III Интернационала, Кирпичном заводе Нижнего Тагила, разных ЛПХ Тагильского района, на УВС, УВЗ, заводе Куйбышева, ВМЗ,

⁴⁷² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27461. Т. 2. Л. 102.

⁴⁷³ Там же. Д. 18171. Т. 1.

⁴⁷⁴ Там же. Т. 3.

⁴⁷⁵ Там же. Т. 2, 4.

Тагилстрое и проживающих в Нижнем Тагиле и окружающих его деревнях и поселках. Тагильское городское отделение НКВД регулярно составляло справки о вскрытых контрреволюционных организациях для городских, областных и центральных органов партии. Например, в справке от 10 апреля 1938 г. докладывалось, что «за последние шесть месяцев на Уралвагонзаводе была вскрыта контрреволюционная организация право-троцкистского блока и ряд шпионско-диверсионных групп, руководимых иностранной разведкой..., уволено и арестовано антисоветского элемента около полутора тысяч, из них большой процент бывших кулаков, белых офицеров, торговцев, сыновей фабрикантов и золотопромышленников». В спецзаписках по заводу № 63 (ВМЗ) фиксировалось наличие большого количества «социально-чуждого и деклассированного» элемента – на 1938 г. – 430 чел. (см.: Приложение 18 к главе 5. Ч. 2. Приложения). Излишек говорить, что все неудачи в работе промышленности Нижнего Тагила объяснялись деятельностью вредителей и антисоветских «элементов»⁴⁷⁶.

Операции по изъятию «антисоветского элемента» тщательно планировались и утверждались лично Сталиным. Как уже говорилось ранее, в июне 1937 г. он утвердил приказ НКВД «О репрессировании бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В пределах Свердловской области намечалось за четыре месяца арестовать около 10 тыс. чел. Фактически эта «массовая кулацкая операция» была проведена уральскими чекистами в августе-сентябре 1937 г. Только в Нижнем Тагиле арестовали более 2 тыс. спецпереселенцев⁴⁷⁷.

В сентябре 1937 г. следственная бригада во главе с начальником Третьего отдела УНКВД Свердловской области Боярским вскрыла «повстанческие округа» в центре Коми-Пермяцкого округа в Кудымкаре, в октябре-ноябре – в Нижнем Тагиле, затем бригада во главе с чекистом Смельским – в Надеждинске⁴⁷⁸.

В августе 1937 г. сверху пришло распоряжение о начале операции по «перебежчикам» (перешедшим границы СССР в поисках работы финнам, полякам и т. д.). В конце года 16 де-

⁴⁷⁶ ЦДООСО. Ф. 483. Оп. 3. Д. 33. Л. 1-6, 45; Д. 32. Л. 1, 30, 31, 37.

⁴⁷⁷ История России. 1917-1940. Хрестоматия. С. 299-300; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 3. Л. 190, 179.

⁴⁷⁸ Там же. Д. 27452. Т. 3. Л. 191.

кабря в адрес УНКВД по Свердловской области пришло телеграфное распоряжение НКВД об аресте всех финнов. В Нижнем Тагиле арестовали жителей «финнгородка» Тагилстроя, более 200 финнов было арестовано в Каменск-Уральском. НКВД потребовало от начальников УНКВД областей ускорить ликвидацию «инобазы». В январе 1937 г. – первой половине 1938 г. прошла первая массовая операция по «иноподданным», в марте-апреле 1938 г. – вторая, в июне-июле – третья. По признанию самих энкаведистов, приговоры были жестокими – на 200-250 чел. арестованных в среднем два человека освобождались, с зачетом срока пребывания в следственной тюрьме, остальные расстреливались. Для выполнения палаческих функций в 1937-1938 гг. произвели замену многих руководителей УНКВД по стране и на Урале, в частности. В Нижнем Тагиле это произошло в ноябре-декабре 1937 г., когда начальником ГО НКВД стал В. В. Котков, впоследствии осужденный по ст. 103 п. 17 «б» и расстрелянный⁴⁷⁹.

В марте 1938 г. в газете «Рабочий» было опубликовано обвинительное заключение по делу «антисоветского троцкистского блока», решившее судьбу Рыкова и Бухарина. Передовица газеты звучала как всегда «бодро и по-боевому» – «Уничтожить гадину!» «Смерть фашистским шпионам». Все это дополнялось публикацией стихотворения Я. Замятина «К расстрелу» (см.: Приложение 13 к главе 5. Ч. 2. Приложения)⁴⁸⁰. Еще один «троцкистский заговор» созрел на Уралвагонзаводе. На этот раз его лидером стал директор УВЗ с 1932 г. Г. З. Павлоцкий. Военной коллегией Верховного суда СССР 15 августа 1938 г. он был приговорен по ст. 58 п. 6, 8, 11 УК РСФСР к «высшей мере социальной защиты»⁴⁸¹. К этому следует добавить, что арест каждого крупного руководителя автоматически вызывал аресты всех тех, кто с ним работал и общался, а это десятки и сотни людей. Многие из них в этой ситуации, со дня на день ожидая ареста и не рассчитывая выдержать допросы и пытки, буквально теряли рассудок. Так, после ареста Марьясина покончил с собой его ближайший друг, начальник вагоно-сборочного цеха УВЗ М. А. Тамаркин.

⁴⁷⁹ Там же. Д. 26808. Л. 53, 42-43, 44, 48, 51; Д. 27452. Т. 3. Л. 172; Д. 25438. Л. 38.

⁴⁸⁰ Тагильский рабочий. 1938. 2 марта; 3 марта; 6 марта.

⁴⁸¹ Архив Нижнетагильского общества «Мемориал». Справка КГБ СССР. Управление по Свердловской области. 16 июня 1989 г. № 16/к-610.

3. «Восстановление законности» в деятельности репрессивных органов. 1938-1940 гг.

Кульминация массового террора в СССР пришлась на первую половину 1938 г. В последующие месяцы началось постепенное торможение плановой работы карательных органов, сокращались масштабы репрессий. Главная цель была достигнута – страна сломлена, люди оцепенели от страха и взаимных подозрений. Теперь для поддержания молчаливой покорности достаточно было проводить не такие многочисленные, но систематические аресты. Р. Конквест по этому поводу писал: «Органы безопасности продолжали время от времени прочесывать страну, ударяя по всем подозрительным элементам. В лагеря отправлялись ежегодно до миллиона человек... Но неистовство 1936-1938 гг. больше не повторялось»⁴⁸².

Заголовки материалов «Тагильского Рабочего» сменили свою тональность: «Январский пленум ЦК ВКП(б) и V пленум ЦК ВЛКСМ о перегибах в борьбе с врагами народа»; «Борьба с клеветниками»; «Уметь отличать друга от врага»; «Реабилитация».

В публикациях «Тагильского Рабочего» за 1938 г. названы фамилии 16 жертв, но наряду с ними фигурировало девять фамилий «клеветников», появился ранее почти невозможный материал о реабилитации (первый и единственный раз он встретился в июльском номере за 1938 г.)⁴⁸³. Особенно активными доносчиками газета признала секретаря парторганизации завода Куйбышева Морозова и начальника отдела кадров Коксохимстроя Чередова. С подачи первого из них обвинили во вредительских намерениях более 20 человек, второго – 26 человек. Оба доносчика были изгнаны из партии и уволены с работы. Более того, Чередову дали два года тюрьмы⁴⁸⁴. До середины 1938 г. «восстановить свое доброе имя» было совсем не просто. Например, из апелляций по восстановлению в партии, рассмотренных в бюро Свердловского обкома в 1937 г., была удовлетворена лишь каждая третья⁴⁸⁵. Однако Сталин попытался создать видимость восстановления законности. Постановление январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б) называ-

⁴⁸² Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991. Т. 2. С. 285, 306.

⁴⁸³ Тагильский рабочий. 1938. 22 марта; 24 марта.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Филатов В. В. К вопросу о репрессиях в отношении управленческих кадров на Урале в годы коллективизации // История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 130.

лось «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом подходе к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Аналогичное название было и у одного из постановлений V Пленума ЦК ВЛКСМ, состоявшегося в марте 1938 г. Передовая «Тагильского Рабочего» от 4 февраля носила название «Уметь отличать друга от врага», а передовица номера за 9 февраля – «Беспощадно разоблачать карьеристов и перестраховщиков». В ней объяснялось, что январский пленум ЦК ВКП(б) указал: «Еще не вскрыты и не разоблачены отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающихся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии»⁴⁸⁶. Реабилитация в 1938 г. была только пропагандистским маневром, призванным постепенно остановить вакханалию «ежовщины». Массовые операции по осуждению и ликвидации людей прекратились только в ноябре 1938 г., а 17 декабря 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о недопустимости нарушений в следствии по контрреволюционным делам. В следующем – 1939 г. – в Свердловской области органами госбезопасности было арестовано уже 392 чел.⁴⁸⁷

В соответствии с законами деятельности репрессивной машины, с наступлением нового этапа в политике партии нужно было убирать старых, дискредитировавших себя исполнителей. Ежов стал той необходимой жертвой, на которую впоследствии можно было возложить ответственности за крайности «Большого террора».

Наступило время иных, более скрытых действий, бразды правления в НКВД перешли к Берии. Он стал практиковать закрытые индивидуальные процессы, создал видимость восстановления законности путем реабилитации жертв грубо сфальсифицированных дел. Теперь репрессии сводились к ударам по немногим ключевым фигурам. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы сохранить контроль над страной на рубеже 1930-1940-х гг. Пропаганда помогла в этом

⁴⁸⁶ Тагильский рабочий. 1938. 20 января; 4 февраля; 9 февраля; 2 марта.

⁴⁸⁷ Хаустов В. Н. Указ. соч. С. 101; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26808. Л. 41.

карательным ведомствам. Вот типичные заголовки «Тагильского Рабочего» за 1939 г.: «Реабилитация», «Чутко и бережно относиться к члену партии», «Разоблачение клеветников». Однако в этом же году был снят председатель горсовета Семенов, продолжалась менее масштабная чистка на предприятиях.

В СССР в итоге генеральной чистки 1935-1936 гг. и «великой чистки» 1936-1939 гг. было исключено из партии 1220934 коммуниста. Получилось, что «в 1939 г. бывших коммунистов было на один миллион больше, чем коммунистов, состоящих в партии»⁴⁸⁸. Это явилось полным разгромом партии времен нэпа и созданием новой – сталинской⁴⁸⁹.

В 1939 г. Берия, под видом восстановления законности, прочистил «ежовские» кадры НКВД. В результате наказали наиболее одиозных карателей, типа начальника УНКВД Свердловской области Дмитриева. При этом осуждались многие факты нарушения «законности». Вот лишь некоторые из них, содержащиеся в выписке из протокола судебного заседания Военного трибунала войск НКВД Уральского округа: «Подсудимый Чернышев пояснил: «Когда в Нижний Тагил приехал Пикерман, с которым я работал в Перми, он мне поручил собрать факты извращения следствия в Нижнетагильском горотделении, якобы необходимые для освещения вражеской деятельности Дмитриева, Боярского и других. Собирая эти данные, я узнал от следователей, что техник завода № 63 Сморыго был ошибочно арестован вместо отца, и Глинкин заявил, что Сморыго освободить нельзя, так как он может рассказать о методах ведения следствия». Свидетель П. П. Князев показал: «Я с 1934 по 1938 г. работал в Нижнетагильском горотделении, последнее время был в подчинении у Глинкина. В период массовых операций по инобазе я работал у Чернышева. Мною окончен по кулацкой операции с соблюдением УПК ряд дел, а затем до 300 дел провокационным следствием, в основном осуждены только финны... Я, как и все остальные, добиваясь подписи протоколов, считал, что это необходимо для Советской власти. Арестованные татары были, как якобы связаны с японской разведкой. Конкретные указания, как вести следствие, Чер-

⁴⁸⁸ Авторханов А. Г. Указ. соч. С. 111.

⁴⁸⁹ Там же.

нышев получил у Титова, и когда он нам об этом рассказал, то мы заявления от арестованных с их признанием в шпионаже брали легко. Многие арестованные были малограмотные, а татары, например, даже не знали русского языка и расписывались на татарском языке... Арестовывались люди без санкции прокурора. Брали санкцию тогда, когда дело было уже оформлено, и арестованные этапированы в УНКВД. В отношении некоторых арестованных компрометирующих материалов не было. В таких случаях, когда арестованный был уже расстрелян, а протоколы допроса им не подписаны, составлялся акт о том, что он от подписи отказался...»⁴⁹⁰

Дело о контрреволюционной повстанческой организации, якобы существовавшей в Тагильском районе, было признано фальсифицированным. В справке, составленной для председателя Военного трибунала войск НКВД Уральского округа 17 декабря 1939 г., по этому поводу говорилось, что контрреволюционная организация была искусственно создана работниками НКВД путем провокационных методов следствия по обвинению Булгакова. В справке констатировалось: «В списке, написанном Булгаковым, якобы найденном у него при обыске, числится 2094 чел., как участники контрреволюционной повстанческой организации, из указанного и списка было арестовано 570 чел., из них осуждено к ВМН 211 чел., осуждены на разные сроки 162 чел., нет решений на 96 чел. и прекращено за недоказанностью состава преступления 314 чел. Не значится арестованных 1505 чел...»⁴⁹¹ За фальсификацию дел работники НКВД Н. Я. Боярский был осужден на 25 лет ИТЛ, И. С. Глинкин – приговорен к расстрелу вместе с В. В. Котковым в 1939 г.⁴⁹²

В материалах по «вопросу провокационных методов ведения следствия в период массовых операций» 1937-1938 гг. говорилось о том, что с назначением Боярского на должность начальника Третьего отделения УНКВД по Свердловской области были введены незаконные методы ведения контрреволюционных дел. Боярский признался в совершенных им подлогах при составлении списков контрреволюционного элемента

⁴⁹⁰ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22143. Л. 61.

⁴⁹¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27469. Т. 2. Л. 180.

⁴⁹² Там же. Л. 185-187.

в Кудымкаре и Нижнем Тагиле. На следствии он объяснил это так: «Потому, что путем этого подлога я имел возможность рапортовать о хороших успехах в следственной работе. Путем обмана советской власти, репрессий в ряде случаев ни в чем невинных людей, я хотел нажать себе авторитет... Точно назвать количество дел и лиц, привлеченных к ответственности по этим делам, которые были созданы путем провокационных методов ведения следствия, я не могу. Из числа арестованных кулаков, так называемых трудпоселенцев и лиц инонациональностей в количестве 24 тыс. чел., путем провокационных методов ведения следствия, были созданы в действительности не существовавшие шпионские, диверсионные и другие контрреволюционные формирования. Сейчас трудно сказать, какое количество лиц из этого числа было в действительности причастно к контрреволюционной работе, так как в процессе следствия ко всем арестованным применялись одни и те же провокационные методы»⁴⁹³.

В следственных материалах по Уральскому повстанческому штабу были названы инициаторы-фальсификаторы этого дела: «Создавались липовые дела с громким называнием и крупным масштабом. Таким делом является так называемый Уральский повстанческий центр. Это дело создано бывшим начальником УНКВД Дмитриевым, его помощником Дашевским и бывшим начальником Третьего отдела Боярским...»⁴⁹⁴

Согласно заданию Дмитриева работал начальник ГО НКВД Нижнего Тагила В. В. Котков. Примеры его деятельности освещены в показаниях обвиняемых и свидетелей. Бывший оперуполномоченный Нижнетагильского ГО НКВД на допросе показал: «Котковым начальнику отделения... сразу же было предложено, кроме того знаю, что звонили из Управления по телефону... составить списки на меньшевиков, эсеров и анархистов, а также сионистов, после чего на всех выявленных лиц, примыкавших к политпартиям, были составлены списки и направлены в УНКВД. В ответ на это последовало распоряжение произвести немедленно их арест, что и было проделано, арестовано было около 100 чел...»⁴⁹⁵ Другой

⁴⁹³ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 3. Л. 193-195.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 189.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 172.

обвиняемый рассказывал: «Когда я был еще в Тагиле, то начальник ГО Котков, приехав из Свердловска с совещания, мне и Глинкину сказал, что имеет задание арестовать 500 чел. Приказал нам подготовить людей. Мы пересмотрели все имеющиеся дела и набрали, кажется, 150-200 лиц, на которых у нас имелись материалы об их контрреволюционной деятельности. Котков нас отругал, говоря: «У нас в районе 20 тыс. кулаков, а вы не знаете, где взять людей» – посадил нас в машины и повез на УВЗ в райкомендатуру, где, взяв учетные карточки, дал нам установку, кого выбирать: кулаков из районов, смежных с западной границей, донских и кубанских кулаков. Выбрали мы на этот раз карточек до 1 тыс. Дальше Котков дал приказание написать постановление на арест и периодически, проводя аресты по 100-200 чел., людей арестовали. Всего, таким образом, было в Тагиле арестовано кулаков, кажется, около 2 тыс., если не более... Арестованных передавали для ведения следствия бригаде..., а они делали из них участников контрреволюционных организаций и шпионов (безусловно, среди этого контингента были и действительные враги)...»⁴⁹⁶

НКВД в этой вакханалии беззакония пытался как-то замаскировать свои действия. Так, в личных карточках арестованных на УВЗ мы видим разные записи: «отзыв по запросу НКВД», «арест», «уволен по ст. 47Д КЗОТ» (увольнение по причине ареста). Однако знакомство с судьбами людей, уволенных с завода по этим трем причинам, позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство из них репрессированы по политическим мотивам. Приведем несколько примеров. Старший счетовод ЖКО УВЗ М. Е. Андрощук был уволен 16 мая 1937 по ст. 47Д, расстрелян 15 октября 1937 г., 16 января 1989 г. реабилитирован по Указу Президиума Верховного Совета СССР. Слесаря вагоноборочного цеха УВЗ А. М. Бера 31 декабря 1937 г. уволили по формуле: «отозван органами НКВД», 8 октября 1938 г. расстреляли, 18 марта 1960 г. реабилитировали. А. В. Васильеву, обмотчицу электромонтажного цеха УВЗ, уволили «по причине ареста», 7 февраля 1938 г. расстреляли, 1 сентября 1989 г. реабилитировали.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 179.

Результаты проведенной тотальной чистки партии и народа оказались неоднозначны. С одной стороны, Сталин стал безоговорочным диктатором огромной страны и создал «карманную» партию. Теперь достаточно было одного окрика вождя, чтобы страна поворачивалась направо-налево. Однако понесенные страной потери резко сузили возможности самого Сталина. За годы чрезвычайных мер в деревне (1933-1934 гг.) серьезно пострадали низовые советские руководители. Как уже упоминалось, в Свердловской области за полтора года сменилось 63,5 % председателей райисполкомов, 54,3 % председателей сельсоветов, 57,1 % секретарей⁴⁹⁷. К еще большим потерям привел 1937 г. Областные руководящие органы обновлялись на Урале в 1937-1939 гг. по нескольку раз, то же было и в Уральском военном округе (за полтора года арестовано трое командующих), менялись трижды и начальники областных отделений НКВД. На промышленных предприятиях были арестованы почти все директора и многие ИТР до мастеров включительно. Как отмечал Н. Н. Попов, «это привело к нарушению преемственности руководства, падению производительности труда, росту аварийности»⁴⁹⁸. Привычное объяснение всего этого происками оппортунистов, врагов и вредителей не имело отношения к подлинной реальности и не помогло изменить ситуацию к лучшему. М. А. Фельдман, например, сделал следующие выводы: «К 1938 г. уральские организации ВКП(б) пришли обезглавленными и обескровленными. Их численность с 214750 чел. на 1 января 1933 г. сократилась до 72500 чел... Снизилась рабочая прослойка. К 1938 г. только 25 % вместо 41,6 % на 1 января 1933 г. был уничтожен практически весь партийный аппарат, сформировавшийся в 1920-1930-е гг.» Потери коммунистов Урала были более тяжелыми, чем по стране в целом, что стало «одной из главных причин того спада в экономике Урала, который пришелся на 1937-1938 гг.»⁴⁹⁹

Командный состав и специалисты на производстве боялись доносов рабочих, рабочие боялись доносов секретарей парткомов и комитетов ВЛКСМ, те, в свою очередь, боялись

⁴⁹⁷ Винниченко О. Ю. Указ. соч. С. 16, 17.

⁴⁹⁸ Попов Н. Н. Указ. соч. С. 75-76.

⁴⁹⁹ Фельдман М. А. Уральские организации ВКП(б) в 1938 – июне 1941 гг. // История репрессий на Урале в годы советской власти. С. 131-132.

НКВД. Поднятые на щит стахановцы, зачастую демагоги, ради которых нарушался технологический процесс, пытались командовать опытными инженерами. В результате в промышленности воцарилась анархия, планы систематически не выполнялись, падало качество продукции. А между тем началась вторая мировая война, Красная Армия опозорилась на весь мир в ходе войны с Финляндией, промышленность не справлялась с оборонными заказами. Понятно, что в таких условиях репрессии нужно было остановить, восстановить определенное доверие к кадрам ИТР, повысить технологическую грамотность «выдвиженцев» и уделить внимание системе профессионального обучения молодежи. Все это понимал Сталин и попытался исправить положение в 1939-1941 гг.

Тем не менее, главным и испытанным средством решения всех проблем оставалось насилие и добровольно-принудительная система организации труда, к которой в полной мере прибегали в 1940-1941 гг. В годы Великой Отечественной войны и после нее «восстановление законности» Л. П. Берия показывал свои инквизиторские способности, переселяя целые народы, репрессируя направо и налево людей, попавших в мясорубку тяжелой войны.

26 марта 1940 г. в газете «Тагильский рабочий» было опубликовано постановление V Свердловской областной партийной конференции, где говорилось: «Основной задачей областной партийной организации и обкома ВКП(б) является борьба за дальнейшее повышение революционной бдительности...»⁵⁰⁰ В номере за 28 июня были помещены Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день» и Постановление СНК СССР «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на восьмичасовой рабочий день». Здесь же была помещена статья «Необоснованное исключение из партии», где приводились «глубокие» мысли вождя о судьбах коммунистов. Текст статьи гласил: «ЦК ВКП(б) и тов. Сталин учат партийные организации тому, чтобы при исключении коммуниста из партии проверять глубже те обвинения, которые исключаемому предъявляются. Должен

⁵⁰⁰ Тагильский рабочий. 1940. 26 марта.

быть тщательный разбор фактов и индивидуальный подход к каждому исключительно. «Для рядовых членов партии пребывание в партии или исключение из партии – это вопрос жизни и смерти» (Сталин)⁵⁰¹. Вождь как всегда был прав, ибо коммунистам, вычищенным из партии, давно известно, что за этим следует: увольнение с работы, выселение из квартиры, арест, суд, тюрьма, лагерь или расстрел, репрессии против родных и близких.

В номере «Тагильского Рабочего» от 14 июля был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за выпуск недоброкачественной продукции или некомплект продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» (от 10 июля)⁵⁰². Основной темой доносов рабкоров в 1940 г. стали прогулы и наказания за них. В номере газеты за 10 августа 1940 г. помещена небольшая, но грозная заметка «В Наркомюсте СССР», где поведано о решении верховных судебных органов о том, чтобы приговоры по делам о прогулах приводились в исполнении немедленно⁵⁰³. Все последующее время газета полна доносного материала о прогулах. «В Тагильском Рабочем» за 13 августа были опубликованы два указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» (наказание – один год и более) и «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей». Комментарии, как говорится, излишни. Справедливости ради следует заметить, что столь суровое ужесточение дисциплины на производстве позволило намного сократить прогулы и установить тот порядок, который помог нам в годы войны. Однако по окончании войны, с падением патриотического настроения, дисциплина на производстве снова пошатнулась.

Согласно постулатам классиков марксизма-ленинизма, победивший социализм должен был доказать свое преимущество перед капитализмом более высокой производительностью труда. Однако этого в предвоенный (как, впрочем, и любой

⁵⁰¹ Там же. 28 июня.

⁵⁰² Там же. 14 июля.

⁵⁰³ Там же. 10 августа.

другой) период не произошло. В 1940-1941 гг. продолжалась борьба за выполнение планов и повышение качества продукции. Однако вести с XI пленума ГК ВКП(б) Нижнего Тагила были весьма неутешительны: НТМЗ не справляется с планом, много брака, мастера боятся испортить отношения с подчиненными; ВРУ план по добычи руды выполнило только на 85,5 %; низка технологическая дисциплина – за 10 месяцев произошло 60 поломок на станах прокатного цеха завода Куйбышева⁵⁰⁴. В целом итоги работы промышленности города за 1940 г. весьма плачевны. В докладе секретаря ГК ВКП(б) Горбунова по этому поводу говорилось: «Ни одно из решающих предприятий ни по валовому выпуску продукции, ни по номенклатуре, ни по себестоимости годового плана не выполнило»⁵⁰⁵.

Репрессии не могли помочь подлинному решению проблемы, стоявших перед народом огромной страны. Они были вызваны отсутствием жизненной основы для нормального функционирования утопически спроектированного коммунистического хозяйства, и потребность в них была постоянной. Почти все интересы человека оказались враждебными реалиям социализма, и потому у любого начинания Сталина появлялись все новые и новые враги. Коллективизации противостояли «кулаки», «подкулачники», «агенты и пособники кулака», «зажиточные», «оппортунисты» и «правые». На пути индустриализации стояли «спецы», «шахтинские заговорщики», «члены промпартии», «правые и левые оппортунисты» и «примиренцы», «вредители». Культурная революция была связана с борьбой против «попов», «церковников», «сектантов», «обывателей». Проведению новой генеральной линии партии мешали все категории врагов. Постоянно враждебны советской власти были все «бывшие» и «лишенцы» (кулаки, нэпманы, бывшие дворяне, белогвардейцы, торговцы, жандармы, попы и т. п.). При попытке поднять производительность труда советская власть столкнулась с врагами стахановцев и ударников – «прогульщиками», «недисциплинированными рабочими». В борьбе за качество мешали «лжеударники», в борьбе за экономию – «рвачи», «воры», «хулиганы», «пассивные». После утверждения генеральной

⁵⁰⁴ Там же. 16 ноября.

⁵⁰⁵ Там же. 1941. 1 февраля.

линии партии враги затаились и стали «перерожденцами-двурушниками».

В Нижнем Тагиле были свои эпитеты для обозначения вражеских проявлений: «лощеновщина» – выступление в защиту «спецов», «крюковщина» – преклонение перед Западом, «мансуровщина» и «суховольщина» – действия «кулацких подпевал», «чубаровщина» – выступление против линии партии. Когда наступил голод, сразу стал активно применяться лозунг «бывшие объедают и обворовывают рабочий класс».

Никому не гарантировалась безопасность, и власть была готова в любой момент «сорвать маску «рабочих» и «крестьян» с антисоветских элементов». К началу 1930-х гг. существовала обширная категория «классово-чуждого и антисоветского элемента», которая находилась под наблюдением ОГПУ, а затем НКВД. К «чужакам» относились и «бывшие оппозиционеры», «ненадежные», «неустойчивые» и «примазавшиеся».

В период «Большого террора» обозначения врагов народа стали еще более жестокими, с элементами национализма – «диверсанты», «фашисты», «террористы», «немецко-японские шпионы», «националисты», «рыковско-бухаринские бандиты», «члены антисоветских повстанческих организаций». Иногда все эти термины объединялись в единое целое. Так, например, членов подпольного Уральского повстанческого центра называли участниками «контрреволюционной, офицерско-фашистской, диверсионно-повстанческой, террористической организации».

Столь разветвленная терминология к концу 1930-х гг. проникла в сознании всех граждан СССР и никого из них не оставила в спокойном расположении духа. Никто не считал себя безгрешным и в одночасье мог превратиться во врага. Тотальное «промывание мозгов» превратило страну в единый управляемый вождем механизм.

Достаточно сложным для исследователя является вопрос объективной оценки численности, организованности, намерений и опасности для советской власти «врагов народа». Анализируя материал личных дел арестованных, сводок ОГПУ и аналитических справок НКВД, мы сталкиваемся с лавиной

подлогов, подтасовок, фальсификаций. Наименее подвержены дезинформации сводки ОГПУ рубежа 1920-1930-х гг., в которых секретные осведомители дословно фиксировали антисоветские высказывания крестьян, рабочих, обывателей. Однако в период «Большого террора» объективность материалов карательных ведомств оставляет желать лучшего, ибо все антисоветские заговоры возникали преимущественно в уме Сталина и ретивых исполнителей в центре и на местах. В 1937-1938 гг. задача НКВД состояла не в скрупулезной работе по выявлению подлинных врагов, а в организации кампании массового запугивания целого народа.

Чекисты сами признавали позднее, что «правдоподобность показаний арестованных не проверялась». Один из них, бывший следователь Нижнетагильского ГО НКВД, свидетельствовал: «По отношению лиц, на которых мною были проведены следственные дела провокационным методом, являлись эсерами, в то же время кулаками, белогвардейцами или карателями. Вызывало некоторое подозрение, что среди них есть некоторая организованная деятельность, так как, например, в с. Висимо-Уткинске действительно, я лично знаю, была нелегальная оружейная мастерская у мельника Телепнева, в которой было обнаружено в ремонте пять штук револьверов; в с. Кайгородке со стороны Романовых проявлялись попытки к террору местного актива; в дер. Дубасовой Бредовского сельсовета поджог трактора белогвардейцем, эсером Бастраковым, в 1918 г. награжденного крестом лично Колчаком. Все это было. Но при следствии рассматривались не в таком направлении, чтобы подлинно расследовать, принадлежал ли тот или иной факт преступления одному или двум арестованным или организации, а всему этому придавалась организованная окраска. Вот в чем суть провокации»⁵⁰⁶.

В. Лебедев, публикуя в журнале «Источник» в рубрике «Антибольшевистское подполье», документы о деятельности на Урале и в Сибири Российского общевойскового союза, убежден, что такая организация действительно существовала и представляла серьезную угрозу советской власти. Однако, пом-

⁵⁰⁶ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27452. Т. 3. Л. 174.

ня талантливую фальсификацию ОГПУ середины 1920-х гг. под названием «Операция Трест» и учитывая реабилитацию многих руководителей РОВС, разоблачением фальшивки Дмитриева (начальника УНКВД Свердловской области в 1937-1938 гг.) по Уральскому повстанческому центру в 1950-х гг., можно усомниться в реальности антисоветского подполья.

Современный уровень исследований по теме репрессий и проведенная нами работа позволяют вполне определенно говорить от массовых антисоветских настроениях, отдельных актах протеста и террора, но не о крупных антисоветских организациях. В 1930-е гг. просто не существовало возможности для их функционирования на Урале. Другая ситуация сложилась в годы Великой Отечественной войны, когда сотни тысяч советских граждан проголосовали против Сталина вступлением в армию Власова, дезертирством из Красной Армии и невозвращением в СССР. Сталин, как и Гитлер, сумел почти полностью устранить организованную оппозицию в стране.

В этой ситуации еще большего уважения заслуживают те, кто постоянно и открыто выступал против сталинской политики, не боясь тюрем, лагерей, расстрелов. Слесарь завода им. Куйбышева в Нижнем Тагиле Г. А. Чубаров, например, не побоялся противопоставить себя мнению «народа». В газете «Рабочий» (№№ 186-190) публиковалась серия материалов «Наш ответ Чубарову». Он был арестован 2 декабря 1936 г. и признан виновным по ст. 58 п. 10. В обвинительном заключении по этому делу говорилось: «Систематически, начиная с 1926 г., вел среди рабочих металлургического завода им. Куйбышева открыто антисоветскую агитацию, направленную против политики партии и советской власти, которая выражалась: 1. В осуждении политики партии, направленной на строительство крупной промышленности в Советском Союзе. Высказал свое мнение о необходимости в первую очередь удовлетворять нужды трудящихся. 2. В осуждении политики партии по ликвидации кулачества и коллективизации сельского хозяйства и высказывании недовольства данной политикой и того, что рабочий класс будет сидеть без хлеба. 3. В высказывании сожаления об

аресте Каменева и Зиновьева, о их больших заслугах и неверном подходе к ним партии... 4. Осуждению политики партии в распространении стахановских методов работы – говоря, что советская власть, не разобравшись, проводит стахановские методы, от этого будет не повышение производительности, а больше инвалидов...»⁵⁰⁷

Г. А. Чубарова 2 февраля 1937 г. приговорили к пяти годам лагерей и послали отбывать наказание в шахту Интлага Коми АССР. Затем он вернулся в Нижний Тагил и 30 июня 1949 г. снова был обвинен в контрреволюционной деятельности, отправлен на спецпоселение в Красноярский край. В 1956 г. его просьба о реабилитации была отклонена. Только 17 апреля 1989 г. реабилитация состоялась. Нужно отметить, что Г. А. Чубаров в свое время поверил в идеалы революции. С 1918 по 1924 гг. он служил в Красной Армии, с 1919 по 1926 гг. он состоял в ВКП(б) и покинул партию по личному желанию, открыто заявив о несогласии с ее политикой⁵⁰⁸.

«Перебежчик» из Чехословакии А. С. Михалик был членом КПЧ, а затем ВКП(б), в 1935 г. его исключили из партии за сочувствие спецпереселенцам на Вагонстрое. В 1937 г. по обвинению в шпионаже он был привлечен к уголовной ответственности по ст. 58 п. 6. В 1939 г. дело на него прекратили, но 26 января 1940 г. снова судили за антисоветские высказывания и водворили на три года в ИТЛ. Затем 12 марта 1943 г. он снова был арестован и отправлен на пять лет в Севураллаг. В 1958 г. в реабилитации ему было отказано и только после письма его сына Л. И. Брежневу в 1962 г. А. С. Михалик был реабилитирован⁵⁰⁹.

Специфика Нижнетагильского региона в 1930-х гг. заключалась в наличии огромной массы раскулаченных, быстром промышленном строительстве, ускоренном освоении рудных и лесных богатств, наличии значительного числа оборонных предприятий. С одной стороны, в связи с проблемами быстрой индустриализации и колонизации малообжитых северных районов, требовался приток дешевой рабочей силы в лице спецпереселенцев и заключенных. Для освоения новых

⁵⁰⁷ Там же. Д. 29286. Л. 49.

⁵⁰⁸ Там же. Л. 17, 18, 21, 55, 60, 42-43.

⁵⁰⁹ Там же. Д. 3123. Л. 54, 55, 67, 69, 97, 100, 105, 80, 81.

промышленных и строительных технологий требовались сотни инженерно-технических работников и ученых. Кадров советских инженеров катастрофически не хватало, приходилось обращаться к специалистам с дореволюционным стажем и антисоветской репутацией. Таким образом, на Урале и в изучаемом регионе сконцентрировалось значительное количество «классово-чуждого и антисоветского элемента», «лишенцев», «бывших» и «кулаков». Пришлось активно использовать труд и знания «перебежчиков» и иностранных специалистов по контракту.

С другой стороны в Нижнетагильском регионе расположились многие стратегические гражданские и оборонные объекты: шахты, рудники, золотоплатиновые прииски, химические, снарядные, машиностроительные и металлургические заводы. Требовался особый режим для обеспечения их безопасной работы. Поэтому задачи ОГПУ-НКВД на Урале обладали определенной спецификой.

В годы планирования и осуществления «Большого террора» в Нижнем Тагиле и районе вопрос о поисках врагов решался достаточно просто. Начиная с конца 1920-х гг. ОГПУ округа составляло списки антисоветских элементов, и почти все вновь прибывшие проходили проверку на лояльность. Когда понадобился плановый арест «врагов народа», то чекисты обратились к картотекам отделов кадров разных предприятий и отобрали нужное им количество «лишенцев», «бывших», «кулаков», «перебежчиков» и «иноподданных».

Хозяйство Урала испытало жестокий стресс, лишившись более чем наполовину своих организаторов и технических руководителей. Перед началом Великой Отечественной войны здесь, как и в некоторых других регионах страны, сложилось катастрофическое положение с кадрами профессионалов, дисциплиной и производительностью труда в промышленности и сельском хозяйстве.

Многие репрессированные, избежавшие расстрела, попадали в концлагеря и продолжали использоваться в народном хозяйстве. На территории Нижнетагильского региона в начале 1930-х гг. было построено около 200 спецпоселков, а в конце этого

десятилетия создавались лагерные системы Севураллага, Ивдельлага. В них разместились тысячи репрессированных.

Оценивая численность репрессированных в масштабах Свердловской области и Нижнетагильского региона, нужно учитывать разные их категории. Во-первых, на 1 июля 1938 г. в области насчитывалось 171899 спецпереселенцев⁵¹⁰. Во-вторых, в результате партийных чисток в области с 1931 по 1938 гг. из партии было исключено 41095 чел., из которых не менее трети находилось в пределах Нижнетагильского региона⁵¹¹. В 1936-1939 гг. в области арестовали по ст. 58 48560 чел.⁵¹² Известно, что в начале 1938 г. из 4,5 тыс. спецпереселенцев, работавших на Вагонзаводе, было арестовано более 2 тыс. чел.⁵¹³ Учитывая особенности Нижнетагильского региона, вероятно, большая часть контрреволюционеров была арестована в его пределах. К сожалению, сегодня еще нет возможности полного подсчета жертв репрессий по контрреволюционным делам в исследуемом нами регионе. Динамика этого вида репрессий в период 1929-1940 гг. прослежена нами на материале г. Нижнего Тагила (см.: Приложение 20 к главе 5. Ч. 2. Приложения).

⁵¹⁰ Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 8.

⁵¹¹ См.: С. 191, 192, 204 данной главы.

⁵¹² См. С. 206, 211 данной главы.

⁵¹³ См.: Земсков В. Н. Указ. соч. С. 15.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА ПРОБЛЕМЫ	
1. Общая характеристика массовых источников.....	28
2. Методика обработки информации.....	39
ГЛАВА 2. ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕПРЕССИВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА	
1. Складывание основ советской правовой системы в борьбе с контрреволюцией (1917 – конец 1920-х гг.).....	56
2. «Великий перелом» и ужесточение репрессивных законов (конец 1920-х – 1930-е гг.).....	62
3. Военно-мобилизационные мероприятия и репрессивное законодательство СССР в 1940-е гг.....	67
4. Репрессивные акты «позднего сталинизма». Переход к законодательной реформе 1950-х гг.....	74
ГЛАВА 3. ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ	
1. Механизм ограничения прав граждан в ходе избирательных кампаний 1920-х гг.....	88
2. Построение «основ социализма» и лишенцы 1929-1936 гг.....	94
ГЛАВА 4. РАСКУЛАЧЕННЫЕ-СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ТАГИЛЬСКОМ ОКРУГЕ	
1. Этапы раскулачивания, численность спецпереселенцев и места расселения.....	112
2. Условия жизни и труд спецпереселенцев.....	132
3. Соппротивление крестьян-спецпереселенцев и методы борьбы с ними советской власти.....	153
ГЛАВА 5. РЕПРЕССИИ ПО КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫМ ДЕЛАМ 1928-1940 ГГ.	
1. Борьба за новую генеральную линию партии в 1928-1934 гг.....	178
2. Подготовка и осуществление «Большого террора» в 1935-1938 гг.....	195
3. «Восстановление законности» в деятельности репрессивных органов в 1938-1940 гг.....	210

В. М. Кириллов

**История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала.
1920-е – начало 1950-х гг.**

**Часть I
Репрессии 1920-1930-х гг.**

Технический редактор Т. С. Кириллова
Компьютерный набор Т. П. Попова
Компьютерная верстка И. М. Семенкина